

Нил Стивенсон

СИНДРОМ ОТКАТА

СИНДРОМ ОТКАТА —
КАТАСТРОФА,
ВЫЗВАННАЯ
РЕЗКОЙ
ОСТАНОВКОЙ
ГЕОИНЖЕНЕРНОЙ
СИСТЕМЫ.

fanzon

Fanzon. Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ

НИЛ СТИВЕНСОН
Синдром отката

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стивенсон Н. Т.

Синдром отката / Н. Т. Стивенсон — «Эксмо», 2021 — (Fanzon. Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ)

ISBN 978-5-04-191667-1

Глобальное потепление грозит погубить планету. Но у одного человека появляется Большая идея. Ее воплощение, кажется, должно помочь остановить экологическую катастрофу. Проект объединяет людей разных культур и национальностей со всех континентов и уголков мира для борьбы с последствиями глобального потепления. Но не станет ли лекарство опаснее болезни?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-191667-1

© Стивенсон Н. Т., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Техас	6
Пентапотамия	40
Луизиана	44
Дельта Миссисипи	58
Амритсар	71
Хьюстон	75
Лагерь на берегу Бразос	77
Хьюстон	84
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Нил Стивенсон

Синдром отката

Neal Stephenson

TERMINATION SHOCK

Copyright © 2021 by Neal Stephenson

Fanzon Publishers

An imprint of

Eksmo Publishing House

Перевод Наталии Холмогоровой

© Н. Холмогорова, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Посвящается Э.Л.

Если лить не перестанет, плотина прорвется,
Если лить не перестанет, плотина прорвется,
Все зальет – и куда нам тогда деваться?..
Я работаю без отдыха, день и ночь,
Я работаю без отдыха, мама, день и ночь,
Лишь бы не дать плотине прорваться...

*КАНЗАС ДЖО МАККОЙ И МЕМФИС МИННИ.
КОГДА РУХНЕТ ПЛОТИНА¹*

¹ Блюзовая песня, посвященная Великому наводнению на Миссисипи 1927 года – одному из самых разрушительных наводнений в истории США. Получила всемирную известность в переработке группы Led Zeppelin. (Здесь и далее – прим. пер.)

Техас

Хьюстон самолеты не принимал: было слишком жарко. Точнее, приземлиться-то бизнес-джет королевы там мог, поскольку за время полета из Схипхола переработал в углекислый газ и выбросил в атмосферу десять тысяч килограмм топлива. Но после заправки едва ли оторвался бы от земли, пока не спадет жара. А на смену жаре ожидался ураган.

Повинуясь указаниям диспетчеров, Фредерика Матильда Луиза Саския – такое имя королева получила при рождении – и второй пилот, капитан Нидерландских Королевских Военно-воздушных сил по имени Йохан, начали серию воздушных маневров, которым предстояло завершиться в Уэйко.

Быть может, Уэйко для них – не лучший выбор; но спорить сейчас бессмысленно. Бизнес-джет, почти пустой – всего семь душ на борту, – летел выше и быстрее авиалайнеров. Разрезал нижнюю кромку стратосферы со скоростью более шестисот миль в час и уже готов был начать снижение в Хьюстоне, когда пришло сообщение, что там сейчас не сядешь. Нужно было решить, куда лететь. Быстро сделать выбор – необязательно лучший из возможных.

Как сообщили техасцы по радио – и как подтвердил Виллем, заглянув в рубку со свежими данными, полученными по каналу интернет-связи для пассажиров, – несколько часов назад над Уэйко пронеслась гроза, и температура там сейчас упала до 45 градусов. Или до 113, если считать по-американски². Словом, достаточно низко, чтобы имело смысл хотя бы заглянуть в расчетные таблицы, созданные производителем этого джета тридцать лет назад, вместе с самим самолетом. В то время людям в голову не приходило, что на Земле может быть так жарко, как сейчас в Хьюстоне, и такие цифры в таблицах просто не значились.

В аэропорту Уэйко имелось все, что нужно. Две посадочные полосы, расположенные буквой V. Воздушные потоки вынуждают сесть на левой из них, той, что направлена на юг. То же советуют диспетчеры. Что ж, так они и сделают.

У диспетчеров на руках куча самолетов – в основном лайнеров, – которые тоже надеялись приземлиться в Хьюстоне и теперь не знали, куда податься. И большинству из них требовались аэропорты посolidнее. Так что бессмысленно спорить, подойдет ли им Уэйко. Переговоры по радио может услышать кто угодно, к тому же они записываются – а королеве и ее свите желательно сесть тихо, не привлекая к себе внимания. К этому королева привыкла: ее с младенчества учили не выставлять напоказ свое положение и статус. В Нидерландах это не принято. Играет на руку антироялистам, только и всего. Леннерт, руководитель ее охраны, пришел к выводу, что Уэйко подойдет. Там есть ангар, вполне подходящий для такого самолета. Виллем уже заказал номера в гостинице и сейчас договаривался об аренде автомобилей.

Все, что от нее требуется, – посадить самолет. А это она умеет. И Йохан рядом, если что, всегда придет на помощь.

Вместе с титулом и богатством королева унаследовала от отца любовь к самолетам. Помимо своих королевских обязанностей, отец подрабатывал пилотом на KLM – *Koninklijke Luchtvaart Maatschappij*, «Королевских голландских авиалиниях» с короной на логотипе. Давным-давно папа объяснил ей, почему стал пилотом. Когда сидишь за штурвалом, сказал он, у тебя есть не только возможность, но и священная обязанность ни о чем, кроме своей машины, не думать – иначе погибнешь сам и погубишь пассажиров.

В этих словах заключался второй смысл – или даже два, – которые принцесса Фредерика Матильда Луиза Саския поняла лишь много лет спустя.

² Имеется в виду температура по Цельсию и по Фаренгейту.

Первый, более очевидный: мама и папа очень старались растить ее как обычного человека, и то, сколько обязанностей и ограничений накладывает корона, она поняла лишь намного позже. Уже взрослой.

И второй, пришедший ей в голову совсем недавно: «машина, от которой нельзя отвлекаться, иначе погибнешь сам и погубишь пассажиров» – ведь это не что иное, как ее страна. Нидерланды. Сложный механизм, способный погубить массу людей, если не нажимать вовремя нужные кнопки.

Королева снижала самолет и готовилась к приземлению: на душе у нее было спокойно и ясно. Все, что сейчас требуется, – удерживать нужные цифры в нужных диапазонах. К моменту, когда внизу блеснет посадочная полоса Уэйко, самолет должен достичь так называемой эталонной скорости. Значение ее зависит от таких условий, как температура за бортом, вес самолета, состояние посадочной полосы; но так или иначе, ее благополучно рассчитали тридцать лет назад, она значится в таблицах, и как безопасно снизить скорость до этих значений – тоже проблемы не составляет.

Одновременно требовалось спуститься вертикально вниз, пролетев через всю тропосферу – нижний слой воздушной оболочки Земли, определяющий земную погоду и климат, – пока цифры на высотомере не совпадут с высотой Уэйко над уровнем моря. И для этого существует известная процедура; что же до поворотов в горизонтальной плоскости – здесь королева полагалась на усталые голоса техасских диспетчеров. Привычная последовательность действий за пультом, короткий, сухой, но совершенно спокойный обмен репликами с Йоханом и с диспетчерами на земле – все вместе вызывало состояние, которое голландцы именуют *normaal*, с ударением на втором слоге. Совсем не то же, что английское *normal*.

Чтобы объяснить понятие *normaal*, понадобилась бы целая книга. Если же вам случилось родиться в королевской семье Нидерландов, за право считаться *normaal* приходится постоянно бороться; а поскольку это свойство легко подделать, убедительнее всего доказать свою нормальность получается там, где одна ошибка может стоить вам жизни.

Если вы ездите в школу на велосипеде (именно об этом писали таблоиды, когда королева была маленькой), хейтеры скажут, что это все пиар, которому верят лишь самые наивные. Зато даже самый свирепый антироялист не сможет отрицать, что король (или королева) благополучно посадил самолет, не угробив ни себя, ни пассажиров. Такое не разыграешь – и обещаю такому не научишь. Ни один король не получит лицензию пилота, не освоив математику, физику, механику и метеорологию. В далеком прошлом, чтобы доказать, что он не фальшивка, король с мечом в руках сам вел в бой свои войска. Сидеть за штурвалом самолета и направлять его на посадочную полосу – в современном мире, пожалуй, ближе всего к той давней кровавой проверке на прочность.

Королева взяла на себя главное; о деталях заботилась ее команда. Услышав, что в Уэйко не так жарко, как в Хьюстоне, естественно предположить, что там царит благословенная прохлада. Мысль, увы, ошибочная. Едва коснувшись земли, самолет превратится в духовку. И когда пассажиры выйдут на воздух, легче не станет: внутри или снаружи их поджидает неотвратимый тепловой удар. Так что стоило заранее продумать, как через несколько минут после посадки спрятать самолет и его пассажиров где-нибудь в тени, лучше всего – в помещении с кондиционерами. Разумеется, в багажном отсеке лежали полностью заряженные геокостюмы: надевай и иди. Однако судорожно распаковывать их сразу после посадки отдавало дилетантством.

От королевы требовалось лишь приземлиться; и с этим она никаких затруднений не предвидела. Ураган, угрожающий Хьюстону, пока бушевал в сотнях километров отсюда, над Заливом. Над Уэйко воздух был влажный и переменчивый после недавней грозы – в Голландии она справлялась с таким не раз. Время около четырех – белый день. Плавный спуск по спирали, направляемый диспетчерами, давал возможность хорошенько разглядеть Уэйко и окрестности.

Плоская зеленая равнина. Не такая плоская, как дома, – но, насколько видит глаз, не осложненная ни холмами, ни оврагами. Зелень темнее нидерландских пастбищ и полей: здесь в основном леса и заросли кустарника.

Постепенно картинка внизу стала четче. Самолет встроился в очередь на посадочную полосу, пока еще невидимую. За аэродромом виднелся город: лишь несколько высотных зданий вздымались головы над ровным, аккуратным зеленым покровом. Похоже, в городе много парков. На окраинах зеленый цвет тускнеет, перетекает в серый – может, там больше построек и меньше деревьев? Справа по предполагаемому курсу – большое озеро, отгороженное от открытой лужайки аэропорта полосой густых и темных, почти черных, зарослей. По форме озера нетрудно догадаться, что оно искусственное. Скользя взглядом по берегу, королева – истинная нидерландка – безошибочно определила дамбу: невысокую прямую насыпь с водосбросом, недалеко от конца посадочной полосы.

Все эти впечатления почти бессознательно накапливались в мозгу в те десять минут или около того, пока самолет снижался. Как ни странно, делать было особо нечего. Они с Йоханом балансировали таким образом, чтобы вес самолета превышал аэродинамическую силу крыльев: согласно законам физики это позволяло снижать высоту неторопливо и предсказуемо. Постепенно снизили скорость узлов до двухсот: она уже приближалась к эталонной, чье значение сегодня составляло 137 узлов. Скоро выпустят закрылки. Взгляд королевы привычно скользнул по нескольким ключевым индикаторам. Самолет старый, и в рубке хватает старомодных механических переключателей, в черных бакелитовых панелях с рельефными белыми надписями. Но все самое важное в центре, как выражаются пилоты, «полностью экранное»: в старозаветную приборную доску врезана электронная панель, разноцветные сияющие экраны с виртуальными инструментами. Королева знала, куда смотреть, и все важные данные – скорость, высоту, вертикальный наклон, поперечный крен, значение отклонения от курса – считывала автоматически.

И все же не мешало посматривать и в окно, на реальный мир. Перед ними, довольно далеко, приземлился одномоторный частный самолетик и быстро убрался с дороги. Тут и там на земле что-то бессистемно поблескивало. Привычная для нидерландцев картина: местное затопление. Воды не так много, чтобы устроить потоп, но достаточно, чтобы в тех местах, где почва уже насыщена влагой и впитывает медленно, надолго задерживались, словно блески на плоской груди земли, стоячие озера или просто большие лужи. Одна из таких луж на миг ослепила королеву, блеснув в солнечных лучах. Однако за аэродромом, по всей видимости, следили хорошо и такого не допускали: диспетчер предупредил бы, ожидай их лужи или грязь на посадочной полосе. Полоса, кстати, уже ясно просматривалась внизу, прямо по курсу, именно там, где должна быть, – влажная от недавнего дождя, но без луж. Еще один маневр – и самолет прямо над ней. Большая часть аэропорта теперь осталась слева. Справа, между гудроном и проволочным сетчатым забором, показалась узкая полоска травы. Сразу за сеткой, параллельно ей – двухполосная дорога. Окаймленная темным лесом, через пару километров она выходила на изогнутый берег озера. Сквозь зелень деревьев то тут, то там мелькали бурые пятна голой земли, а кое-где – синие прямоугольники брезентовых тентов, натянутых над лагерями беженцев.

Медленное приближение земли всегда завораживало королеву. Двадцать минут назад город едва виднелся за синей дымкой стратосферы – а теперь, снизившись на сотню метров, она ясно видела каждый дом, и дворы за домами, и сверкающие голубые пятнышки бассейнов, посветлее брезента в лесу. Должно быть, дети – определенно из более обеспеченных семей, чем те, что прячутся в лесах, – прыгают в бассейны охладиться, вернувшись из школы. На миг вспомнилась Лотта; но королева напомнила себе, что сейчас не время думать о дочери, и вместо этого в сотый раз проверила инструменты. Что-то мелькнуло справа от полосы... нет, ничего особенного – просто вдоль огороженного периметра аэродрома по разбитой, темной от

недавнего дождя двухколейке едет пикап. Почему-то с включенными тормозными огнями. Ее это не касается.

Самолет миновал ограду у ближнего конца полосы. Любую тревогу, какую могла бы испытывать королева в эти последние секунды полета – верна ли скорость, высота, угол снижения? – рассеивало полное спокойствие Йохана, второго пилота. Вдвоем они действовали как один. Оставалось лишь несколько секунд до того, как шасси коснутся гудрона и воздушный корабль обернется громоздким и чертовски дорогим автомобилем. Высоко расположенное лобовое стекло и чуть вздернутый нос самолета мешали разглядеть, что творится на полосе прямо по курсу. Зато джет был снабжен видеокамерой в брюхе: изображение с нее выводилось на экранчик между креслами пилотов, так что оба видели, что происходит внизу. Как правило, во время посадки королева не смотрела на этот экран: что там увидишь, кроме чистого гудрона?

Однако в эти последние секунды до нее донеслись изумленные и испуганные возгласы из салона, с правой стороны – возгласы людей, увидавших что-то невероятное. Невероятное... и опасное. Обычно во время полетов королева оставляла рубку открытой, чтобы любопытные пассажиры могли заглянуть внутрь и полюбоваться видом из кабины; но теперь, судя по всему, пассажиры видели нечто, скрытое от глаз пилотов.

«Что происходит? – мелькнуло в голове. – Не прервать ли посадку?» А в следующий миг ее внимание привлекло необычное движение на экранчике видеокамеры.

За долю секунды она успела разглядеть: кипучая темная масса четвероногих созданий мчится через полосу наперерез – прямо под брюхом бизнес-джета.

Самолет резко дернуло вправо. Шасси под правым крылом с размаху обо что-то ударились. Они еще не сели, так что колеса пока не вошли в сцепление с поверхностью. Нос самолета ухнул вправо и вниз, переднее шасси вдавилось в гудрон под неудачным углом – и тоже наткнулось на какое-то препятствие.

В этот миг они летели с эталонной скоростью: 160 миль в час по техасскому счету. Полоса ринулась навстречу. Самолет страшно трясло и болтало – показания приборов плясали перед глазами. Экран нижней камеры забрызгало чем-то красным – то ли кровью, то ли гидравлической жидкостью. Сквозь алые потеки едва виднелась размытая зелень, со страшной скоростью летящая мимо. Нет, это небо. Нет, снова зелень. Королеву толкнуло вперед; ремень безопасности удержал ее на месте. За спиной с грохотом срывались с мест и летели по салону чемоданы. Вновь тряхнуло – похоже, влажную землю пропахала законцовка крыла. С полосы они съехали: все, что оставалось, – мчаться вперед, тормозя о землю, о траву, обо что придется.

Свиньи! Только теперь королева сообразила: четвероногие создания, темным потоком промчавшиеся под брюхом самолета, – это свиньи! На вид скорее дикие кабаны, чем домашняя скотина. Эта совершенно бесполезная мысль крутилась у нее в голове, когда самолет, подпрыгивая и трясясь, пролетел вкось по траве и вступил в сложные отношения с сетчатой оградой.

А потом, слава богу, наконец остановился.

Сквозь трещину в фюзеляже королеву, словно из горячего душа, окатило раскаленным воздухом. Это побудило ее действовать: она торопливо расстегнула ремень безопасности – и сразу повалилась на Йохана, который двигался куда медленнее. По его лицу стекала кровь и капала с уха. Бровь рассечена: рыжеватые волосы слиплись от крови. Глаз под ссадиной был закрыт, второй открыт, но затуманен. Йохан пытался подняться, у него не получалось. Наверняка сотрясение. Королева расстегнула и его ремень.

Выбраться из рубки оказалось дьявольски непросто: земное притяжение тянуло в другую сторону. Пришлось карабкаться вверх, словно альпинистке, ища опоры для рук и ног. Посередине пути она застряла, но в этот миг сильная рука схватила ее за запястье и подтянула выше. Убедившись, что его королева цела, Леннерт повернулся к двери, расположенной прямо над ним. И здесь гравитация ему не способствовала. Однако королева поддерживала Леннерта с

одной стороны, его ассистентка Амелия – с другой, и с их помощью он сумел наконец дотянуться до дверной ручки. На миг королева испугалась, что дверь в перегородке, разделявшей самолет почти пополам, заклинило. Но нет – та оказалась на удивление прочной. Леннерт повернул ручку и распахнул дверь одним мощным пинком. В проеме показалось голубое небо с легкими облачками. Схватившись обеими руками за косяк, Леннерт подтянулся, вытолкнул себя наверх и присел на фюзеляж возле выхода, чтобы оглядеться. Освещенное солнцем лицо мгновенно покрылось капельками – нет, не пота, человек так быстро не потеет. Это влага из раскаленного воздуха сконденсировалась на его относительно прохладной коже.

Королева боролась с желанием последовать за ним. Но капитан воздушного судна должен покинуть его последним. Йохан не выберется сам, его придется вытаскивать; что до остальных – они могли пострадать еще серьезнее.

Леннерт почему-то не спешил двигаться дальше. Сидел с таким видом, будто предпочел бы остаться внутри самолета. Он отвел руку за спину, к ремню, но тут же ее отдернул. Обычно на людях он носил сзади под пиджаком пистолет – и сейчас инстинктивно потянулся за ним. Увы, оружия при нем не было.

– Мою сумку, – приказал он Амелии, имея в виду небольшую сумку на ремне, в которой возил пистолет и другие орудия своего ремесла. Затем объяснил королеве: – Хочу оглядеться, *mevrouw*³. Огня не видно, но будьте начеку: возможно, у нас не так много времени.

Амелия рылась в разбросанном по салону багаже, разыскивая сумку Леннерта. Задача была не из легких: дверь, ведущую в багажное отделение в конце салона, в какой-то момент снесло с петель, и вещи разлетелись в разные стороны. Например, прямо под ногами валялась синяя скатка – один из геокостюмов. Королева взяла его в руки и, подняв над головой, выбросила через дверь наверх, на фюзеляж. То же проделала с еще одной скаткой. С чьим-то рюкзаком. И еще одним геокостюмом. Но сумку Леннерта ни она, ни Амелия пока не видели.

В салоне оставались еще трое. Виллем успокаивал Фенну: ее работа состояла в том, чтобы королева могла не думать об одежде, прическе, макияже, однако всегда хорошо выглядела и не давала поводов над собой смеяться. Именно благодаря Фенне даже сейчас, в сорок пять лет, Фредерику Матильду Луизу Саскию таблоиды именовали «коронованной красавицей» – хотя, по большому счету, красотой она не блистала – и иногда даже «завидной невестой» (королева была вдовой). Так что со своей работой Фенна справлялась. Вот только к крушению самолета жизнь ее явно не подготовила.

И наконец, Аластер – единственный пассажир не нидерландского происхождения. Шотландец из Лондона, где он весьма успешно занимался математическим анализом рисков. Он все еще сидел пристегнутый на своем месте, дальше всех от рубки, перекосившись в кресле и невидящим взором глядя в окно. Что ж, для аналитика рисков такое приключение как нельзя кстати.

Аластер повернул голову, следя за каким-то движением за окном, затем обернулся к остальным. В его сторону смотрела только королева, так что он, кашлянув, сообщил ей самым будничным тоном:

– Там...

– Свины? Знаю.

– Я хотел сказать, аллигатор.

– М-м?

– Или крокодил. Не уверен. Я в них не совсем...

Его прервал Леннерт: издал звук, средний между рычанием и визгом, но определенно ближе к последнему. Кажется, началось с каких-то слов – с чего-то вроде: «Пшел вон!» или

³ Госпожа (голл.).

«Пшел отсюда!» – так обычно кричит человек, пытаясь отогнать животное. Почти сразу слова слились в бессловесный вопль, полный ужаса и боли.

Амелия нашла наконец его сумку, выхватила пистолет. Бросилась вперед по загроможденному багажом проходу. Не успела она выбраться наверх, как снаружи грянули выстрелы.

В обязанности королевы среди прочего входит разбираться в оружии – так что она сразу поняла: это уже не пистолет. Судя по оглушительному грохоту и частоте очередей, стреляют из автомата.

Семья Амелии приехала в Нидерланды из Суринама. Среди ее предков имелись африканцы, нидерландцы, индийцы и индейцы. В юности она выступала в олимпийской сборной страны по дзюдо, мощным телосложением напоминала американскую теннисистку Серену Уильямс. В салоне Амелия занимала немало места. Однако сейчас с легкостью двенадцатилетней гимнастки бросилась вперед, одним махом взлетела на фюзеляж и замерла там, держа пистолет наизготовку и озираясь по сторонам. Медленно опустила пистолет: судя по всему, увиденное поразило ее не меньше, чем Леннарта несколько минут назад.

Снаружи донесся незнакомый мужской голос:

– Эй, у вас там аптечка есть? Ему пригодится. – И секунду спустя: – Держись!

Еще пара выстрелов.

– Аллигатор, чтоб его! – снова послышался голос незнакомца. – Да еще чертов самолет! Извините, что ругаюсь. Думал наконец свести счеты со стариной Пятачком, а тут такое... Кстати, на вашем месте я бы не расслаблялся: свиньи чуют кровь.

Во время этой любопытной речи Фредерика Матильда Луиза Саския вытащила на пустую площадку под распахнутой в небеса дверь еще одну скатку с геокостюмом, взобралась на нее, словно на пригорок, и, высунув наружу голову и плечи, наконец огляделась вокруг.

Здесь было на что посмотреть! Она постаралась сосредоточиться на том, что поближе. Прямо под ней, прислонившись к фюзеляжу, полулежал на земле Леннерт, живой и в сознании, но, похоже, в шоке. Рядом – мертвый кабан: настоящий дикий кабан, огромный, должно быть, весом не меньше Леннерта, с окровавленными клыками. Из раны в грудной клетке – судя по всему, пулевой – слабыми толчками вытекала кровь. Леннерт тоже наверняка потерял немало крови: у него распоротое бедро. Над ним склонился незнакомец, чей голос и выстрелы она слышала. По неторопливому южному выговору она представила, что он белый; но теперь увидела смуглую кожу, черные волосы и глаза. Выбритые виски блестели щетиной, ото лба к затылку шла широкая полоса полуседых дредов. Незнакомец явно несколько дней не брился, вид у него был потный и измученный. Через плечо перекинут АК-47. Он перевязывал ногу Леннерта собственным поясом, на котором висел охотничий нож; сам нож теперь служил закруткой. Подняв голову, незнакомец встретился с королевой взглядом.

– Нож вернете, мэм, – сказал он и встал, оглядываясь по сторонам.

Из-за самолета показался еще один кабан, поменьше и не такой клыкастый. Шумно пригнувшись и похрюкивая, двинулся к Леннерту. Похоже, как и предсказывал незнакомец, его привлекла кровь. Незнакомец начал снимать с плеча калашников, но в этот миг совсем рядом раздался грохот, от которого у королевы зазвенело в ушах. Она подняла глаза, как раз когда Амелия с фюзеляжа выпустила в кабана вторую пулю. Хряк упал на бок и суетливо задергал ногами. Незнакомец, полуобернувшись, одобрительно кивнул.

– Вот это правильно, сестренка, – сказал он. – Две пули всяко лучше одной. – Повернувшись к ним спиной, он снова занялся своим делом. Пару секунд спустя, заметив что-то слева, он спокойно, почти небрежно, обронил: – Эй, а у вас мотор горит!

Проследив за его взглядом, она увидела смятый, расплюснутый с одной стороны самолетный двигатель, из которого и вправду выбивались языки пламени. Зрелище довольно впечатляющее – если не считать того, что рядом лежал исполинский мертвый аллигатор.

– Пожарные сюда не приедут, – сообщил незнакомец, выходя в центр взрытой площадки, усыпанной покореженным металлом и разорванным на части кабаном. – Они же не глухие. – И он кивнул на свой калашников. – Скорая помощь? Тоже вряд ли. Копы? Может быть, только не обычные копы. Скорее уж спецназ. А мне надо покончить со стариной Пятачком, пока здесь не появились парни в бронеках. И берегитесь падальщиков! Они явятся быстрее спецназовцев.

Мужчина оглянулся, чтобы удостовериться, что его слушают, – его слушали очень внимательно, – затем указал на лес через дорогу. Оттуда уже приближались десятка полтора фигур с длинными ножами в руках.

Пятачок – так себе кличка для чудовища. Но Адель была такая девочка-девочка, всему на свете придумывала няшные имена. И, конечно, ей в голову не приходило, что однажды Пятачок ее сожрет.

В те дни – лет пять назад – Пятачок был просто поросенком в стаде диких свиней, блуждающим по центральному Техасу и время от времени забредающим на те пятьдесят акров, где Руфус с женой Мэриел пытался вести хозяйство. Маленькая Адель узнавала Пятачка сперва по белым пятнам на морде, а после – по его гигантским размерам.

Причину, по которой Пятачок вырос больше остальных, Руфус и Мэриел выяснили слишком поздно. Адель завела привычку его подкармливать. А Пятачок, не будь дурак, завел привычку слоняться вокруг фермы и ждать, когда ему что-нибудь перепадет.

Руфус винил во всем «Паутину Шарлотты»⁴, сказку, с которой Мэриел – разумеется, из самых благих побуждений – слишком рано познакомила дочь. Впрочем, справедливости ради, немало роликов на «Ютубе» тоже внушают неверную и опасную идею, что свиньи – милые розовые хрюшки, которые вовсе не едят человечину. Волны моральной паники по поводу того, что алгоритмы «Ютуба» показывают детям непредназначенные для детей видео, как правило, касаются секса, насилия или политики. Тоже, конечно, вещи неприятные – но у негородских жителей проблемы несколько иные.

Быть может, все вышло бы иначе, сумей Руфус оградить Адель от сказочек про поросят в тот роковой год, когда она выучилась читать, а Пятачок из крохотного детеныша вырос в машину весом вдвое больше самого Руфуса, когда-то игравшего в футбол полузащитником. Иногда за завтраком Адель жаловалась, что ночью ее будили выстрелы. Руфус с женой переглядывались, а потом Мэриел говорила: «Наверное, охотники» – и, формально говоря, даже не врала. Это был Руфус, часа в три ночи отстреливающий диких свиней из ружья с инфракрасным прицелом. А если не он, то кто-нибудь из соседей – за тем же занятием, по тем же причинам.

Дикие свиньи давно уже превратились в какое-то стихийное бедствие; казалось, недалек день, когда они отвоюют Техас у рода человеческого. Начать с того, что народу в этом штате и без того немного. Из техасской земли, как ни потей, особых денег не выжмешь – а если что-то еще и снижает прибыль, трижды подумаешь, стоит ли вообще с этим возиться. Из-за денег Руфус и Мэриел откладывали рождение второго ребенка – и этим, можно сказать, тоже снижали численность населения на своих пятидесяти акрах.

Решив заняться скотоводством, Руфус вышел в отставку (служил он в Форт-Силле – это к северу отсюда, за границей Оклахомы) в надежде обрести в Техасе пастбища позеленее. Вырос он в Лоутоне, городке близ Форт-Силла, сто шестьдесят акров земли вокруг которого были нарезаны на участки⁵, принадлежавшие в основном команчам. Среди предков Руфуса имелись

⁴ Детская сказочная книга Элвина Брукса Уайта (1952), дважды экранизированная. В США считается классикой детской литературы. Один из главных героев книги – симпатичный поросенок Уилбур.

⁵ Земельные наделы, выделенные индейским семьям согласно Акту Дауэса (1887). Индейцы, соглашавшиеся выйти из племени и поселиться на предоставленном им земельном участке, получали гражданство США. Закон был призван разрушить племенной строй и традиционный образ жизни индейцев, побудить их заняться сельским хозяйством и ассимилироваться в

черные и белые, команчи и осейджи, мексиканцы и корейцы; однако сам он официально числился членом племени команчей и даже имел соответствующее удостоверение. Надо заметить, что индейцы вообще, и команчи в частности, интересуются чистотой крови куда меньше основной массы американцев, не вылезающих из контор «23andMe»⁶.

С Мэриел Руфус познакомился еще на службе: проходил стажировку в Форт-Сэме в Хьюстоне, а она работала там на гражданской должности. Оказалось, что у ее семьи есть ранчо и кусок земли – эти самые пятьдесят акров в нескольких часах езды к северу от Сан-Антонио, – с которым никто не знает, что делать. То самое пастбище позеленее: по крайней мере, тогда они так думали. Дядя Мэриел позволил им там поселиться на условии, что они приведут ранчо в порядок и будут платить аренду, покрывающую налоги и прочее. Они поставили посреди участка дом на колесах и стали жить. Старое ранчо ремонту не подлежало – Руфус разобрал его на дрова, а из досок, что получше, собрал несколько хозяйственных помещений: сарайчик для инструментов, курятник, чуть позже хлев для коз.

До того жизнь Руфуса следовала траектории, ничем не примечательной в этой части света: вырос в неполной семье, в старших классах играл в футбол – но не так усердно, чтобы заработать стипендию или вышибить себе мозги. Завербовался в армию. Выучился на механика. Чинил сложную военную технику в не самых благополучных частях света. Потом вновь оказался совсем рядом с домом, в Форт-Силле – и с удивлением понял, что прошло уже двадцать лет. Вышел в отставку с отличной характеристикой. Сперва подумывал поступить в колледж по квоте для военнослужащих – стандартный путь наверх для людей вроде него, – но отложил этот план, когда встретил Мэриел. Она была с юга Техаса, из классической для этих мест немецко-мексиканской семьи. Время от времени на ранчо заезжал кто-нибудь из ее многочисленных дядьев и кузенов: помочь молодым обустроиться и, как подозревал Руфус, за ним присмотреть. И кто их осудит? Они вправе опасаться, что парень вроде него, женившись и увезя жену подальше от родни, начнет распускать руки, – и вправе удостовериться, что это не так. Все правильно: доверяй, но проверяй.

В то время политические полюса любопытным образом замкнулись, когда хиппи, решившие вернуться к истокам, стали неотличимы от ультраправых выживальщиков – просто потому, что девяносто девять процентов времени занимались одним и тем же. Чтобы объяснить, зачем зарылся в глушь и копаешься в земле, а не уедешь в какой-нибудь пригород Далласа и не найдешь работу в «Уолмарте», нужна какая-то история. У хиппи и ультраправых они сильно отличались, но на практике об этом редко вспоминали. Мэриел тяготела скорее к хиппи; Руфус оставался сам по себе.

Поначалу он всерьез надеялся на прибыль; но снова и снова обнаруживал, что, как ни рви жилы, даже при большом везении тебе удастся выжать из земли лишь на несколько долларов больше, чем в прошлом году. Шли годы, и Руфус начал спрашивать себя, зачем во все это ввязался. Колледж по квоте давно сошел с повестки дня; но ведь можно уехать куда угодно и хоть авторемонтом заняться, все хлеб. Расходы на жизнь вырастут, зато он будет спокойно спать по ночам, а не ставить будильник на 2:30, чтобы отстреливать по ночам диких свиней.

Трупы он оставлял на месте, и к утру их сжирали другие свиньи. Еще один образчик бессмысленности такой жизни. Свиньи едят все, даже друг дружку. Жвачные животные уничтожают траву, но корни оставляют в земле, – свиньи же взрывают землю и выкапывают корни. Начинается эрозия. Там, где прошли свиньи, могут жить разве что муравьи. Уничтожить этих тварей с одной винтовкой невозможно; и те, кого он убивает, становятся пищей для следующих. Руфус и Мэриел запретили Адели подкармливать Пятачка и его собратьев. Увы! Пята-

американское общество.

⁶ Американская биотехнологическая компания, предоставляющая частным заказчикам услуги генетического тестирования.

чок уже получил хороший жизненный старт, усвоил, что где люди, там еда, – и Руфус начал подозревать, что выстрелы по ночам не пугают его, а привлекают. Хряк понял: где стреляют, там можно нажраться от пуза мясом убитого родственника. Ночь за ночью Руфус выходил на охоту – а Пятачок только жирел и нагнел.

Почти все это Руфус понял задним числом, в свете того, что случилось дальше. Изводил себя мыслями о том, что надо было выследить именно Пятачка. Пристрелив какого-нибудь хряка, оставить того валяться на земле как наживку, а самому залечь в засаде и ждать. Годы прошли, но он все еще ворочался ночами без сна, думая, что в те далекие дни, когда у него еще была дочь, не раз и не два ловил Пятачка – светлый силуэт среди других таких же – в перекрестье инфракрасного прицела, но не спускал курок. Просто потому, что не знал, как наутро, за завтраком, будет смотреть в глаза Адели.

Недавно он научился одному фокусу: только в голову заползут мерзкие мыслишки о том, что было бы, если бы... – высовывай язык. Открывай рот и высовывай язык так далеко, как только можешь, словно выблевываешь эти мысли, отказываешься впускать их в себя. И это работало. Правда, люди на него косились – хотя Руфус теперь общался с людьми нечасто.

Единственным его утешением – очень скудным, надо сказать, – было то, что во время этого происшествия (сам он тогда был в городе, покупал водоотводные трубы) на участок ворвалось целое стадо диких свиней в две дюжины голов, а то и больше. Главарем банды был Пятачок, но с собой он привел столько поделльников, что, даже оставаясь Руфус дома с заряженной винтовкой, вполне возможно, он не смог бы спасти Аделю.

С Мэриел они разошлись, и она вернулась на юг, к семье. А Руфус посвятил себя истреблению диких свиней. Тем и зарабатывал нынче на жизнь.

Только теперь, в сорок четыре года, он понял, как надо вести бизнес. В армии о доходах и расходах думать не приходилось. На ферме поневоле пришлось: Мэриел в этом деле оказалась безнадежна. Долгие годы он допоздна сидел над бухгалтерской программой, а цифры делались все хуже, и все большая часть его военной пенсии улетала в трубу, на затыкание дыр. Откровенно говоря, ферма приносила только расходы. Но тревожные финансовые сигналы отступали перед эмоциональной стороной дела: перед той историей, что Руфус и Мэриел рассказывали себе и друг другу (и все больше и больше – Адели) о том, почему и зачем поселились здесь, вдали от больших городов.

Адель погибла, Мэриел ушла, и с ними закончилась история. Все стало просто и понятно. Руфус распродал, что смог, отослал Мэриел половину вырученного. Поехал в Форт-Силл, где у него по старой памяти был доступ к армейской автомастерской, и превратил свой грузовик в «двойняшку»: так называют в этих краях пикапы со сдвоенными задними колесами. Его бабка и пара двоюродных братьев согласились вложиться в дело. С их помощью Руфус купил поддержанный жилой трейлер и прицепил позади «двойняшки». Туда сложил все свое оружие, инструменты и пожитки. Напечатал визитки со словами «Услуги по сдерживанию численности диких свиней», такие же надписи нанес на пикап с обеих сторон – и отправился в путь по аукционам скота и сельским ярмаркам.

В первые полгода он не выжил бы без армейской пенсии, но малу-помалу бизнес начал приносить доход. Руфус колесил по бесконечной сети проселочных дорог, капиллярами пронизывающих все районы Техаса – штата, в котором он, уроженец Оклахомы, по-прежнему ощущал себя чужаком. Время от времени останавливался на каком-нибудь ранчо, хозяева которого решали, что дополнительная огневая поддержка им не помешает. Занимался он этим, конечно, не один. Но с более крупными фирмами удавалось конкурировать, поскольку Руфус меньше стоил. Крупным фирмам приходится кормить сотрудников, закупать и ремонтировать оборудование. Кто-то использует вертолеты, кто-то гоняется за свиньями на джипах. Впечатляюще, но дорого. А Руфус работал в одиночку. Никому не платил зарплату и не покупал медицинскую страховку. Действовал самым простым методом: выходил в ночь, устанавливал на треножник

винтовку с инфракрасным прицелом, ждал, когда на темном ночном фоне покажутся белые силуэты, – и принимался снимать одного за другим, начиная с самых крупных. Пока свиньи метались в панике, успевал уложить еще нескольких помельче.

В первые полгода, пока работы почти не было, он успел прийти в уныние – но, как сам понял потом, потратил это время с большой пользой. Целыми днями он сидел за складным столом у себя в трейлере, под ровный гул генератора изучая книги и сайты о диких свиньях. Тема оказалась чертовски любопытная. Начать с того, что свиньи, как и белые люди, – инвазионный вид из Европы. Еще во времена конкистадоров, в шестнадцатом веке, испанцы завезли их на Рио-Гранде. Не успев смыть со щетины дорожную грязь, свиньи вырвались на свободу и одичали. В последующие пятьсот лет произошло еще множество таких же «интродукций» – так это называется в научной литературе. Однако ни одна из них сама по себе не объясняла Пятачка. Для его появления на свет требовалось завезти в Америку диких кабанов, а это произошло намного позже.

Добыча кабанов – распространенный охотничий промысел. По-видимому, к этому зверю особенно неравнодушны немцы. В Техасе немцев было немало, у многих водились деньги; к тому же здешние края скудно населены и изобилуют пустошами – для охотников настоящий рай. В Германии есть местность под названием Чернолесье: о ней рассказывают такие истории, каким и хиппи, и выживальщики позавидуют. Техасские немцы твердо верили, что еще задолго до римлян их воинственные предки бегали по этому Чернолесью с копьями и убивали кабанов, что это часть их древнего наследия, вроде как пляски и тамтамы у индейцев. Так что они снаряжали экспедиции в Европу, добывали там самых крупных и свирепых кабанов, каких могли найти – даже в русских лесах побывали и оттуда вывезли несколько выдающихся экземпляров, – привозили их живьем в Техас и выпускали. Обычно старались огораживать участки: но свиньи умеют подкапываться под заборы, форсировать реки и мигрировать на большие расстояния, поэтому очень скоро эти кабаны оказались на свободе – с той же легкостью, что и их одомашненные родственники несколько столетий назад. И, встретившись с этими родственниками, принялись с ними скрещиваться.

Формального образования Руфусу не доставало, зато читать-то он умел – и в армии стал отличным механиком именно потому, что научился лучше прочих сосредотачиваться на инструкциях. Умел, скользнув глазами по абзацу, выхватить из него ключевой факт или цифру, торчащую, словно коряга в мутной болотной воде. Когда дошло до научной литературы о диких свиньях, этот навык ему пригодился. Например: заводчики одомашненных свиней в разведении ориентируются на размер и вес. Чем больше, тем лучше. В глаза ему бросились слова «более 700 кг». Быть такого не может! Руфус посчитал в уме: семьсот килограммов – это же пятнадцать сотен фунтов! Дикие кабаны до таких чудовищных размеров не дорастают: крупнейший известный науке экземпляр весил «всего лишь» в половину меньше. Но что произойдет, если дикий кабан, отобранный для охоты по признакам хитрости и свирепости, скрестится где-нибудь в лесу с гигантской одичалой свиньей?

В книгах Руфус постоянно наткался на одни и те же фамилии. Например, доктор А. Лейн Ратледж из Техасского аграрно-механического университета. Погуглив, выяснил, что это женщина по имени Айона. С помощью генетического секвенирования исследует запутанную генеалогию техасских диких свиней и добилась в этом немалых успехов. Ее оказалось на удивление просто найти в Интернете. И она ответила на его письмо. Коротко и сухо, но ответила.

Руфус давно усвоил: хочешь что-то получить – сперва что-то предложи. Так что он начал слать доктору данные: образцы тканей убитых свиней, содержащих ДНК, и фото с геотегами тех мест, где они нашли свой последний приют. Это привлекло ее внимание: тон переписки стал теплее, и Руфус уже без стеснения попросил ее о личной встрече.

Трейлер он оставил на территории клиента милях в двадцати от Колледж-Стейшен⁷, а сам на «двойняшке» доехал до кампуса. Гугл-карты ввели его в заблуждение: оказалось, сегодня проходит крупная протестная демонстрация и немало улиц в городе перекрыты. Руфус потыкался туда и сюда – безуспешно, оставил грузовик на парковке и дальше пошел пешком. Протестующие поначалу провожали его здоровенную прожорливую «двойняшку» негодующими взглядами, но смущенно отводили глаза, заметив, что за рулем цветной.

Был уже ноябрь, но в Колледж-Стейшен стояла адская жара. Руфус весь взмок: оставалось лишь надеяться, что доктора Ратледж не смущает запах пота. Может, с возрастом он начал хуже переносить жару? В последнее время редко случалось выходить на улицу при свете дня. Одна из очень немногих генетических слабостей свиней – они не потеют, поэтому днем прячутся где-нибудь в тени, а еду добывают по ночам. Вслед за ними и Руфус перешел на ночной образ жизни.

Пробираясь сквозь толпу, он успел разглядеть и самих протестующих, и их плакаты. На многих из них утверждалось, что человечество – инвазионный вид: на взгляд Руфуса, очень точно подмечено.

Легко и даже в чем-то приятно сравнивать то, что Руфус сейчас пытается делать со свиньями, с тем, что команчи лет двести назад пытались делать с белыми. Однако в таких сравнениях стоит проявлять осторожность. Команчи – тоже не коренные жители этих мест: они пришли с севера и «заместили» (каков эвфемизм!) индейцев, обитавших в Техасе до них. А удалось им это, потому что команчи первыми приручили еще один инвазионный для Америки вид – лошадей.

Другие плакаты развивали тему вымирания: вот что ждет человеческий род, если мы не сумеем справиться с изменениями климата! Так что к дверям здания, где располагался кабинет доктора Ратледж, Руфус подошел уже в полном недоумении. Чего же хотят эти ребята? Спасти человечество от вымирания? Но если люди – инвазионный вид, разве не следует радоваться, что их не станет? Быть может, об этом студенты спорили до хрипоты за пивом и пиццей в те ночи, пока Руфус в одиночку, с винтовкой и треножником, отслеживал своего демона.

На некоторых протестующих он заметил странные приспособления, скорее даже костюмы – ранние прототипы геокостюмов, как стало ясно впоследствии: для такого жаркого дня эти наряды выглядели чересчур громоздкими, поскольку с внутренней стороны несли на себе сеть охлаждающих трубок, прилегающих к коже. Трубки присоединялись к работающей от аккумулятора системе охлаждения в рюкзаке на спине. Системе нужно было куда-то отдавать тепло – так что из рюкзака, вздымаясь над головой его хозяина, торчала трубка, из которой поднимались и рассеивались в воздухе клубы горячего пара. Крепкое телосложение требовалось, чтобы таскать на себе всю эту конструкцию.

– Около десяти тысяч лет назад люди, в то время постоянно находившиеся на грани вымирания от голода, заметили, что свиньи едят то, что люди есть не могут.

– Да свиньи вообще все едят! – выпалил Руфус и прикусил язык, сообразив, что ее перебил.

Но доктор Ратледж и ухом не повела.

– Совершенно верно. Свиньи едят все, а люди могут есть свиней. Кроме того, мы несколько умнее их.

– Не намного, – буркнул Руфус, невольно покосившись в сторону окна, из-за которого доносились приглушенные выкрики протестующих. Впрочем, стоит признать: эти костюмы-холодильники – остроумная идея.

⁷ Моногород, сложившийся вокруг Техасского аграрно-механического университета, одного из крупнейших учебных заведений США.

– Верно, они очень сообразительны, – согласилась доктор Ратледж, также метнув взгляд на окно, и Руфус невольно спросил себя, свиней ли она имеет в виду. – Во всяком случае, именно тогда люди их приручили. О разновидностях домашних свиней у нас, разумеется, есть достаточно полная генетическая информация. С евразийским диким кабаном сложнее, но и о его генетике известно немало. Но это лишь исходный материал. А самое веселье начинается, когда видишь, сколько разнообразных генетических комбинаций могут создать несколько миллионов одичалых свиней, бегающих по Техасу.

Удивленный таким употреблением слова «веселье», Руфус на мгновение отвлекся от разговора. Никогда раньше он не бывал в университетском кампусе. Кое-что здесь оказалось точно таким, как он ожидал (например, толпа студентов и хорошеньких студенток с плакатами). Но в кабинете у доктора Ратледж, в отличие от преподавательских кабинетов в кино, не нашлось ни панельной обшивки, ни книжных полок до потолка. Кабинет оказался совсем небольшой, с голыми стенами, и повсюду компьютеры и кабели.

Доктору Ратледж такая обстановка вполне подходила. Хозяйка кабинета выглядела дамой суровой и жесткой, что называется, без глупостей. Никаких финтифлюшек, которые Руфус привык видеть на самках рода *Homo sapiens*. Волосы до плеч зачесаны назад, на лбу лабораторные защитные очки. Выговор северный: то ли приезжая, то ли из тех техасцев, что умудряются родиться и вырасти в этих краях, не подцепив техасский акцент. Фотографии на столе свидетельствуют о существовании мужа и как минимум двоих детей. Встретила сухо, по-деловому – и смягчилась, лишь когда он выказал к ней уважение. Таких женщин он встречал в армии.

– Кстати о веселье, – сказал он наконец, – ведь интродукция евразийских кабанов в Техас случилась оттого, что...

– ...кому-то взбрело в голову на них поохотиться, – кивнула она. Руфус почувствовал, что, вернув к месту слово «интродукция», заслужил в ее глазах дополнительное очко.

– Чем сложнее убить, тем веселее охота, – добавил Руфус.

– Не охочусь, но, по мне, звучит логично.

– Быстрые, свирепые, изворотливые...

Она подняла брови.

– И вот такие зверюги скрещиваются – *гибридизируются* – с одичалой домашней свиньей, способной вырасти до огромных размеров. То, что получается...

Он умолк. Доктор Ратледж отвела взгляд и вздохнула: должно быть, поняла, что Руфус ходит кругами вокруг своей цели, но никак не может заговорить об этом напрямую.

– Вы говорите о животном, убившем вашу дочь, – сказала она негромко и сочувственно, но твердо.

Понятное дело. Нашла его в «Гугле», как и он ее. А эта история была во всех новостях.

Она подождала, пока он кивнет, и продолжила:

– То, что такой гибрид достигнет необычно больших размеров, вполне вероятно. Собственно, этого следует ожидать. Но должна вас предостеречь: чем больше животное, тем больше ему требуется пищи.

И снова Руфус на мгновение завис, удивленный тем, что она об этом «предостерегает». Слово «предостережение» чаще всего встречалось ему в инструкциях – там, где объясняется, чего не надо делать, чтобы оружие не взорвалось у тебя в руках. А доктор Ратледж предупреждает, о чем не надо думать, чтобы не пойти неверным путем. Что ж, для ученого вполне естественно.

– Допустим, этот ваш Моби Свин весит двести килограммов. В такое могу поверить, – продолжала она. – Триста? Вот тут позволю себе выразить недоверие. На мой взгляд, вы доверяетесь своим фантазиям. Как капитан Ахав. Огромные размеры, которые вы приписываете этому животному, отражают роль, которую оно играет в вашей психике. Это не научный факт. Вас тошнит?

– Прошу прощения, мэм?

– Вы высунули язык. Как будто вас сейчас вырвет.

– Не обращайтесь внимания. Это просто... просто психика. Со мной все нормально.

– Я готова вам помочь, – сказала она. – Если вы решили посвятить жизнь тому, чтобы выследить одного кабана из нескольких миллионов, – почему бы и нет? Он людоед. Избавиться от него – значит оказать услугу обществу. Но если у меня здесь есть какая-то роль – она в том, чтобы удержать вас на почве реальных фактов. Итак, факт номер один: скорее всего, он весит не больше двухсот килограммов. Точно не триста. Следовательно, пока вы ищете кабана-великана, о каких любят рассказывать завсегдатаи баров, – гоняетесь за призраком. И никогда его не найдете.

Слова ученой болезненно укололи – в них была правда. Но к боли Руфус привык. Так что просто кивнул. В самом деле, звучало логично. И даже кое-что объясняло.

– Факт номер два: по вашим собственным прикидкам, сейчас этому зверю три года. Еще три – и он сдохнет от старости. – Доктор Ратледж нахмурилась. – Вы мне не верите?

– Да нет, мэм, верю, конечно. – Этот вопрос Руфус слышал нередко, чаще всего не понимал, чем он вызван, – и пришел к выводу, что его лицо в обычном спокойном состоянии выражает скепсис и недоверие. Быть может, это как-то связано с глубокими горизонтальными морщинами на лбу. – Я просто так выгляжу, когда думаю.

– На самом деле, – продолжила она, успокаивающим жестом подняв ладони вверх, – то, что свиньи живут недолго, – хорошая новость. Это не даст вам полностью превратиться в Ахава.

– Вы его уже упоминали, но...

– Капитан китобойного судна, помешавшийся на желании отыскать и убить одного белого кашалота. Проблема в том, что кашалоты живут долго. Дольше людей. Так что в жизни Ахава не было рубежа, когда он мог бы сказать... – она негромко хлопнула в ладоши, – «Ну что ж, время вышло, я сделал все, что мог, а Моби Дик уже точно в мире ином, так что теперь можно...»

– Вернуться к обычной жизни?

Доктор Ратледж пожала плечами.

– Мэриел, мать Адели, как-то мне сказала: «Эта погоня за Пятачком разрушает твою жизнь». Знаете, что я ответил?

– Не знаю.

– Что это теперь и есть моя жизнь. – И он снова высунул язык.

– Что ж, меня это не касается, – заметила она, с бесстрастным научным интересом бросив взгляд на его миндалины. – Но задумывались ли вы о том, как будете жить и чем заниматься через три года, когда Пятачка точно не станет?

– Не три года. Справлюсь быстрее.

После того разговора операция Руфуса вошла, по его собственным словам, в фазу зрелости. Для начала он приобрел экземпляр «Моби Дика». Сверялся с ним время от времени – проверял, не поехал ли крышей. Купил и аудиокнигу, чтобы слушать ее в наушниках, сидя в засаде. Капитан Ахав появился в романе далеко не сразу и поначалу вовсе не выглядел одержимым маньяком. Зато потом стало очевидно, почему доктор Ратледж сравнила Руфуса с Ахавом. И все же аналогия не зацепила его так, как могла бы. Дело в том, что к этому моменту он заинтересовался гарпунщиками: «татуированным каннибалом» Квикегом, «чистокровным индейцем» Таштего, «огромным угольно-черным негром-дикарем» Дэггу. Самым любопытным для него стал тот факт, что эта троица зарабатывала на «Пекоде» больше всего денег и занимала самое привилегированное положение, не считая самого Ахава и трех его помощников. Руфус

даже подсчитал в бухгалтерской программе – вышло, что Квикег получал в 3,333 раза больше рассказчика Измаила.

Таким образом, непосредственная польза от «Моби Дика» состояла в том, что Руфус вновь задумался о рентабельности своего предприятия. Хорошо бы, думал он, выйти на уровень Ахава, Пелега и Билдада. В книге описывались довольно сложные операции, но суть была проще некуда: плавать на корабле по морю, пока не встретишь кита, и подобраться достаточно близко, чтобы кто-то из твоих людей смог воткнуть в него гарпун. Срывают банк те, кто умеет обращаться с гарпуном. Простым матросом много не заработаешь – таких двенадцать на дюжину: вот и Измаилу, чтобы свести концы с концами, пришлось остаться дома и написать роман.

Для начала Руфус избавился от лишнего оборудования. Основным его «орудием труда» осталась винтовка с массивным треножником и дорогим инфракрасным прицелом. На фоне черного неба и темных деревьев (хотя бы ночью Техас немного остывал) силуэты кабанов в прицеле выглядели молочно-белыми, как Моби Дик. Руфус вглядывался, убеждался, что это именно свиньи – а не домашний скот или, упаси боже, не люди, – а затем неторопливо отправлял их в Царство Небесное. Пуля за пулей ложилась в цель, и из ран, словно искры из сварочного аппарата, вылетали светящиеся фонтанчики крови и потрохов. Получив пулю, вожак падал на бок, дергая ногами, стадо с визгом кидалось врассыпную – и, пока они суматошно носились туда-сюда, Руфус успевал уложить еще нескольких. На следующее утро клиенты видели гору мяса, а сколько свиней ушло невредимыми, не видели. Так что бизнес Руфуса на девяносто процентов зависел от винтовки. Однако, выслеживая свиней на открытой местности, он брал с собой автомат. От него больше пользы, если стадо бросится на тебя или окружит со всех сторон. Откровенно говоря, той же цели могла бы послужить AR-15⁸, и запчасти к ней купить было проще – но Руфус предпочитал калашников за огневую мощь. Калибр 7,62 как-то надежнее 5,56, когда всаживаешь его в бок двухсоткилограммовой туше. К тому же его как механика завораживала грубая простота АК – и то, что он не выходил из строя, даже искупавшись в болоте. Настоящий дикий кабан среди стволов. Что до AR-15 – она слишком уж напоминала армию, а в гражданской жизни ассоциировалась с охотничками в камуфляже и дорогих солнцезащитных очках, из тех, что выезжают на природу покрасоваться и почувствовать себя героями.

Помимо оружия, было не обойтись без высоких технологий. Руфус делился с доктором Ратледж и ее аспирантами файлами из «Гугл-Земли», высылал им образцы крови, то и дело проверял почту, надеясь, что они обнаружат что-нибудь полезное. Во время расследования смерти Адели шериф собрал то, что обтекаемо называл «вещественными доказательствами», и заказал генетическую экспертизу. С человеческой ДНК Адели смешалась свиная ДНК ее убийцы. Теперь Руфус сумел получить эти данные и переслал доктору Ратледж. Со свиньями, которых он убивал сейчас, сходство было минимальное; но доктор могла по крайней мере дать указания типа «теплее/холоднее», а он, ориентируясь по ее наводкам, – спланировать свои дальнейшие странствия по Техасу.

Он научился пользоваться дронами. Не раз Руфус задумывался о том, как удачно все сложилось: механик на пенсии, но еще здоровый и крепкий, да и семьей не обременен. Ролики на «Ютубе» позволяют научиться всему на свете, «Амазон» – все на свете купить. Сидишь себе в трейлере под кондиционером, управляешь дронами через видеошлем – и видишь, в каком болоте залегли свиньи на день, и догадываешься, куда они пойдут копать корни нынче ночью; а затем с помощью «Гугл-Земли» определяешь, где лучше всего установить свой треножник и как туда добраться, чтобы их не спугнуть.

⁸ Американская полуавтоматическая винтовка, является штатным оружием в армии и в полиции.

Борьба с дикими свиньями востребована по всему Техасу – строго говоря, по всей территории к югу от Линии Мейсона – Диксона⁹ и к востоку от Пекоса. Так что Руфус был волен работать где захочет и держался поближе к тем местам, где, по данным лаборатории доктора Ратледж, убитые свиньи демонстрировали наибольшее генетическое сходство с Пятачком. В основном это был бассейн реки Бразос, к югу от Уэйко и к северу от мест, где редкие фермы постепенно сменяются пригородами Хьюстона. Должно быть, думал Руфус, жара гонит свиней – и Пятачка – поближе к рекам, где всегда можно охладиться.

Вдоль крупной извилистой реки вроде Бразос не так-то легко путешествовать на машине. Чем ближе к берегу, тем мельче и суше сеть проселочных дорог. Чтобы найти мост, всякий раз приходится делать большой крюк – а перебравшись на другую сторону, через некоторое время неизбежно снова искать мост, чтобы вернуться обратно. Словом, здесь Руфусу требовалась лодка. В водном транспорте он совсем не разбирался; но завел дружбу с мужиком по имени Бо Боски. Родом из Луизианы, тот, можно сказать, был коллегой – только не по свиньям, а по аллигаторам. С лодками Бо управлялся так, словно родился на воде. Руфус познакомился с ним на конференции по борьбе с инвазионными видами. Теперь всякий раз, когда нужна была помощь с лодкой, он доставал мобильник и набирал Бо; а тот звонил Руфусу, когда нуждался в дронах или инфракрасном прицеле.

Именно охотничьи заботы привели обоих в Уэйко Летом огненных муравьев¹⁰.

Зимой и весной в Техасе держалась необычная для тех мест погода (если какую-то погоду в наши дни можно назвать необычной), которая, говоря вкратце, способствовала бурному размножению огненных муравьев. Откровенно сказать, этим насекомым любая погода по вкусу – по крайней мере, так считают простые смертные; но люди вроде доктора Ратледж, которые в своем деле разбираются, уверяли, что такого удачного года муравьи еще не видывали.

Потом начала подниматься вода. Не мощным потоком, который утопил бы муравьев прямо в муравейниках, а понемногу. Муравьи бежали от воды вверх по склонам и попадали туда, где люди строят дома. Например, в Хьюстон, третий по величине город Северной Америки. Результатом стало то, что доктор Ратледж сухо назвала «столкновением людей и муравьев в невиданном прежде масштабе».

Первыми заметили, что творится неладное, сотрудники скорой помощи. Количество вызовов выросло во много раз – и не только к тем, кого искушали муравьи. Неоднократно, например, техасцы пытались облить муравьиные гнезда керосином и поджечь, и при этом сами получали ожоги.

Муравьи реагировали на загадочные сигналы, о которых люди могли только догадываться. В числе прочего их, судя по всему, тянуло на запах озона. Этот газ можно найти в самых разных местах, но в Хьюстоне его вероятнее всего встретить в реле кондиционеров. Реле – это большой электрический выключатель с движущимися механическими деталями: именно они производят ясно слышимый щелчок, когда мы включаем и выключаем кондиционер. Почти все электроприборы в наше время перешли на твердотельные реле; но по какой-то причине, известной лишь инженерам-электрикам, в реле кондиционеров до сих пор используются металлические детали, которые соприкасаются, когда надо установить контакт, и разъединяются, когда кондиционер выключен. Всякий раз, как это происходит, между деталями пробегает искра и вырабатывается озон. В этой части света кондиционер чаще всего устанавливают вне дома, на бетонной платформе. Муравьи, привлеченные запахом озона, повадились забираться в кондиционер через вентиляционные отверстия и устраиваться на реле. Судьба

⁹ Граница между штатами Пенсильвания и Мэриленд, символическая граница между американским Севером и Югом.

¹⁰ Инвазионный вид муравьев, распространенный по всему миру. Очень многочисленны, обладают сильным жалом и ядом, действие которого схоже с ожогом – отсюда их название.

их была печальна: при следующем переключении насекомые поджаривались или оказывались раздавлены. Останки дохлых муравьев налипали на контакты, и скоро реле начинало требовать замены. Комплектующие для реле изготавливались в Китае, где одна компания, специализирующаяся на этом товаре, вытеснила с рынка все остальные. Теперь выяснилось, что она просто не в состоянии обеспечивать Восточный Техас деталями для замены выводимых из строя реле. Народ придумывал какие-то кустарные решения; а тем временем дома, где проживали сотни тысяч человек, оказались попросту непригодны для жилья. Некоторые спасались от хьюстонского лета вентиляторами, но большинство искали альтернативы понадежнее. Для начала оказались забиты все гостиницы в Хьюстоне и окрестностях. Жилые автофургоны – которые КОВИД-19, КОВИД-23, КОВИД-27 и общая невозможность для американцев выезжать за пределы Континентальных штатов уже превратили в дефицитный товар – подскочили в цене: купив фургон, люди ставили его возле дома и переезжали туда. Многие превратились в кочевников: заполонили все кемпинги, куда смогли попасть легально, а когда там закончились места, принялись нелегально парковаться где попало. От кочевников былых времен эти люди отличались наличием средств. Как минимум, у всех имелись собственные дома. Так что эти кочевники многое могли себе позволить.

Для Руфуса все это не имело особого значения – разве что объясняло, почему вдруг стало сложно найти место для парковки и куда подевались запчасти для генератора. Куда важнее для него стал звонок от доктора Ратледж, полученный в середине июля.

Со временем в свином желудке накапливается то, что зверюге не удалось переварить. Время от времени свинья блюет, чтобы освободить место. Всякий, кому случается выслеживать диких свиней, натывается иногда на эту свиную блевотину: лужицы, быстро высыхающие под солнцем, а в них – черепа, челюсти, копыта телят, ягнят, детенышей разных диких животных, поросят, кошек и собак, а также собачьи ошейники, палки, камни, жеванный пластик и все в таком роде. Руфус к этим кучам не приглядывался – боялся найти в них человеческие останки.

Несколько недель назад, работая на участке между Уэйко и Колледж-Стейшен, он наткнулся на такую огромную лужу свиной блевотины, какой никогда еще не видывал. Он соскреб с земли образец и отослал в университет.

Судьбоносный звонок раздался несколько недель спустя, когда он был оттуда уже в нескольких сотнях миль. Вот что сказала доктор Ратледж: ДНК полностью совпадает. Эту лужу с кучей мусора оставил не кто-то из родственников Пятачка, а *сам Пятачок*.

После звонка Руфус впал в какое-то оцепенение. Казалось бы, самое время вскочить и броситься в бой – но его словно парализовало. Даже уснул на несколько минут. Лишь потом понял: так он готовился к битве. Перезагружал и тело, и ум – выключился и включился заново. Как сказал Ахав в последний день своей эпической погони за Белым китом: «Порой мне кажется, что ум мой не просто холоден – что он превратился в лед, так что череп вот-вот треснет, словно стакан, в котором замерзла вода».

Руфус открыл «Гугл-Землю», проверил местоположение рвотной лужи. На берегу различных размеров притока Бразос, вблизи запримеченного им раньше болотца. С того дня температура там ни разу не опускалась ниже сотни по Фаренгейту. Если Пятачок так вырос, как можно судить по размерам оставленной лужи, значит, жара вынудила его превратиться в водное млекопитающее. Без постоянной возможности охладиться подобная туша при нынешней погоде просто не выживет. И маловероятно, что он станет переходить от одного водоема к другому напрямик. Будет двигаться вдоль рек – так же, как люди двигаются по дорогам. Руфус пересмотрел сделанные раньше снимки и подметил одну деталь, на которую сразу не обратил внимания: в луже блевотины много черепаших панцирей. Есть даже рыбы кости. Все верно: Пятачок живет в воде.

Руфус набрал Бо Боски: тот ответил с первого звонка. Бо как раз заканчивал валить аллигаторов в Шугарленде, пригороде Хьюстона, на нижнем течении Бразос. Понтонная лодка была при нем. Он пообещал привезти ее на прицепе на один удобный причал на Бразос, к югу от Уэйко. «Все равно туда собираюсь, – добавил он, – есть делишки с мигаторами». По крайней мере, Руфус так расслышал: сквозь густой креольский акцент Бо, отфильтрованный неидеальной сотовой связью, точно разобрать слово было нелегко. Что еще за «мигаторы»? Так или иначе, Руфуса это не волновало: главное, что скоро у него появится свой «Пекод».

Руфус двинулся на восток. Попытался снова посетить место, где напал на след Пятачка, но теперь оно скрылось под прибывающей водой. Может, оно и к лучшему. Ему не раз снился один и тот же кошмар: в луже свиной блевотины он находит маленький детский череп – и, сколько ни высовывая язык, избавиться от этого кошмара не удавалось.

В ожидании Бо Руфус сжег немало бензина, катаясь взад-вперед по обоим берегам реки. Все здесь заросло густым кустарником. Согласно техасским законам река и прибрежная полоса являлись общественным достоянием. Хозяева близлежащих земельных участков не видели смысла приводить побережье в порядок. Техас славится тем, что земли здесь в избытке – а значит, у каждого хозяина имелось куда приложить усилия и на своей законной территории. Очистка побережья была даже невыгодна: экономической пользы от нее никакой, а к чистому берегу проще приставать вора и браконьерам. Так что берега Бразос по большей части представляли собой полосу непроходимых зарослей, настоящие джунгли – рай для диких свиней: есть где и окунуться в реку, и почесать бока о корни, стряхивая паразитов, и устроить ночной набег на соседнюю ферму. Свиньи бродили по побережью, оставляя за собой широкий след из попорченных полей, кала, блевотины, мусора – и разъяренных фермеров, гнев которых приносил Руфусу немалые барыши. Сейчас он искал ответа на один вопрос: куда направился Пятачок, вверх по реке или вниз?

К тому времени, как Бо добрался до ближайшего городка под названием Тревис, Руфус пришел к выводу, что Пятачок ушел вверх по реке, на север, в направлении Уэйко. Так что, как только Бо спустил на воду свою понтонную лодку, туда они и отправились. Путешествие выдалось медленным и утомительным: река в этих местах делала крутые повороты, проплыть удавалось не больше нескольких миль зараз, и Реджи, зять Бо, ехавший на пикапе посуху, преодолевал десяток миль за то время, что им едва удавалось покрыть одну. Там, где дорога подходила к реке вплотную, они останавливались, Руфус пересаживался к Реджи и возвращался с ним к исходной точке; отсюда они перегоняли все свои транспортные средства на новое место и здесь припарковывали. Дело тянулось мучительно медленно. Но им требовалось всего лишь догнать Пятачка; а он навряд ли спешил.

Через несколько дней такого путешествия охотники достигли самого сердца Уэйко. Здесь, посреди леса, река раздваивалась: в русло Бразос впадал небольшой приток под названием Боске. В нескольких милях кверху от этого слияния, прямо возле аэродрома, Боске был перегорожен дамбой и образовывал озеро Уэйко. Бразос же уходила в сторону, в техасскую глубинку. Здесь экспедиция затормозила: следовало хорошенько подумать, по какой из рек двигаться дальше.

Крупные автомобили здесь очень мешали. На открытой местности лучше транспорта не найдешь, но в лесистом пригороде Уэйко, где расходились две реки, для крупных машин просто не было места. Однако по берегам озера Уэйко имелось множество кемпингов с парковками для фургонов. В прошлые годы там легко нашлось бы местечко; но теперь из-за беды с муравьями и кондиционерами все было забито битком. «Муравьиные беженцы» разбивали нелегальные лагеря не только на берегу, но и вдоль дорог, змеящихся между озером и аэродромом: не было такого клочка земли, на котором не жили бы люди. Как и в любом человеческом поселении, имелись здесь места получше и похуже. Получше – легальные кемпинги вокруг озера, на возвышенных и сухих местах. Похуже – нелегально, в лесу, среди болот. Бо

включил обаяние, с кем-то полубезничал, кому-то сунул на лапу – и сумел выторговать для своей команды место не совсем кошмарное и при этом достаточно просторное, чтобы разместить там пикап с прицепом, на котором возил понтон, «двойняшку» и трейлер Руфуса. Мэри, жена Бо, прилетела сюда с озера Чарльз, где обитал клан Боски; пару дней они обустроивались на новом месте, а Руфус тем временем, взяв надувную лодку, которую Бо обыкновенно таскал на прицепе за понтоном, исследовал русла обеих рек.

Бо обладал всем, чего не доставало Руфусу: на воде был как дома, интересовался крупными рептилиями, вел дневной образ жизни, был весел, энергичен, громогласен – и женат. Вместе со своей Мэри он вырастил на берегу озера Чарльз (большинство людей сказало бы, на болоте) троих детей. Старшая дочь вышла замуж за этого Реджи: похоже было, что ему и отойдет охотничий бизнес тестя. Впрочем, на покой Бо пока не собирался. Он был не из тех, кто уходит на пенсию, – скорее уж ему предстояло помереть прямо на воде от сердечного приступа, к которому неминуемо приведет такой рацион (да, именно такой, как вы подумали!) и сидячий (днем и ночью в лодке) образ жизни. Но и умирать Бо планировал веселым и довольным, в окружении фотографий внуков. Трое из них были детьми Реджи; с ними и с женой Реджи он с утра до вечера болтал по телефону. Иногда поворачивал телефон в сторону Руфуса: тот морщился и, слыша детские голоса: «Привет, Рэд!» – без особого удовольствия махал в ответ. Из того, что долетало до него из этих разговоров, было ясно, что Бо в семье отзывается о Руфусе тепло и с уважением. И Мэри, появившись в лагере, сразу дала понять, что знает историю Руфуса и воспринимает его охоту на Пятачка как самое естественное дело. Интересно, сказал он себе, неужто там, откуда она родом, такое считается нормой?

Любопытно, что на этих временных биваках мгновенно выстроилось общество в миниатюре, со своей социальной иерархией и обязательными драмами, присущими любому человеческому обществу. Здесь структура общества была даже сложнее обыкновенной. Высший класс составляли «муравьиные беженцы»: состоятельные люди, покинувшие город в трейлерах-дворцах, прицепленных к сверкающим «эскаладам». Средний класс – перелетные птицы, мигрировавшие сюда из «Больших Грязей», бывших сухих земель в треугольнике между долинами Миссури и Миссисипи, теперь почти постоянно покрытых водой. И низший класс – люди разного происхождения, но часто говорящие по-испански: те, что жили в палатках в лесу, натянув над своими палаточными городками синие брезентовые тенты для дополнительной защиты от солнца и дождя. Многие из них нашли себе работу в «чистых кварталах», у счастливых владельцев трейлеров: готовили на них, убрали, выполняли разные поручения. Так что вокруг полянки, на которой расположились Руфус и Бо, шла постоянная суета: пешком и на велосипедах люди курсировали между своими лагерями в заболоченной лесной чаще и сухими местечками, где, в неумолчном гуле генераторов и облаке искусственного света, привлекавшем тучи насекомых, занимали свои королевские места мегатрейлеры богачей.

Существует бородастая страшилка, которую Руфус слышал в детстве. Заканчивается она словами: «...и тут он понял, что ГОЛОС ДОНОСИТСЯ ИЗ ДОМА!» Именно такой момент наступил на третий день бивачной жизни на озере Уэйко, когда Руфус осознал, что все это время Пятачок со своим стадом держался совсем рядом с ними.

Таково было непредвиденное следствие внезапного интереса Бо к огромному «метамфетаминному аллигатору», который, по слухам, шарился где-то здесь, на озерном берегу. «Мет-гатор» – вот что сказал Бо тогда по телефону.

Еще одно качество, у Руфуса напрочь отсутствующее: Бо легко отвлечь. Услышал про «мет-гатора» сказочных размеров – и все, пусть все свиньи мира подождут! Впрочем, аллигаторы таких габаритов встречались на Уэйко куда реже диких свиней.

Гипотеза Бо, на взгляд Руфуса, звучала невероятно, однако он отстаивал ее с полной убежденностью. Аллигаторы живут в реках – там, куда в конечном счете попадает содержимое

канализации. Нынешние муниципалитеты пытаются как-то утилизировать отходы, но конец один – приходится куда-то их девать. Современная канализация заточена на переработку человеческого дерьма, а не всего подряд. Сложные молекулы – например, те, из которых состоят фармацевтические препараты, – проходят через канализацию в первозданном виде. Так что в канализационных трубах несложно обнаружить следы разных препаратов, как легальных, так и нет.

Варщики мета известны склонностью все отходы своего производства выливать в канализацию. Хуже того, нередко они пренебрегают канализацией даже там, где она есть, – а в местах, обитатели которых массово варят мет, ее частенько попросту нет. Словом, так или иначе немало метамфетамина оказывается в реках. Аллигаторы его чувят и плывут на запах, безошибочно определяя, кто и где на берегу занят нелегальным бизнесом. Так вот: на берегу озера кто-то варил мет и этим привлек целую стаю аллигаторов, по словам Бо, способных явиться на аромат наркоты аж из Мексиканского залива.

Надувная лодка осталась пришвартованной на берегу Боске, по ту сторону дамбы, так что на экскурсию по озеру Уэйко они отправились на понтоне. Целый вечер обходили с черепашей скоростью тихие прибрежные затоны, какие, по мнению Бо, должны одинаково привлекать крокодилов и наркодилеров. Руфусу не сиделось; невольно он прикидывал, как должны выглядеть эти места для стада свиней. Чем дальше, тем сильнее грызло беспокойство: непредвиденная встреча и со свиньями, и с аллигаторами могла привести к непредсказуемым последствиям. Руфус снял с автомата инфракрасный прицел и, когда стусилась тьма, начал осматривать болотистые заводи по берегам озера. Бо в сотый раз напомнил, что аллигаторы холонокровные, их в прицел не разглядишь: эта шутка никогда ему не надоедала. Но Руфус охотился не на аллигаторов.

Они подплыли ко входу в узенький заливчик, в сущности просто желобок в берегу, по которому, должно быть, впадал в озеро невидимый во мраке ручей. На границе между землей и водой инфракрасный прицел уловил плотную, подергивающуюся светлую массу. По краям ее Руфус различил отдельные силуэты – знакомые курносые рыла *Sus Domesticus*¹¹. На открытой техасской равнине такое стадо считалось бы большим, хоть и не чрезмерным: явно больше двадцати голов, но все же не тридцать. А здесь, на озере, среди домов, оно казалось попросту огромным. Руфус уставился на него, не веря своим глазам, пытаясь сообразить, как свиньи сюда добрались и где добывают себе еду, когда один силуэт, намного крупнее прочих, отделился от общей массы и вразвалку двинулся прочь от берега.

Руфус достаточно знал свиней, чтобы понять: эту тварь что-то насторожило. Скорее всего, человеческий запах, судя по направлению ветерка. Огромный хряк вертел головой вправо-влево: подплыли они поближе, Руфус наверняка услышал бы, как он шумно втягивает воздух. В профиль морда у него выглядела не такой курносой, как у *Sus Domesticus*. Похоже, этот экземпляр ближе к евразийскому дикому кабану...

Именно в этот момент Реджи со щелчком открыл банку пива.

Пятачок повернул морду на звук и уставился прямо на него.

Даже будь прицел приторочен к автомату, Руфус не стал бы стрелять. Стоило промахнуться, и, просвистев мимо Пятачка, пуля улетела бы на полумилию в лес – прямо туда, где располагался лагерь. А из револьвера его подстрелить не удастся, слишком далеко.

– На берег! – крикнул Руфус Бо, стоявшему у руля. – Давай к берегу!

Лодка сделала крутой вираж; но в следующий миг, когда Руфус вновь поймал заводь в прицел, свиней там уже не было. Лишь пара отбившихся от стада поросят мелькнула перед глазами и скрылась в кустах. Пятачок исчез.

¹¹ Свинья одомашненная (лат.).

Это произошло около полуночи. В следующие шестнадцать часов события развивались так, что, расследуй их задним числом какой-нибудь журналист или детектив – ему понадобились бы карта озера Уэйко во всю стену, цветные фломастеры, множество разноцветных флажков и листков с отметками о времени. Для Руфуса же это был просто хаос. Стремительный хаос, за которым он не поспевал.

Он решил не суетиться. Решение хуже некуда, хотя в тот момент оно казалось вполне разумным. Долгие годы он выслеживал Пятачка по всему Техасу – и теперь наконец знает, где искать эту тварь. Стадо свиней движется не слишком быстро, оставляя за собой широкий след из поломанных кустов, вытоптанной травы и дерьма. Выследить его не сложнее, чем танковую дивизию на поле для гольфа.

Пока Пятачок держится в местах, где повсюду люди, задача Руфуса – не спеша и не дергаясь, подкрасться к нему вплотную и уложить из дробовика или из чего-то подобного.

В оставшиеся ночные часы он намеревался поспать; не смог сомкнуть глаз, уснул только на рассвете и неожиданно проспал до полудня. Затем доехал на машине до того места на берегу Боске, сразу за дамбой, где оставил надувную лодку, и перегнал ее повыше, к устью ручья. Здесь порыскал в прибрежных зарослях и через несколько минут нашел место, где Пятачок и его стадо день или два назад вышли из лощины и поднялись на приречную насыпь. Отсюда было несложно спуститься по каменистому склону и добраться до озера, а дальше идти вдоль берега либо туда, либо сюда. Чтобы выяснить, где они теперь, самое время использовать дрон.

Руфус сидел на корточках на берегу озера у основания дамбы, словно вырастающей из камня, когда темное, с багровым отливом небо на западе вдруг словно распалось надвое, расколотое молнией. Прежде чем полил дождь, Руфус успел перебраться через дамбу, съехать вниз по травянистому склону и убедиться, что надувная лодка надежно привязана к дереву. По дороге к грузовику он насквозь промок, но не возражал – в такую жару это только к стати. Ливень хлынул с такой силой, что нечего было и думать отправляться в путь; сидя за рулем, Руфус переживал непогоду, пока раскаты грома не отдалились и потоки воды с небес не утихли настолько, что можно было, ничего не опасаясь, выбраться на сухую землю.

Гроза окончилась уже во второй половине дня. К этому времени Руфуса вовсю грызло чувство, что последние двенадцать часов он занимался не тем, чем надо, и что-то важное упустил. В лагере царил суматоха. Какие-то ребята набились кучей в один из тех открытых внедорожников, что в наше время на ранчо практически заменили лошадей. Впереди, рядом с водителем, сел парень постарше с дробовиком на коленях. Текстовые сообщения от клана Боски гласили, что тревога поднялась из-за аллигаторов. По лагерю прошел слух, что пропал чей-то пес; его сразу посчитали съеденным. Бо пытался объяснить людям, что сам справится с аллигаторами, если остальные перестанут мешать и путаться под ногами, – но парни во внедорожнике жаждали крови, и их было уже не унять.

Во всем этом Руфуса сильнее всего огорчил недостаток интереса к бродящему поблизости стаду диких свиней. Если уж начали пропадать домашние животные, с тем же успехом виновным может оказаться Пятачок. И с ревом гонять по округе на внедорожнике – самое тупое, что тут можно придумать! Именно на таких машинах фермеры гоняются за дикими свиньями и отстреливают их на открытой местности. Вполне возможно, что Пятачок или кто-то из его стада с внедорожниками уже знакомы.

Кончилось тем, что Руфус ездил туда-сюда по дорогам, окружавшим лагерь и окрестные леса по периметру, и пытался понять, где кто. Одна из дорог шла вдоль сетчатого забора аэродрома. Ровно в 16:06 Пятачок во главе своего стада вынырнул из леса в какой-нибудь сотне ярдов от Руфуса и бросился через дорогу.

Можно было подумать, что свиней остановит забор. Как же! У них какое-то изумительное чутье на то, где можно пролезть или куда подкопаться.

После первого разговора с доктором Ратледж Руфусу не давала покоя одна смутная мысль. «Моби Свин», – сказала она, и это застряло у него в голове. Мешало, как мешают волосы в ноздрях, что начинают расти у мужчин в определенном возрасте, сперва понемногу, но чем дальше, тем гуще – пока наконец, смирившись, не берешься за пинцет. Похоже, слово «Моби» что-то ему напоминало. Но только съездив в Лоутон и пообщавшись со своей индейской родней, Руфус понял, что именно.

Основу народа команчей составляли шошоны, пришедшие с севера. У них в языке, разумеется, не было слова «свинья» – и, столкнувшись на просторах нынешнего Техаса с этим новым для себя животным, они должны были придумать ему какое-то название. Таким названием стало «*мууби пооро*». Разные команчские племена произносили его немного по-разному. Первое слово означает «нос», второе – «орудие» или «оружие».

Значение очевидно: дикие свиньи используют собственную морду и как орудие (копаются в земле), и как оружие (могут располосовать клыками). А то, что «*мууби*» похоже по звучанию на «Моби», – чистое совпадение. Должно быть, слова доктора Ратледж о «Моби Свине» пересеклись в пыльном распределительном шкафу его черепа с «*мууби пооро*» – термином, услышанным от команчской родни, – и заискрили, вызвав этот слабый, но неотвязный зуд в мозгу.

Сообразив это, он даже задумался о том, нет ли индейских корней у «Моби» в имени «Моби Дик». Ведь кашалоты, как и свиньи, используют нос как оружие.

Вы спросите, какое отношение все это имело к происходящему? Самое прямое: своими носами-орудиями свиньи способны подкопаться под любое препятствие. Прямо перед Руфусом, слева, тянулась полоска сетчатого ограждения не больше двадцати футов шириной, густо оплетенная диким виноградом. Виноград указывал на наличие воды. Где-то рядом с забором, под слоем мягкой земли, протекал подземный источник. Свиньи такие вещи за милую душу чувствуют. Воды хватит даже для Пятачка – что уж говорить о прочих из его стада? Очень скоро, выстроившись по три-четыре в ряд, свиньи принялись рыть землю у забора. Нырнув под забор и перебравшись на другую сторону, на мгновение застыли – а затем, спасаясь от того, что выгнало их из леса, бросились бежать по открытому полю к взлетной полосе.

Руфус затормозил как раз вовремя, чтобы не наехать на того, кто гнался за свиньями, – огромного аллигатора. Пару секунд в изумлении смотрел на эту зверюгу, способную перекрыть взлетную полосу своим телом, когда его внимание привлек рев мотора слева. Повернув голову, он увидел, что на взлетную полосу опускается маленький самолетик. Одним шасси он врезался в свинью или в пару свиней: хлынула кровь, самолет повело вправо, и он тяжело опустился, почти упал на переднее колесо.

Дальше началось такое, что и пересказать сложно. Свиньи повалили целую секцию ограждения. Руфус направил свой пикап туда и постарался подъехать к самолету как можно ближе (но не вплотную, учитывая, что тот может вспыхнуть как спичка). Распахнув дверь кабины, обнаружил, что аллигатор мчится прямо на него. Руфус потянулся назад, схватил с заднего сиденья калашников. Уже на полпути к самолету сообразил, как все должно выглядеть для потрясенных наблюдателей из диспетчерской: к потерпевшему крушение самолету бежит со всех ног свирепого вида цветной мужик с автоматом в руках.

Но следующие несколько минут его занимали более неотложные дела. Пристрелив аллигатора и перевязав ногу раненому, Руфус повернулся к нему спиной и двинулся туда, где на краю взлетной полосы лежал Пятачок. Похоже, шасси самолета перебило ему позвоночник. Из ануса и из дрожащих ноздрей сочилась кровь.

Килограмм четырехста, не меньше. А уж если считать в унциях... Может, копы потом его взвесят и опубликуют официальные данные.

Хряк лежал, ошеломленный, прикрыв глаза. Все с тем же рисунком из белых пятен на *мууби*.

Вот он почуял Руфуса, и ноздри его затрепетали. Пятачок распахнул глаза и вздернул голову. Руфус был осторожен и не приближался к его шестифутовым клыкам. Однако это движение дало ему необходимый толчок: выйдя из оцепенения, он сделал то, что должен был сделать: вышиб Пятачку мозги четырьмя зарядами 7,62 калибра.

После чего заплакал навзрыд. Так и ревел, пока блондинка из самолета не подошла к нему и не спросила:

– Друг, вам помочь?

Едва стало ясно, что людей с ножами интересует только мясо убитых свиней и аллигатора, команда королевы вернулась к самолету и принялась выгружать багаж. Во время крушения дверь багажного отсека в хвосте сорвало, и вещи разлетелись по всему салону, некоторые попали даже в кабину пилотов. Виллем и Аластер помогли Йохану, второму пилоту, получившему сотрясение, выбраться из рубки, а затем из самолета. Леннерт запрыгал прочь от места крушения на одной ноге. Быть может, не лучшая идея для серьезно раненного – но совсем недалеко от места, где он сидел, из проломленного бензобака вытекало топливо, так что он благоразумно решил убраться подальше.

Недалеко, прямо на поваленной и сплюсненной секции ограждения, остановился мощный пикап. Его водитель, здоровенный мужик с калашниковым, был чем-то занят в паре сотен метров отсюда, на взлетной полосе, там, где и произошло роковое столкновение самолета со свиньями. Прежде чем отойти, он сказал с густым тexasским акцентом, что пожарные сюда не приедут – побоятся; и пока что его предсказание оправдывалось текущими событиями – точнее, полным отсутствием событий. Откуда-то издалека доносились сирены, но приближаться явно не спешили.

Теперь, когда все отошли от самолета на безопасное расстояние, приоритетной задачей для королевы стало доставить Леннерта и Йохана в больницу. Единственный доступный транспорт в зоне видимости – пикап незнакомца. Значит, надо с ним поговорить.

Шагая по взрытой земле, королева увидела, как подъезжает и останавливается рядом с первым пикапом второй, очень на него похожий, только у этого на дверце нарисован мультяшный крокодил. Водительская дверца отворилась, из пикапа показалась пожилая женщина. Смотрела она только на мужчину с автоматом – и, похоже, не рассматривала его как угрозу. Скорее уж беспокоилась за него.

Фредерику Луизу Матильду Саскию это как-то приободрило; так что, когда незнакомец поднял автомат и выпустил четыре очереди прямо в морду гигантскому кабану, тихо издыхающему на взлетной полосе, она не смутилась и смело подошла прямо к нему.

Не замечая ее, незнакомец аккуратно отсоединил магазин, вытряхнул из патронника оставшиеся патроны, бросил автомат на землю. И зарыдал.

Сразу ответить на приветствие в таком состоянии он не мог. Давая ему время успокоиться, королева оглянулась – и обнаружила, что Амелия, ныне выполняющая обязанности шефа ее охраны, следовала за ней по пятам. Пистолет она по-прежнему сжимала двумя руками, направив ствол в землю; смотрела в основном на плачущего незнакомца, но время от времени скользила взглядом по сторонам, проверяя, не подбираются ли к ним новые свиньи, аллигаторы или падальщики с ножами.

Королева взглянула туда, где стояли пикапы. Женщина за рулем машины с крокодилчиком выбралась из кабины и направлялась к ним – быстро, как только могла, учитывая ее преклонный возраст и излишний, как у большинства американцев, вес.

– Амелия, – заговорила королева, – пойдی спроси эту женщину, не согласится ли она отвезти Йохана и Леннерта в больницу? Ее можно не опасаться.

– Откуда вы знаете?! – вскинулась Амелия. И, вспомнив о хороших манерах, добавила: – *Uwe Majesteir*¹².

Родители Амелии эмигрировали в Роттердам из Суринама. Выросла она в бедности, в трущобном районе, потом завербовалась в армию и сделала там карьеру – и с большим пиететом относилась к чинам и званиям.

– Здесь меня так не называй.

– Как же прикажете вас называть, *mevrouw*?

Вопрос повис в воздухе. В этот миг королеву поразила новая мысль: ведь она со своей свитой только что нелегально въехала в США!

Скорее всего, этот вопрос можно будет как-то решить, сохранив лицо. А пока с этим не разобрались, разумнее всего не кричать на перекрестках о том, кто она такая. Не дай бог, обо всем узнают таблоиды! Они не поверят, что крушения нельзя было избежать, – и выставят ее самоуверенной и некомпетентной идиоткой, решившей прыгнуть выше головы.

Это первым пунктом. А вторым – начнут выяснять, что она вообще забыла в Техасе...

– Саскийей.

Амелия подняла брови, но неохотно кивнула и оставила «Саскию» наедине с рыдающим свиноубийцей. Сунув пистолет в кобуру за спиной, она бегом направилась к пожилой водительнице пикапа. Амелия умела передвигаться быстро и ни секунды не тратила зря.

Тем временем незнакомец наконец пришел в себя и повернулся к Саскии. Приподняв край футболки – на секунду показался плоский смуглый живот, – утер с лица слезы и пот. На миг Саскии захотелось поступить так же. Она вдруг ощутила, что, и пяти минут не пробыв на открытом воздухе, уже истекает потом. Правда, если начать вытирать лицо, размажется макияж – пусть и очень скромный; но ведь Фенна потом его поправит... если, конечно, возьмет себя в руки и перестанет истерить.

Незнакомец повернулся вполоборота и высунул язык. Это напомнило ей новозеландцев, танцующих хаку¹³. Быть может, он родом откуда-нибудь с тихоокеанских островов?

Кажется, от этой гримасы ему полегчало: когда он снова повернулся к Саскии, лицо и голос его были уже спокойны.

– Все в норме, мэм.

– Спасибо, что помогли моему другу. Теперь нам нужно отвезти его в больницу. Нож мы вам вернем.

Мужчина окинул взглядом поляну.

– Мэри вам поможет. Все будет хорошо. Может, вам еще что нужно?

Щедрое предложение от человека в таком состоянии! Можно сказать, открытая оферта. Саския внимательно на него взглянула, пытаясь понять, не иронизирует ли он. Незнакомец не встретился с ней глазами – вместо этого бросил быстрый взгляд на мертвого кабана.

– Со своими делами я разделался, – объяснил он. – Теперь могу заняться вашими.

– Ну... тогда не поможете нам отсюда выбраться? – решила Саския. Наверное, не мешало бы добавить какую-нибудь вежливую оговорку: «теоретически», «в принципе», «допустим, если бы мы попросили...» – но уж как вышло, так вышло. – Мы заплатим.

– Наличными?

– Если хотите.

– И куда вам надо?

– В Хьюстон.

– Проблемы с законом? Что-то, о чем мне стоит знать?

¹² Ваше величество (голл.).

¹³ Боевой танец мужчин маори, во время которого танцующие топают ногами, бьют себя в грудь, издают ритмичные выкрики и высовывают язык.

Саския пожала плечами.

– С иммиграционным законодательством, возможно... но тут уж ничего не поделаешь. – Секунду подумав, она сообразила, что он имеет в виду. – Нет, наркотики мы с собой не везем. Вообще ничего такого. Если вы об этом.

Он колебался. Саския видела: не потому, что ей не верит – просто не понимает, что происходит. Не хватает ключевой информации.

Оставалось сказать правду.

– Я королева Нидерландов, – сказала Саския. – Прилетела с секретной миссией, чтобы спасти свою страну.

– Руфус. Но все зовут меня Рэд. У меня миссия не секретная, и я ее только что выполнил. – Он покосился на огромного убитого кабана и снова высунул язык.

– Рада с вами познакомиться, Рэд.

Обменявшись потным рукопожатием, они направились к самолету. Ей пришлось жестом напомнить Руфусу, чтобы подобрал с земли автомат. Пикап, украшенный крокодилчиком, уже подъезжал к Леннерту; Амелия, стоя в кузове, зорко следила за падальщиками, разделяющими свиней и аллигатора.

– Я тоже, госпожа королева.

– Так не говорят. Правильно называть меня «ваше величество», но здесь это ни к чему. Пожалуйста, зовите меня просто по имени: Саския.

– Хотите скрыть, что вы здесь? Поэтому вот так прилетели?

– Да, я не хотела бы это афишировать. Широкой публике незачем знать, что я в Техасе.

– Много с вами народу?

– Отправим раненых в больницу – останется пятеро. Хотя Виллем, наверное, поедет с ними. Тогда четверо.

– Могу за три минуты довести вас до открытой воды и посадить на лодку.

– На озеро?

– На реку. Речка Боске. Течет вон в ту сторону и впадает в Бразос.

– Бразос? – Саския знала это испанское слово, но не понимала, почему так называется река.

– «Руки Божьи», – объяснил Руфус. – Большая река, течет к Хьюстону. Так ее называли испанцы. Не знаю почему. Они были помешаны на религии, у них все названия такие.

Что ж, звучит недурно.

– А за эти три минуты мы не встретимся с полицией, перекрывшей дорогу, или еще с кем-нибудь в этом роде? – Вопрос не праздный, поскольку с другой стороны аэродрома, примерно в километре отсюда, стояла впечатляющая линия красно-синих мигалок.

– Нет, если будем держаться подальше от дорог.

– Внутри никого не осталось? – спросил Руфус. Затем поджег самолет.

Он проделал все так стремительно, что Саския на миг усомнилась в мудрости своего решения доверить судьбу экспедиции первому встречному. Но несколько секунд спустя, когда они мчались прочь, а в зеркалах заднего вида – многочисленных и на удивление крупных – провожали их языки пламени, поняла, что Руфус все сделал правильно. Самолет все равно уже не спасешь. А внимание всех, кто наблюдает за аэродромом с той стороны, сейчас приковано к огню – хотя бы на минуту-две; но больше Руфусу и не надо, чтобы убраться с места крушения и скрыться в лесах.

Хотя, может быть, зря она приписывает ему такие хитрые планы. Может, он просто псих.

Так или иначе, он за рулем и их судьба сейчас в его руках.

– Головы берегите! – крикнул Руфус, когда пикап на полном ходу свернул с дороги и въехал в чашу.

Саския и Амелия сидели с ним в кабине, Аластер и Фенна – сзади, в открытом кузове. Аластер инстинктивно вздернул голову, но тут же торопливо втянул ее в плечи. Машина мчалась через заросли, такие густые, что в нескольких метрах уже ничего не разглядишь. Очевидно, «берегите головы» означало пригнуться. Хрустели и трещали ветки под колесами, пикап вихлялся туда-сюда: крупные деревья Руфус объезжал, кусты и молодые деревца просто ломал и давил. Впрочем, крупных деревьев попадалось на удивление немного. Лес здесь был не таким, к какому привыкла Саския. Она выросла – и жила до сих пор – в Хейс-тен-Бос, особняке в центре Гааги, название которого переводится как «дом в лесу». Лес там величественный, многовековой – классический сказочный евролес с соснами до небес и почти без подлеска. А здесь, казалось, кроме подлеска вообще ничего нет! В первый миг, когда стена зелени ринулась им навстречу, Саския инстинктивно вжалась в сиденье: ей показалось, что пикап вот-вот врежется в эту плотную стену. Но зелень расступалась перед бампером, словно спелая пшеница в полях.

В какой-то момент они спугнули дикую свинью. Та бросилась бежать, а Руфус свернул за ней, и на миг Саския испугалась, что этот свиноманьяк сейчас, забыв обо всем, погонится за добычей. Но в миг, когда, прибавив газу, можно было оборвать кабанью жизнь, Руфус вместо этого ударил по тормозам. В следующую секунду Саския поняла: он не пытается задавить свинью – просто следует за ней. Хочет, чтобы она провела их сквозь чащу. Через ветровое стекло пикапа лес выглядит непроходимым; но свинья, спасающая свою жизнь, видит в нем систему троп, открытую и понятную, словно нидерландская железнодорожная сеть.

Так или иначе, это сработало: еще минута – и они вырвались из леса у края длинной насыпной дамбы, которую Саския разглядывала прямо перед крушением. Справа за дамбой, судя по всему, располагалось невидимое отсюда озеро. Перед ними расстилался открытый травянистый склон, неожиданно аккуратный и ухоженный; он круто спускался к небольшой и быстрой речке, которая (это Саския увидела, когда они подъехали ближе) питалась из водослива с рядом закатанных в сталь и бетон шлюзов, берущего свое начало в земляном склоне дамбы в сотне метров отсюда. Саския, уроженка Нидерландов, с первого взгляда сообразила, как работает вся конструкция. Пусть сверху дамба поросла зеленой травкой, пусть над ней кружат птицы (кстати, что за птицы? Боже, *стервятники*?! Как в вестернах?!); все эти дары природы – лишь внешний покров, маскировка, нечто вроде краски на стенах дома, прикрывающей структуру абсолютно искусственную, от начала до конца сконструированную человеком. В траве сереют островки бетона, из них выступают трубы и крышки люков – зримые проявления огромной инфраструктуры, скрытой под землей. Все здесь, куда ни бросишь взгляд, спроектировано какими-то техасскими инженерами, изо дня в день получающими зарплату за то, что они понимают воду и умеют ею управлять.

Чего хочет вода? В конечном счете всегда одного: добраться до моря. Этой речушке позволили выжить, поскольку она отводит лишние потоки воды, грозящие затопить аэродром или близлежащие кварталы. Сейчас все шлюзы водослива были распахнуты, вода хлестала, словно ее качали насосом. Течение неслось стремительно, казалось, вот-вот выйдет из берегов. Однако и тогда оно залило бы лишь участок, тщательно ограниченный насыпями и дамбами, отделяющими речную долину от аэродрома чуть выше. Именно по этой причине никто на аэродроме – никто из скорых и пожарных машин, дежурящих на соседней взлетной полосе, никто из наземных сотрудников, никто из тех, кто разделял свиней и аллигатора на месте крушения самолета, – их сейчас не видел. Единственное, что могла разглядеть Саския над защитной насыпью, – верхушка диспетчерской вышки, да и та скоро скрылась из виду. Они оказались в странном одиночестве. Ниже водослива располагалась парковка для рабочих, но сейчас она пустовала. Работники дамбы хорошо понимали, что ждет во время разлива автомобили, припаркованные в пойме реки.

Совсем рядом река уходила в лес; а на опушке леса, вытасченное на сухую (еще недавно) землю, покачивалось надежно привязанное к дереву суденышко. Саския узнала в нем РИБ – жестко-корпусную надувную лодку. Ее корма, с большим подвесным мотором и резервным двигателем сбоку, сейчас качалась на волнах. Руфус остановил пикап как можно ближе, метрах в десяти от лодки, – дальше ехать не стал из опасения завязнуть в раскисшей земле. Все выстроились цепочкой между машиной и лодкой и принялись передавать друг другу багаж: Аластер доставал вещи из кузова и передавал Фенне, та Амелии, та Саскии, и наконец они попадали к Руфусу – он и решал, как разместить их на борту. Места в лодке было мало, но и багажа не так уж много. Две синих скатки с геокостюмами взяли с собой. Другие две Руфус запер в кабине пикапа и припарковал его повыше, на сухом месте. Затем бегом спустился к воде, прыгнул в лодку и завел мотор. Саския подхватила фалинь, отвязала от дерева и шагнула на борт, когда лодку уже подхватил поток. Амелия и Аластер придержали ее за руки – но все равно она полетела на дно носом вниз и лишь минуту спустя сумела принять более царственную позу. Современных монархов порой насмешливо именуют «носовыми фигурами» – они, мол, «возглавляют» государственный корабль, украшая его, но ничем не правя; теперь Саския ощущала себя такой фигурой в самом буквальном смысле.

Плавание по Боске обернулось захватывающим аттракционом. Река стремительно неслась вперед; они летели бы, как птицы, даже если бы Руфус не завел мотор на полную мощность. Берега сходились почти вплотную, и густой лес по обеим сторонам смыкался над головами, образуя непроницаемый зеленый свод. Глядя вверх, можно было разглядеть меж ветвей голубые клочки неба, опустив взгляд – различить сквозь деревья смутные силуэты прибрежных построек. Чем дальше, тем берега становились выше, круче, каменистее; вот лодка скользила уже практически по дну ущелья – неожиданно для Саскии, которой сверху, за несколько минут до крушения, эта местность казалась равнинной. Но вдруг поток повернул направо – и оказалось, что здесь он впадает в другую реку, намного шире и спокойнее. Саския обменялась взглядом с Руфусом, и тот кивнул, подтверждая: теперь они в Руках Божьих.

Для всех контактов Саския и ее команда использовали защищенное текстовое приложение. Порой просматривали сообщения со старомодных смартфонов, порой выводили текст на стекла очков. Темные очки и телефон Саскии разбились при крушении, но Аластер оставался в Сети – об этом можно было догадаться по движениям его глаз, считывающим «из воздуха» невидимый текст.

– Есть новости от наших раненых? – спросила Саския.

Он кивнул.

– Виллем на связи. Та женщина с крокодилом...

– Мэри, – подсказала Саския.

– Мэри отвезла Леннерта и Йохана в неотложку. Медицинский центр Бейлор. Видимо, ближайший к аэродрому. Леннерта сразу забрали в хирургическое, сейчас делают переливание крови. Йохан ждет в приемной. Виллем разбирается с деталями.

Как настоящий шотландец, Аластер предпочитал сухой формальный стиль и был склонен к преуменьшениям. Туманное «разбирается с деталями» означало, скорее всего, что Виллем пытается заплатить пачкой наличных евро за медицинские услуги пациентам, буквально упавшим с ясного неба – проникшим в страну если не совсем нелегально, то уж точно без прохождения таможи и соблюдения прочих формальностей. Собственно, для этого Саския и взяла с собой Виллема – чтобы подобные проблемы решал он, а ей об этом думать не приходилось.

Схожую роль играла и Фенна: ее задача – избавить Саскию от необходимости думать о том, как она выглядит. Крушение страшно перепугало Фенну, но мчаться по бездорожью через лес ей скорее понравилось, а плавание на лодке успокоило, так что теперь она готова была вернуться к своим обязанностям.

Для начала Фенна окинула Саскию долгим критическим взором. Затем расстегнула один из чехлов с геокостюмами. Не открывая целиком – для этого в лодке места не было, – сунула туда руку и вытащила первое, что смогла нащупать. Это оказался топик: облегающая водолазка из спандекса с длинными рукавами и с капюшоном. Ее полагалось надевать под мешковатый костюм со встроенной системой охлаждения, чтобы не натирал тело, и стирать отдельно. Однако можно было носить и без костюма: она защищала от солнечных ожогов, а если найти способ постоянно ее увлажнять – и охлаждала, не требуя замысловатых механических приспособлений.

– Надевайте, – сказала Фенна. – Быстрее, пока мы не выплыли из леса.

Именно так она разговаривала с Саскией, когда занималась своим делом. Куда эффективнее, чем: «Если не возражаете, ваше величество, для сегодняшнего мероприятия порекомендую вам белый спандекс...»

В первый момент Саския не поняла, почему переодеваться нужно в лесу, но затем сообразила: густые заросли, окружающие место слияния двух рек, надежно ограждают ее от чужих взглядов. *Пока* ограждают.

Саския расстегнула хлопчатобумажную блузу, надетую сегодня утром в Хёйс-тен-Бос. Сбросила, на несколько секунд обнажив лифчик и голую спину, а затем натянула водолазку. Пока стягивала к запястьям скользкие на ощупь рукава, Фенна нахлобучила ей на голову капюшон. Он доходил до бровей, а нижняя часть щекотала подбородок. Эту нижнюю часть капюшона можно было стянуть шнуровкой и превратить в маску, прикрывающую подбородок, рот, даже нос; в таком виде капюшон оставлял лишь щель для глаз.

– У кого-нибудь есть темные очки? – спросила Фенна.

Из-за Руфуса и Аластера всем приходилось говорить по-английски.

Амелия, порывшись у себя в сумке, извлекла старозаветные темные очки сурового армейского вида и без всякой электроники. Фенна нацепила их на Саскию, аккуратно просунув концы дужек между висками и плотно прилегающим спандексным капюшоном. Оглядела плоды своих трудов с выражением, которое Саския частенько у нее замечала: мол, «не идеал, конечно, – но ладно, сойдет, я сделала что могла».

– Не хотите, чтобы вас заметила какая-нибудь случайная камера, – догадался Руфус.

– Да, желательно бы обойтись без этого, – согласилась Саския. – Пока все не уладим.

– А остальные ваши люди?

– Фенна всегда путешествует со мной, – заметила Саския.

Теперь настала очередь Фенны пройти через такое же преобразование, достав водолазку от второго костюма. Лифчика Фенна не носила, была стройной, гибкой и обожала татуировки; случись каким-нибудь согладатаем окопаться в кустах на берегу, им сейчас предстало бы дивное зрелище – увы, ненадолго.

Двадцать лет назад тому, кто хочет остаться незамеченным, такое одеяние принесло бы куда больше вреда, чем пользы. Теперь же все изменилось. Перед каждым, кто в такую жару оказался на открытом воздухе, во весь рост вставал экзотический прежде вопрос: как остаться в живых. Руфус, как видно, об этом уже подумал – и надел широкополую шляпу. У Саскии и Фенны имелись геокостюмы. А вот Амелия и Аластер были одеты совсем не по погоде.

Впереди показались городские постройки – как видно, уже начинался центр Уэйко: старинный подвесной мост через реку, отель «Хилтон», где пару часов назад Виллем забронировал для них номера, несколько торговых центров в три-четыре этажа высотой. Вдали виднелись более крупные строения; особенно бросался в глаза огромный стадион.

– Университет Бейлор, – проговорил Аластер; он следил за картой на стеклах электронных очков.

– Туда увезли Леннерта и Йохана?

– Нет, медицинский центр – это отдельный комплекс. В другой части города.

С этими словами Аластер снял очки, сложил, убрал в чехол, чехол положил в карман; а затем, извинившись, перегнулся через борт, и его вырвало.

– Для меня здесь слишком жарко, – пояснил он; подбородок у него дрожал.

Руфус приглушил мотор.

– Так, все прыгаем в воду и охлаждаемся. – Это прозвучало не как предложение – скорее как приказ. – Я давно на вас смотрю. Вы у нас вроде канарейки в шахте.

Саския бросила на Руфуса недоуменный взгляд, и тот это заметил.

– Так в армии делают, – объяснил он. – Ведешь взвод куда-нибудь, где холодно, – берешь с собой какого-нибудь тощего парнишку с Юга, лучше чернокожего. И смотришь за ним. Он замерз – значит, пора командовать привал и согреться. Ну а туда, где жара, надо брать с собой кого-нибудь... извините, сэр, вы откуда?

– Из Шотландии, – сообщил Аластер и сплюнул в реку.

– Кажется, у вас там не жарко.

Аластер молча помотал головой.

– Вот вы у нас и есть канарейка в шахте. Начали блевать – значит, всем пора охладиться. – Руфус кивнул Саскии и Фенне. – Вы две просто побрызгайте водой на костюмы. На какое-то время этого хватит. Вам, сэр, – кивнул он Аластеру, – придется поплавать. – Повернулся к Амелии, смерил ее оценивающим взглядом. – А вы, мэм, откуда?

– Из Суринама. Там жарко.

Руфус всмотрелся ей в лицо – быть может, определял, какие крови в ней намешаны, быть может, его внимание привлекли сломанный нос и сплющенное ухо. Потом опустил взгляд ниже. Саския сжала зубы, думая, что сейчас Руфус начнет пялиться на грудь Амелии – но нет, он смотрел на ее бицепсы.

– Борьбой занимаетесь?

– Дзюдо, – кивнула Амелия.

– Бразильская федерация?

– Олимпийская команда.

– Служили?

Амелия снова кивнула. Руфуса, как видно, ответы вполне удовлетворили.

– Раз так, вы сами о себе позаботитесь, мэм. Позже поболтаем.

Тем временем Аластер сбросил рубашку и брюки. По счастью, под брюками оказались боксеры. Аластер прыгнул в воду и, держась за веревку, брошенную Руфусом с борта, неторопливо поплыл на буксире мимо необъятного футбольного поля.

Уголкем глаза Саския подметила, что Руфус поглядывает на нее с интересом, словно хочет спросить: «Ну и что дальше, ваше величество?» Он не проявлял нетерпения, не выглядел и пассивным или равнодушным – он был... странная и любопытная мысль... был именно *таким, как надо*.

И еще – под этим взглядом она впервые после крушения ощутила, что пора проявить инициативу. Не просто реагировать на происходящее.

– Что ж, похоже, все обернулось не так уж плохо, – начала она. По-голландски – обращаясь только к Амелии и Фенне.

Обе откровенно рассмеялись.

Саския улыбнулась в ответ, а затем терпеливо объяснила:

– Все живы. Никто нас не узнал. Леннерт и Йохан в надежных руках, о них позаботятся. А мы здесь, на лодке, с человеком, который готов нам помогать.

Несколько секунд Амелия это обдумывала, затем пожала плечами.

– Леннерт вышел из строя, и за вашу безопасность теперь отвечаю я. Такого мы не ожидали. Пока что здесь не опаснее, чем в любом другом случайном месте Америки. Но мы

должны быть сейчас не в каком-то случайном месте, а в Хьюстоне, в гостях у Т. Р. Мак-Хулигана.

– Привыкай называть его доктором Шмидтом, – вставила Саския.

– Слушаюсь, *mevrouw*.

– Не уверена, что там сейчас безопаснее. На Хьюстон вот-вот обрушится ураган. А после начнется потоп.

Амелия подумала и над этим, затем взглянула на экран наручных часов, куда выводилась миниатюрная карта погоды.

– Что у вас в планах дальше? – поинтересовался со своего места Руфус.

– Конечная цель – Хьюстон. У нас там встреча.

– Тогда придется два-три дня подождать. В Хьюстон сейчас нельзя. Туда идет ураган.

– Что вы предлагаете? Где тут можно убить пару дней?

– Например, на понтонном судне Бо Боски.

Разумеется, от такого человека, как Руфус, иных предложений ждать не следовало. Он предложил то, что ему доступно и привычно. Тем не менее Саския и Амелия, как ни пытались, не смогли придумать никаких возражений.

Прежде всего, им нужно где-то спать. Такова человеческая биология. Можно, конечно, вернуться вверх по реке, привязать РИБ возле моста, перейти улицу и заселиться в «Хилтон». Но Виллем в больнице на другом конце города, и все документы и наличные – у него. Предстоит улаживать множество проблем с паспортами, оплатой и так далее; учитывая, каким путем они попали в страну, с этим могут возникнуть проблемы. И потом, в городе повсюду камеры. Вряд ли госбезопасность день и ночь дежурит в холле отеля «Хилтон-Уэйко», надеясь подстеречь там какую-нибудь блудную особу королевских кровей; однако никогда не знаешь, куда выводится изображение с камер, что за люди или компьютеры, легально или нелегально, имеют к нему доступ. А вдоль по течению Бразос, судя по тому, что королева уже успела увидеть, особенно много камер не встретится.

Да, они попали в США нелегально. Тут ничего не поделаешь. Зато разобраться с этим через пару дней в Хьюстоне – огромном мегаполисе с международным аэропортом – решение ничуть не хуже (а пожалуй, и лучше), чем сейчас возвращаться в Уэйко и искать чиновников, имеющих право проштамповать их паспорта. При том что чиновников с такими полномочиями там попросту может и не быть.

Пока они все это обсуждали, течение несло лодку все дальше и дальше. Остались позади и стадион, и внушительные здания университета Бейлор. Путешественники оказались на открытой местности. Виллем присылал сообщение за сообщением: у него все ладилось – и не только на медицинском фронте. Он успел связаться с Нидерландами. Еще раньше команда подготовила объяснение тому, почему на этой неделе Саския не будет появляться на публике, – и пока что все принимали эту выдумку как должное.

Руфус, в свою очередь, тоже связался с друзьями. Они забрали с берега Боске его пикап и сейчас «трогались в путь» – действие, включающее в себя погрузку «понтонна Бо» на прицеп и прочие логистические операции. После наступления темноты все должны были встретиться у какого-то причала ниже по течению. И к этому моменту предстояло принять определенные решения. Прежде всего, где они сегодня лягут спать. Честно говоря, думать о чем-либо другом становилось для Саскии чем дальше, тем сложнее.

Она открыла защищенный канал и набрала сообщение для Т. Р. Шмидта:

> Задерживаемся в районе Уэйко.

Тут же пришел ответ:

> Виллем мне сообщил.

- > А вы сами остаетесь в Хьюстоне или едете на место?
- > Хочу переждать ураган здесь. Так что мероприятие откладывается.
- > Значит, мы ничего не пропустим?
- > Верно. Позаботьтесь о своей безопасности. Все остальное – когда закончится ураган.
- > Спасибо, Т. Р.
- > Удачи вам, в. в.

Они поужинали, а потом устроились на ночлег в месте, которое Руфус назвал «причалом»: по сути это был просто клочок утоптанной земли на берегу, куда спускалась проселочная дорога. Семейство Боски приняло гостей с поразительной щедростью и гостеприимством. Стол ломился от угощений; так ужинать дома нидерландцам случалось нечасто. Догадавшись о том, что беспокоит Саскию, Мэри заверила ее: никакого «болотного мяса», никаких диких свиней и аллигаторов – то, что шкворчит сейчас на огне, куплено в местном магазине, «со сроками годности и всем прочим». С быстротой молнии Боски, словно фокусники, извлекали из своих пикапов и трейлеров всякую всячину, и вскоре голый речной берег был заставлен палатками и другими временными убежищами. Однако в этих конструкциях по большей части не было ни кондиционеров, ни защиты от насекомых. Так что, когда настало время ложиться, Боски утрамбовали гостей в трейлеры и включили кондиционеры, работающие от портативных генераторов. Руфус и Бо легли в кабинах своих пикапов, откинув сиденья.

Саския уснула почти мгновенно. Они с Амелией уместились вдвоем на широкой кровати в задней части трейлера Руфуса. Проснувшись она в три ночи – и сразу поняла, что больше не уснет. Мешала и смена часовых поясов, и стоящие перед глазами картины того, что случилось в Уэйко. Она встала, воспользовалась крохотной, но чистой уборной в середине трейлера, перешагнула через Фенну, спящую на полу в «гостиной». Аластера не было. Выйдя через боковую дверь, королева тихо прикрыла ее за собой и шагнула на песчаный берег. Разумеется, глупо надеяться, что хотя бы ночью здесь прохладно! Или тихо: помимо ровного гудения генераторов, в кустарнике, подходящем к реке вплотную и окружавшем этот голый пятачок со всех сторон, громко жужжало что-то... должно быть, насекомые. Да, насекомые – хорошее объяснение практически для всего, что может потребовать объяснений.

По песку змеились толстые желтые и оранжевые кабели, так что приходилось смотреть себе под ноги. Один кабель тянулся по стенке пикапа Боски на крышу кабины и соединялся с прибором размером с рюкзак, тихо гудящим и мерцающим разноцветными огоньками. Саския подошла ближе и заглянула в кузов пикапа. Там безмятежно похрапывал Аластер. Виднелись только очертания его лица, прикрытого москитной сеткой: остальное скрывалось под мешковатой, пронизанной охлаждающими трубками тканью геокостюма. Шнур, отходящий от левого бедра, словно пуповина, тянулся к мерцающему «рюкзаку» на крыше. Должно быть, Аластер выставил портативный аккумулятор наверх, надеясь, что там он будет лучше охлаждаться. Похоже, заснуть в трейлере он не смог, потихоньку выбрался наружу и распаковал геокостюм. Аккумулятор он, конечно, за ночь посадит – но, если они несколько дней простоят на месте, успеют его зарядить. Саския немного позавидовала счастливому сну Аластера. Самой ей больше не уснуть – даже если последует его примеру.

В воздухе вились несметные полчища насекомых всевозможных размеров, от совсем крохотных до нескольких сантиметров в длину; поэтому королева направилась напрямик к одной из надувных палаток с москитными сетками в стенах. Собираясь в Техас, она сделала все рекомендованные прививки – от пятидневной лихорадки, от вируса Зика, от последнего и самого неприятного ковида, новую вакцину от малярии; но когда тебя заживо жрет мошकारа, веселого в этом мало, даже если у тебя иммунитет ко всем болезням. Войдя в палатку и застегнув на молнию вход, Саския опустилась на складной походный стул. У стенки валялась открытая упаковка бутылок с водой – на боку, словно ее сбросили с вертолета. Королева вытащила оттуда

одну, открыла и залпом выпила полбутылки. Пока она не чувствовала жажды, но понимала: в такую погоду обезвоживание может наступить в любую минуту.

Где-то вдалеке прогремел ружейный выстрел.

Даже сейчас с трудом верилось, что здесь живут люди. Возможна ли более нестабильная, неустойчивая жизнь? Бутылка, из которой она пьет, изготовлена из пластмассы – продукта переработки нефти. Даже в три часа ночи здесь так жарко, что люди не могут спать без кондиционеров, работающих от генераторов; а генераторы жгут все ту же нефть и, вместе с кондиционерами, выбрасывают в воздух все больше тепла. За ужином Руфус – спокойным, бесстрастным, почти исследовательским тоном – поведал им сагу об огненных муравьях. А за десертом Бо куда более эмоционально рассказал о мет-гаторах.

Да, Техас представляется не намного гостеприимнее поверхности Венеры! Однако сама Саския и весь ее народ, сколько себя помнят, живут в неустойчивой и ненадежной стране. Стоит выключить насосы, откачивающие воду и сбрасывающие ее назад в Северное море, – в три дня Нидерландов не станет. И бежать будет некуда. Нет, пожалуй, Техас – место понадежнее. Он по большей части выше уровня моря, в нем есть собственная нефть, а если нефть закончится – у техасцев останутся ветряки и солнечная энергия.

Единственное, чего они пока не умеют, – бороться с водой. В этом, пожалуй, голландцы дадут им фору.

Кстати, о Нидерландах: там ведь сейчас полдень. Саския надела электронные очки и проверила, что происходит в мире. Первое и главное: никаких новостей на первых полосах о крушении королевского самолета. Разумеется, крушение упомянуто в местных новостях Уэйко – но ни слова о том, кто был на борту. Виллем арендовал самолет у британской лизинговой компании, известной бережным отношением к приватности клиентов. Те, кто привык летать по свету на бизнес-джетах, как правило, не в восторге от мысли, что их личность и маршрут доступны любому авиаспоттеру¹⁴ в Интернете; так что хозяева самолетов по умолчанию используют разные способы маскировки.

Успокоившись на этот счет, королева позволила себе немного расслабиться: полистала нидерландские новости, посмотрела результаты последних футбольных матчей, а потом отправила шестнадцатилетней дочери нежное сообщение, хоть и была уверена, что ответа не получит. Нет, Лотта хорошая девочка и ладит с матерью; просто подростки и взрослые неизбежно обитают на разных планетах.

Однако минуту спустя на прозрачном пластике очков, осветив техасскую ночь, вспыхнуло круглое желтое солнышко – смайлик от Лотты. Согретая его теплым светом, Саския наконец смогла погрузиться в сон.

Настоящее имя принцессы было Шарлотта Эмма София. Но в семье, где приняты такие многосложные имена, не обойтись без уменьшительных: так принцесса Шарлотта стала Лоттой.

Для Фредерики Матильды Луизы Саскии все сложилось не так легко. Вариант «Фредди» она даже не рассматривала. «Рика» звучало мерзко. «Матильду» можно сократить до «Матти» или «Тилли», но это не многим лучше. На время она остановилась на «Лу»; некоторые старшие родственники до сих пор ее так и звали.

«Саския» появилась в цепочке имен почти случайно – предложение вызвало у родни споры и даже протесты. Имя-то совсем не королевское. История у него вполне достойная (так звали жену Рембрандта), но в наше время им называют только простолюдинок вроде жены какого-нибудь фермера. А в королевском родословном древе это имя отродясь не попада-

¹⁴ Авиаспоттинг – хобби, состоящее в наблюдении за самолетами.

лось; и сейчас его выбрали в честь любимой тетушки, простой женщины, вышедшей замуж за принца. Так что оно, можно сказать, вошло в семью через заднюю дверь.

Те немногие, кому было небезразлично четвертое имя королевы, смотрели на него по-разному. Снобы морщили носы. Время от времени в каком-нибудь приглашении или поздравлении имя «Саския» как бы невзначай опускали. Королева не считала себя выше этого: она любила свою тетушку Саскию, так что такие «уколы» замечала и долго помнила обиду.

Людям попроще последнее имя королевы скорее нравилось: приятно было думать, что в чем-то она такая же, как все. Порой в каком-нибудь твите или в заголовке таблоида королеву именовали «Саскией» – примерно в том же ироническом ключе, в каком королеву Елизавету могли назвать «Бесс». Снобы так намекали, что ей не хватает царственности. А простые нидерландцы – по крайней мере те, кто монархии в целом симпатизировал, – этим показывали, что, в сущности, королева вполне нормальный человек, в классическом голландском смысле слова *normaal*. Хейтеры, кстати, «Саскией» не пользовались – они обозвали ее «королева Фред».

В маленьком семейном кругу чаще всего ее звали Саскией. Так что в Уэйко, когда Амелия спросила: «Как же прикажете вас называть?» – Фредерика Матильда-и-так-далее ответила не задумываясь. Амелия же вздернула брови по целому ряду причин. Прежде всего потому, что до этой минуты не отваживалась так обращаться к королеве. Это было имя для близких, для полудюжины ближайших друзей и младших членов семьи. В нем ощущалась фамильярность, даже какой-то вызов. Но приказ есть приказ. Так что Амелия и прочие заставляли себя пользоваться этим именем, хоть порой у них срывалось привычное *mevrouw* или даже *Uwe Majesteit*. Впрочем, здесь эти слова никому ни о чем не говорили.

Руфус, разумеется, знал ее только как Саскию – и именно так представил членам семейства Боски. Удачная маскировка; и в то же время королеве было приятно слышать это имя из чужих уст, потому что в глубине души именно его она считала настоящим.

Саския проснулась, вся в поту, разбуженная звоном посуды и аппетитными запахами готовящейся еды. Погода стояла прекрасная (если не считать жары), хотя над побережьем Залива ночью пронесся ураган. Он не задел Хьюстон – прошел достаточно далеко к югу, чтобы в новостях объявили, что город не пострадал. Однако Хьюстон не миновали ни ливень, ни гроза, ни последующий подъем уровня воды.

Ураган захватил краем и ту часть Луизианы, где обитала семья Боски. Местные новости из их родных краев сообщали, что там наводнение. Боски показывали Саскии фото своих домов: на прочных сваях не меньше шести метров в высоту. Пока эти сваи не снесет проплывающее мимо дерево, автомобиль – или, быть может, другой дом, хозяева которого не озаботились поставить его на сваи, – о своем жилье Боски не беспокоились.

В пригородах Хьюстона есть места, где крупные радиальные шоссе, ведущие в город и из города, снабжены путепроводами, способными по щелчку переключаться в эвакуационный режим. Например, шоссе, в обычное время состоящее из пяти полос, ведущих в город, и пяти в обратную сторону, по мановению руки превращается в громадину из десяти потоков, направленных в одну сторону, – словно насос, из которого вместо воды хлещет транспорт, уносящий беженцев из города на более возвышенные и сухие места. Впрочем, в отношении Хьюстона вернее говорить о четырнадцати или восемнадцати потоках. Так или иначе, вчера произошло именно такое переключение. За ужином, пытаясь впихнуть в себя еду быстрее, чем Мэри Боски и ее зять Реджи ставили на стол новую, Саския и ее свита смотрели на ноутбуке Руфуса трансляцию с веб-камеры, установленной над дорогой мильх в сорока к западу от центра. Шоссе превратилось в гигантский сплошной поток, движущийся прочь из города. Камеру на столбе трясло и качало, должно быть, от мощных порывов ветра. Изображение то и дело мутнело, затемнялось чем-то вроде статических помех – на самом деле в камеру хлестал дождь. Едва он немного стихал, на экране появлялась галактика красных габаритных огней.

А там, где они сидели, было жарко и солнечно, дул легкий ветерок, и лишь далеко на юге громоздились кучевые облака, готовые пролиться дождем.

– У вас в Голландии, должно быть, такого не бывает? – поинтересовалась Мэри, наконец присаживаясь за стол. Она и другие каджуны¹⁵ поняли, что Саския и ее команда – нидерландцы; но, кроме этого, Руфус ничем с ними не поделился.

Саския подавила в себе желание поправить Мэри и объяснить, как правильно называется ее страна¹⁶.

– Вы удивитесь, но в Нидерландах тоже есть места, где люди ездят на пикапах и ходят... – она хотела сказать просто «в церковь», но сообразила, что не знает, как эти люди относятся к религии, и уточнила: – ...в очень традиционную, очень консервативную церковь.

– Выходит, и у вас есть свой Библейский пояс? – понимающе кивнула Мэри.

– В общем, да.

– А вы не из «Шелл»? – поинтересовался Реджи.

– Откуда? – Из-за каджунского выговора Саския его не поняла; ей послышалось «шельф».

– Кажется, он говорит о «Ройял Датч Шелл», – с легкой усмешкой вставил по-английски Аластер. – Возможно, вы слышали об этой компании.

Еще бы не слышать! Одними из основателей «Ройял Датч Шелл» были предки Саскии – именно поэтому компания называлась «Ройял», то есть «королевской», – и сейчас королева владела там значительной долей акций.

– Встретишь голландца в Хьюстоне – сразу ясно, что он работает на «Шелл», – подмигнув, продолжал Реджи.

– Ну, в какой-то степени... можно сказать, что да, я связана с этой компанией.

Она уже поняла: Боски очень вежливо, обиняками, стараются перевести разговор поближе к делу. Не в смысле «побольше страсти с заморских гостей» – нет, очевидно, что этого у них и в мыслях нет. Они пытаются понять, что происходит и что будет дальше. Иными словами, как избавиться от ответственности, которую они так беззаботно на себя взвалили, согласившись дать приют иностранным гостям. Загорая на бережке, они ни на шаг не приближаются к Хьюстону. Как и к озеру Чарльз, где ждет их возвращения остальной клан. Из обсуждений постепенно вырисовался такой план: через пару дней, когда утихнет буря, множество Боски, их друзей и знакомых соберутся в Хьюстоне – и те, кто приедет первыми, пока ждут остальных, смогут организовать помощь жертвам наводнения.

В таком случае медлить не стоило. На реке Бразос множество поворотов и излучин; путь по ней составит куда большее число миль, чем посуху. Чтобы успеть в Хьюстон вовремя, нужно отчалить прямо сейчас и плыть день и ночь. Саския со своей командой могут остаться на борту, но им надо понимать, что это не увеселительная прогулка: с этого момента понтон будет оставаться на плаву, только чтобы пополнить запасы топлива.

Саския наскоро обсудила это со своими людьми. Погода связывала их по рукам и ногам. Необходимо где-то убить два дня. Можно проторчать пару дней в гостинице, если удастся найти номера – однако даже на таком расстоянии от Хьюстона все гостиницы сейчас битком набиты. А оставшись с Боски, они получают стол и кров и благополучно добираются до Хьюстона, не привлекая к себе внимания. Даже если в нидерландскую прессу просочится известие, что королева сейчас в Техасе, в ответ можно будет снять и выложить видео, на котором она

¹⁵ Субэтнос, проживающий в штатах Луизиана и Техас, франкоканадцы по происхождению.

¹⁶ Традиционное название «Голландия» («Лесная земля») относится к «сердцу» страны, двум старейшим провинциям на западе Нидерландов. Нидерланды («Нижние земли») – официальное название страны в целом. В наше время власти Нидерландов стремятся прекратить использование названий «Голландия» и «голландский», поскольку считают, что в сознании иностранцев эти названия тесно связаны с «кварталом красных фонарей» и доступными наркотиками и создают стране дурной имидж.

помогает жертвам наводнения. И все успокоятся, ибо: а) именно этого ждут от королев; б) тематика наводнений и борьбы с ними нидерландцам особенно близка.

На том и порешили. Команда Саскии помогла свернуть лагерь, все погрузились на судно и отправились на юг. Присоединился к каравану и Руфус. На парковке в его трейлере можно было жить, но когда трейлер на ходу, лучше держаться от него подальше. То же и с понтоном: его можно возить по суше, погрузив на прицеп, но без людей. Так что люди по большей части плыли по воде – без остановок. Сухопутные машины двигались впереди, снабжая караван бензином, едой, пивом и прочими расходными материалами. Там, где дорога подступала к реке вплотную, все это перегружали на борт. По пути присоединялись новые каджуны на своих лодках; и водная, и наземная части каравана росли. Аластер и Фенна при малейшей возможности пересаживались в пикапы – в водительскую кабину, где работали кондиционеры. Саския по большей части оставалась на понтоне, а с ней и Амелия; в самые жаркие часы дня обе натягивали геокостюмы.

Защитный геокостюм – не цельный предмет одежды, а скорее набор элементов, которые можно соединять и использовать разными способами в зависимости от обстоятельств. Система охлаждения не сможет работать, если не будет выбрасывать тепло в окружающую среду. Как правило, раскаленный воздух выводится наружу по трубке; но в такой обстановке, как сейчас, когда вокруг сплошная вода, воздушный теплообменник можно отсоединить и заменить модулем, выполняющим схожую задачу с помощью нагрева воды. Система шнуров позволяла опустить раскаленную часть модуля в реку и плыть рядом с понтоном – при условии, что обладатель костюма оставался на месте. Поскольку на судне такого размера двигаться особо было некуда, это условие никому не мешало.

Пентапотамия

Дип вырос в Ричмонде, в Британской Колумбии. Это остров на южном фланге Ванкувера, охваченный с двух сторон двумя притоками реки Фрейзер. Со временем, когда поднимутся воды моря Селиш¹⁷, куда впадает Фрейзер, остров обречен оказаться под водой.

Однажды, еще в начальной школе, младшеклассникам дали задание, связанное с миграцией лосося. Нужно было вернуть жизнь в соседний ручей, в котором наступление цивилизации истребило все живое. В то время, как и позднее, юный Дип был «прирожденным спортсменом» и «кинестетиком»¹⁸. Сидение за партой ему не давалось; но, орудуя лопатой под проливным дождем и наблюдая за передвижением рыбьих стай, он неожиданно ощутил, что возвращается к жизни и сам.

Нерест, когда рыба поднимается из океана вверх по течению рек, у чинукского лосося происходит летом. Это привело к неожиданному, но приятному для родителей Дипа следствию: теперь сын и в каникулы был при деле.

Семья владела сетью бензоколонок. Начало бизнесу положила в 1960-х одна-единственная заправка в Чилливаке; но сейчас бензоколонки Сингхов, связанные сетью родственных и финансовых уз, испещрили всю карту Британской Колумбии. Дип наносил бензоколонки на топографические карты, где изображались русла рек, и упрашивал отца брать его с собой в летние экспедиции. Отец высаживал сына где-нибудь на берегу реки с рыбацкой сетью или удочкой и завтраком, а сам доезжал до бензоколонки, уединялся в задней комнате с каким-нибудь братом или кузеном, и пока они там обсуждали дела, Дип бродил взад-вперед по берегу, прикидывал, где рыба, и пробовал ее ловить. Нерестящийся лосось – так себе добыча. Однако, став постарше и начав уходить на рыбалку с ночевкой, Дип научился жарить пойманную рыбу на дымном костре, который умел разжечь даже в самом сыром лесу.

На обратном пути из одного такого похода дядя Дхармендер и присвоил ему прозвище, ставшее для Дипа вторым именем. Дип явился на заправку Дхармендера, благоухая рыбой и дымом, и услышал в свой адрес «*laka*» – слово, которое на пенджаби произносится «лакс» и означает то же, что английское *lox*, то есть «копченый лосось». Странное прозвище, что и говорить. Но лучше, чем ничего, – а прозвище было жизненно необходимо, учитывая, что Дипов Сингхов в его мире было множество: только в одной школе с Дипом учились еще трое.

Отец Лакса был человек добрый, любящий и благочестивый. Когда сыну исполнилось лет двадцать, до него вдруг дошло, что дальше учиться после школы Лакс не пойдет, и от этого удара он так и не оправился. Интерес парня к рыбе определенно не прочил ему карьеру биолога – в лучшем случае карьеру рыбака. Летом Лакс устраивался на коммерческие рыбацкие судна, курсировавшие вдоль берега, – в основном выполнял неквалифицированную работу, идеальную для крепкого энергичного юноши. Поначалу оправдывался тем, что «зарабатывает на колледж». Но Лакс не был создан для колледжа. Правда, отличался силой и ловкостью – но ни один университет не наградил бы его стипендией за успехи в любимых видах спорта: сноуборде и национальном боевом искусстве под названием *гатка*.

Как ни скрывал отец своего разочарования, было видно, что ему тяжело. Он первым в семье получил ученую степень: дед послал его в вуз, чтобы сын научился там всему необходимому для ведения бухгалтерских книг и занятий юридической стороной семейного бизнеса. А вот дядя Дхармендер к вопросу о том, как Лаксу найти свое место в мире, подошел более

¹⁷ Принятое в США и Канаде название водной системы, расположенной между юго-западной частью канадской провинции Британская Колумбия и северо-западной частью американского штата Вашингтон.

¹⁸ Человек, воспринимающий мир через тактильные ощущения и движение; «человек действия», которому надо везде самому побывать и все потрогать.

практично. Не бранил, не нудил – просто отмечал раз за разом, что работа на рыбацких судах очень утомительна, опасна, да к тому же возможна только летом. Быть может, это просто нижняя ступень карьерной лестницы?

Если так, вторая ступень была очевидна и легко достижима. Рыбачье судно, как и большинство коммерческих кораблей, сделано из стали или из алюминия. Его ремонт состоит в том, что сначала листы металла режут кислородно-ацетиленовым или плазменным резакom, придавая им нужную форму, а затем сваривают вместе.

Лакс выучился ремеслу сварщика. По совету дяди Дхармендера прошел соответствующие курсы и получил все необходимые сертификаты. К тому времени, когда бывшие одноклассники Лакса едва-едва получили дипломы и вышли на рынок труда, он уже зарабатывал солидные деньги. В сезон по-прежнему нанимался на рыбацкие суда, а весь остаток года занимался сварочными работами по всей Британской Колумбии, порой заглядывал даже в нефтеносные пески Альберты. И горя не знал. Лаксу не приходилось ни содержать семью, ни выплачивать кредиты. И хватало свободного времени, чтобы кататься на сноуборде в горах Британской Колумбии и совершенствовать свои боевые навыки.

Одна из основных религиозных практик в сикхизме – организация *лангаров*: кухонь, где приверженец любой веры или человек вовсе неверующий, придя в определенное время, может получить бесплатный обед. Типичный лангар работает по расписанию и привязан к *гурдваре*: слово, которое обычно переводят как «храм» или «церковь». Однако время от времени прихожане гурдвары организуют временные лангары в местах стихийных бедствий, да и в любом месте, где по той или иной причине много голодающих.

В какой-то год в Индии начался мор от нехватки кислорода, а не пищи. В стране свирепствовал очередной штамм ковида. Смерть забирала многих, кто мог бы выжить, если бы вовремя получил кислород. Мгновенно образовался черный рынок: отчаявшиеся родные больных готовы были покупать кислородные концентраторы и баллоны за любые деньги. Тогда некоторые гурдвары открыли кислородные лангары. В этих импровизированных помещениях, часто под открытым небом, кислород подавался из стальных канистр – такие используются в сварочной индустрии – на распределители, а дальше по системе трубок и масок туда, где приносил хотя бы некоторое облегчение страдающим пациентам. Такая помощь не отвечала стандартам западных реанимационных палат, где больных вводят в медикаментозный сон и кладут на ИВЛ; однако ее хватало, чтобы люди выздоравливали, не заполняя больницы и не парализуя систему здравоохранения.

Отец Лакса постоянно слал ему ссылки на статьи об этих кислородных лангарах – некоторые из них были созданы на средства гурдвар в Ванкувере и окрестностях. Добрый и мягкий человек, классический «младший брат» при суровом и практичном Дхармендере, принявшем роль главы семейства после безвременной смерти деда, отец предпочитал изъясняться намеками. Но в конце концов – не без подсказок матери – Лакс понял, что папа хочет ему сказать. У него есть возможность не только помочь больным в Индии, но и доказать папе, что сын выбрал в жизни правильную дорогу. Мастерство сварщика, умеющего управляться с газом в канистрах, в кислородном лангаре очень пригодится. Он поедет в Индию, поможет людям – а заодно вернется к вере своих отцов.

Строго говоря, от веры отцов Лакс и не отступал – по крайней мере, сам не считал себя отступником; просто в какой-то момент постригся и перестал носить тюрбан. Уж очень неудобно возиться с длинными волосами и с тюрбаном, когда работаешь на корабле. Позже, став сварщиком, он обнаружил, что сварочная маска, во всех прочих отношениях удобная и надежная, явно придумана не теми, кто каждое утро накручивает тюрбан на голову. Конечно, можно было как-то извернуться... но он предпочел расстаться с тюрбаном. Сикхская молодежь на Западе нередко перенимает западные прически и головные уборы. Но Лакс знал, что это ранит чувства отца, и попытался загладить вину, выковав себе *кара* — браслет, как правило,

железный или стальной, который сикхи традиционно носят на правом запястье. Считается, что это символ наручей, которыми в былые времена воины защищали предплечья от вражеских мечей. Впрочем, по тонким изящным *кара*, какие носят сикхи в наше время, об этом ни за что не догадаешься. Лакс, имевший доступ в слесарную мастерскую, разработал собственный дизайн браслета, вырезал его плазменным резаком из стальной пластины и согнул так, что *кара* пришелся точно по руке. Это было воплощение «тяжелого металла» – и в буквальном смысле, и в эстетическом: помимо традиционного декоративного искусства Пенджаба, в нем отразились мотивы фэнтезийных видеоигр, которыми увлекался Лакс.

Он знал, что родители оценили этот жест. Однако по-настоящему хотели другого: чтобы он поехал в Индию и поработал волонтером в кислородном лангаре хотя бы несколько недель. А если поездка растянется на несколько месяцев и Лакс вернется с длинными волосами, в тюрбане и, возможно, с невестой – тем лучше.

Что ж, он поехал в Индию и устроился в лангар. К этому времени новый штамм ковида полыхал в основном в Дели, так что в первые несколько недель Лакс не выезжал из столицы. Жил в отелях, устроенных на западный манер, передвигался на такси. День за днем монтировал кислородные баки, шланги, распределители в трех кислородных лангарах, открытых местными гурдварами – при финансовой поддержке со всего мира – на открытых площадках вблизи медицинских центров, изнемогающих под напором пандемии. С пациентами старался не контактировать. Отчасти для того, чтобы избежать заразы, – опасался, что канадские прививки от этого штамма не защитят. Отчасти потому, что не говорил на хинди – только немного на пенджаби, из той же языковой семьи, но все же другом языке. Но прежде всего потому, что ему не хватало важной черты характера, необходимой медикам: он не умел налаживать контакт с больными и их родственниками, легко вступать с ними в диалог – и потом не чувствовать такого изнеможения, словно целый день таскал кирпичи. Так что, когда не был занят в лангаре, он возвращался в отель, тренировался в фитнес-центре или играл в видеоигры у себя в номере. Однако новый ковид его не миновал: Лакс переболел в легкой форме, но потерял обоняние.

Он понимал, что папу с мамой это расстроит, поэтому не сообщал им о болезни, пока не прошли все симптомы. А когда все-таки сообщил, подсластил эту пилюлю известием, что едет в пенджабский город Амритсар: для его народа то же, что для чинукского лосося верховья реки Фрейзер. Мол, пожить на земле своих предков.

Только приехав на место, он выяснил буквальное значение слова «Пенджаб»: Пять Рек. Индия, со множеством языков и диалектов, научила его всматриваться и вслушиваться в слова так, как не натаскал бы никакой преподаватель. Можно сказать, Лакс окунулся в новый учебный проект. Только теперь проект состоял в том, чтобы научиться понимать чужую речь и говорить понятно для других в стране, где говорят на многих языках. Живя в Канаде, Лакс полагал, что неплохо говорит на пенджаби; Индия показала, что до «неплохо» ему еще расти и расти. Носители языка в Амритсаре имели дурную привычку посреди разговора переходить на английский, полагая, что этим оказывают ему любезность. Поэтому в первые несколько недель в Амритсаре Лакс потратил куда больше, чем планировал: жил в «Мариоттах», «Рэдиссонах» и «Уиндемах» и лечил острую тоску по дому просмотром американских телепрограмм и поеданием гамбургеров.

Однако пенджабские телеканалы находились всего в одном щелчке пульта от американских. И постепенно язык начал прокладывать путь к Лаксу в мозг. Некоторые слова оказались почти такими же. *Sant* – не совсем то же, но близко к *saint*¹⁹, очень похоже. *Naam* – еще одно очень важное слово для сикхов – да это же попросту *name*²⁰! Пятиречьем – Пентапотамией – назвал Пенджаб Александр Македонский, так и не сумевший его завоевать. Но и персидское

¹⁹ Святой (англ.).

²⁰ Имя (англ.).

«пендж», и греческое «пента» означают «пять»; и если пройти вверх по течению этих ручьев до самого истока, мы увидим, что оба слова происходят из утраченного языка древних ариев, где были одним.

По-настоящему вынесло Лаксу мозг открытие – весьма запоздалое, надо сказать, – что с его собственным прозвищем та же история. *Laka* на пенджаби, *laks* на хинди или урду, *lox* по-английски, *lachs* по-немецки и еще множество похожих слов во многих евразийских языках – в сущности одно и то же. Слово, отчеканенное людьми, которые до начала времен ловили лосося и коптили его на огне. Лосось был важен для выживания – поэтому так врезался им в память. И, разойдясь во всех направлениях с берегов своей изначальной родины (скорее всего, в Причерноморье), они взяли это слово с собой.

К сожалению, сходство между языками страшно запутывало; будь они совсем разными, Лаксу было бы проще. Первые несколько недель дались ему очень непросто. Не раз, выкладываясь на эллиптическом тренажере в спортзале какого-нибудь отеля западного типа, Лакс параллельно смотрел веб-сайты для путешественников, снова и снова проверяя стоимость билета через океан в один конец.

Труднее всего было бороться с робостью, охватывавшей Лакса всякий раз, как он выбирался из своего западного «пузыря». Дома, в Канаде, он выглядел высоким крепким парнем, возможно, игроком в футбол или в хоккей. Здесь казался великаном. Хуже того: было очевидно, что его волосы и борода хорошо знакомы с бритвой и ножницами. Он принялся растить волосы. Но в глазах случайного прохожего на какой-нибудь амритсарской улице по-прежнему оставался ни рыбой ни мясом: такой лохматый здоровяк мог родиться где угодно, от Персии до подножия Гималаев.

А самое неприятное, что, кроме этой «недоделанности», в нем не было ничего *особенного*. На пенджаби говорили здесь больше ста миллионов человек – втрое больше населения Канады, – и в большинстве своем говорили лучше, чем он. Он приехал в место, где абсолютно все – лавочники, копы, адвокаты, крестьяне, даже преступники – исповедовали одну религию. В Ванкувере он был то единственным сикхом на корабле, то единственным в округе сикхом-сварщиком: это его выделяло, к добру или к худу. Здесь – нет. Чтобы быть непохожим на других, требовалось что-то еще.

Однажды утром он заспался допоздна и, долго и мучительно просыпаясь, отдернул штору, чтобы яркое солнце не дало ему снова уснуть. Солнечные лучи упали на браслет, и полированная сталь засверкала – вся, кроме одного участка, на котором Лакс заметил пятнышко ржавчины. Крохотное, совсем на поверхности – он без труда стер его салфеткой. Но это показалось ему дурным предзнаменованием. Он сам изготовил *кара* и стал носить – отчасти потому, что этот браслет воплощал в себе связь с традиционным боевым искусством его народа. А теперь *кара* ржавеет! Что это говорит ему – и о нем?

Пора что-то с этим делать, сказал он себе. Прямо с сегодняшнего дня.

Луизиана

Виллем приехал на арендованном пикапе и присоединился к каравану на стоянке в излучине реки близ Колледж-Стейшен. Сейчас он сидел рядом с Саскией под полупрозрачным тентом, который Боски установили на песчаном берегу. Королева и ее личный помощник обсуждали большие и малые дела Оранского Дома²¹.

Начали с забот ближайших и неотложных – прежде всего, с двоих раненых, оставшихся в больнице в Уэйко. Леннерт, сообщил Виллем, оклемается, хоть его и ждет несколько месяцев физиотерапии. Некоторое время он пробудет здесь и вернется в Нидерланды, как только врачи разрешат ему перелет.

Высылать кого-то Леннерту на замену хлопотно и долго, так что Амелии пока придется взять на себя его обязанности. Руководителей службы безопасности в Нидерландах новости не обрадовали, и Виллем потратил немало времени, чтобы их успокоить. Итак, теперь на плечи Амелии ложилась проработка запасных планов на любой возможный случай – и очень серьезная ответственность.

Йохан чувствует себя (для жертвы сотрясения) очень неплохо; однако самолет, на котором он прилетел вторым пилотом, разбился, так что нет смысла дальше держать его в Техасе. Он приобрел билет на рейс KLM и завтра вылетает в Амстердам.

Городские власти Уэйко только начали расследовать крушение. Рано или поздно захотят допросить «пилота»; однако реальных полномочий в этом случае у них на удивление мало. Никто не погиб, не было совершено никакого преступления – так что невозможно ни арестовать кого-то, ни заставить Саскию давать показания, даже если ее найдут.

Дальше перешли к повседневным королевским задачам, из тех, что могли бы обсуждать и дома: к подготовке речи в Бюджетный День, до которого осталась пара недель, разным текущим мероприятиям и нескончаемому потоку корреспонденции. Все так привычно: легко забыть, что они не в рабочем кабинете королевы в Гааге, во дворце Ноордейнде. Когда же в разговоре возникла пауза – оба, вспомнив, где они и зачем, несколько мгновений сидели молча, прислушиваясь к какофонии мошкары и лягушек и к мягкому журчанию реки за мягкой полупрозрачной стеной.

– Что-нибудь еще? – спросил наконец Виллем. Он видел, что у королевы что-то вертится на языке.

– Хотела задать вам странный вопрос.

– Слушаю.

– Бразос, – произнесла Саския, взглянув на реку. – Почему мне знакомо это название?

– Слово встречается в каждом отчете о ваших доходах с тех пор, как вы стали достаточно взрослой, чтобы их читать, – спокойно ответил Виллем.

– Точно! Значит, я не сошла с ума!

Виллем покачал головой.

– Напротив.

– Тогда следующий вопрос...

– Там, где река Бразос впадает в Мексиканский залив, – заговорил Виллем, – к югу от Хьюстона имеются природные формации, холмы, богатые серой. В начале двадцатого века несколько бизнесменов начали разрабатывать это месторождение. Создали компанию под

²¹ Царствующая династия в Нидерландах. Название «Оранский» происходит от средневекового княжества Оранж, которым владели предки нидерландских королей. Отсюда же и национальный цвет Нидерландов – оранжевый, который будет упоминаться далее.

названием «Бразос Сульфур». Были тесно связаны с первыми техасскими нефтяниками. Как раз в те годы здесь бурно развивалась нефтепромышленность.

– Нефтяные фонтаны со старых фото?

– Да-да, Спиндлтоп²² и так далее. Тогда появились на свет «Галф», «Тексако» и прочие.

– Виллем, да вы настоящий фонтан исторических сведений!

– Вы ко мне слишком добры. О добыче нефти и серы в Техасе я знаю только то, что выяснил несколько недель назад, когда собирал информацию о докторе Шмидте.

– А как с этим связан Т. Р.?

– Одним из основателей «Бразос Сульфур» был Карл Шмидт, его прадед. Нефтью он тоже занимался. От него Т. Р. и получил свое имя. Карл был поклонником Теодора Рузвельта. И сына – дедушку доктора Шмидта – назвал в его честь.

– Ну хорошо, – сказала Саския, – допустим, это объясняет, как все начиналось больше ста лет назад. Но почему сейчас я встречаю слово «Бразос» в финансовых отчетах? Не припоминаю никаких инвестиций в добычу серы.

Виллем кивнул.

– Однако, несомненно, припоминаете – простите за столь очевидное замечание, – что ваша семья инвестировала средства в «Ройял Датч Шелл» с самого начала ее существования.

– Да, случалось об этом слышать, – сухо заметила Саския.

Виллем снова кивнул.

– Если вы проследите историю «Бразос Сульфур» в течение двадцатого века, то увидите, что эта компания постоянно расширялась: приобретала другие богатые серой территории в районе Мексиканского залива, а также занималась другими минералами. Марганцем, никелем, калием. Каолином – эта разновидность глины используется для изготовления красителей и лечения диареи. Как видите, производство не особенно гламурное.

– А как используют серу?

– В производстве автомобильных шин и удобрений.

– В самом деле, гламура маловато.

– Компания изменила название на «Бразос Майнинг». И стала открывать дочерние отделения повсюду, где есть интересующие их минералы. Где они только не работали: и на Кубе, и в Конго, и в Индонезии...

– А-а, – проговорила Саския, – теперь начинаю понимать!

– Как и многие другие западные компании, после войны они оказались вытеснены из бывших колоний. Кастро выгнал их с Кубы, и так далее. Но у них остались, если можно так выразиться, щупальца – свои люди в советах директоров нефтяных компаний. И связи с очень серьезными семьями из высшего круга: Рокфеллерами, Бушами и так далее. В 1960-х годах, как раз после того, как их выставили с Кубы и из Конго, до них дошел слух, что некий геолог, наш соотечественник, взошел на высочайшую вершину Новой Гвинеи – на бывшей голландской половине острова – и обнаружил там огромное месторождение руд. В основном меди. Но где медь, там часто встречается и золото. Объемы были невероятные, доступность тоже. Руда просто лежала на земле, видимая невооруженным глазом.

– В одном из самых труднодоступных мест мира! – возразила Саския.

Виллем кивнул.

– Да, и на страшной высоте. Добраться туда без связей и без знания местных условий и думать было нечего. Поэтому «Бразос Майнинг» провели переговоры с «Ройял Датч Шелл» – едва ли стоит уточнять, что о ведении бизнеса в нидерландской части Ост-Индии «Шелл» знали всё, – и создали совместное предприятие, «Бразос РоДаШ», которое начало разрабатывать...

²² Первое нефтяное месторождение, открытое в Техасе в 1901 году.

– ...крупнейший в мире открытый рудник на вершине горы, окруженный новогвинейскими джунглями! – закончила Саския. Теперь-то она поняла, о чем речь! Месторождение славилось и своим богатством, и тем, что вокруг него шли нескончаемые политические дразги.

– Вот именно.

– И часть ее принадлежит мне!

Виллем кивнул.

– С тех пор как вы достигли возраста, позволяющего управлять своей собственностью, в каждом отчете о состоянии ваших финансовых дел вы встречаете название «Бразос РоДаШ».

– Ну и как у них идут дела? – поинтересовалась Саския.

Хотела, чтобы вопрос прозвучал шутливо, но не вышло. Попыталась подмигнуть, но Виллем не улыбнулся, и Саския заподозрила, что выглядело это так, словно она смаргивает пот с ресниц. М-да, над способностью излучать веселье и сыпать шутками ей еще предстоит поработать. Возможно, проблема в том, что на самом деле ей сейчас совсем не весело.

– Не стану влезать в политику, это ваша область... – осторожно начал Виллем.

– Вы про территориальные споры – Индонезия, Западное Папуа и все это?

Он кивнул.

– Но рост экономики азиатских стран создал фантастическую потребность в меди, так что за короткое время «Бразос РоДаШ» увеличила свою стоимость вдесятеро. Недавно, как вам известно, в Папуа снова начались проблемы, и добыча меди несколько снизилась.

– Но... если вернуться к нашим нынешним делам... Т. Р. Шмидт – тоже инвестор «Бразос РоДаШ»?

– Он там родился.

– В Новой Гвинее?!

И снова Виллем кивнул.

– Доктор Шмидт унаследовал значительную долю акций компании через трастовый фонд, основанный в 1970-х его дедом. Свою сеть ресторанов и бензоколонок он создал именно на волне успеха «Бразос РоДаШ», когда взлетели цены на медь.

Задумчиво глядя на реку, Саския переваривала эту информацию.

– А я наивно думала, что он местный техасский нефтяник!

– Так и есть, – заметил Виллем, – просто техасские нефтяники за вторую половину двадцатого века разбрелись по всему свету.

– Покорили даже горы в Новой Гвинее!

Виллем кивнул и откинулся на спинку складного стула, переменной позы намекая на смену темы.

– Кстати, об Индонезии и о белых, которые там оказались. Если вы в самом деле намерены плыть в Хьюстон этим путем...

– Намерена, – подтвердила она. – Если что, всегда можно изменить планы, верно? Шоссе и гостиницы от нас всего в нескольких минутах езды.

– Гостиницы сейчас переполнены. А шоссе ведут только в одном направлении – не туда, куда нам нужно.

– Пусть так, но что остается? Нас застигло стихийное бедствие. Домой вернуться не можем. А в Хьюстоне делать нечего, пока не кончится шторм.

– В таком случае я попрошу разрешения покинуть вас и навестить отца.

– Пожалуйста! Только как у него с погодой?

– Вчера шел дождь, сегодня ясно. Если я уеду немедленно и проведу за рулем ночь, то поспею к завтраку.

– Напишу ему записку, – предложила Саския и потянулась за бумагой с королевской монограммой; стопку такой бумаги Виллем заказал для нее в «Стаплз».

– Благодарю вас, *Uwe Maj*... – Виллем умолк на полуслове, а затем с усилием поправил себя: – Саския. Он будет весьма польщен.

Дед Виллема, Йоханнес Кастелейн, был инженером-нефтяником. В 1930 году «Шелл» отправила его за море – в края, в то время носившие название Голландской Ост-Индии. Его новым местом жительства стал портовый город в Восточной Яве. Там имелось довольно большое сообщество экспатов и школа, в которую местные датчане, а также иноземное население разных рас – например, китайские торговцы – отправляли своих детей. Йоханнес встретил и полюбил Грету, учительницу в этой школе, и женился на ней. Вскоре у них родилось трое детей: мальчик Рюд – в 1932-м, девочка Мина – в 1934-м, и в 1937-м – Хендрик, отец Виллема.

В 1940 году, когда Нидерланды оказались под властью Гитлера, контакты между Голландской Ост-Индией и метрополией прервались. В 1942 году голландцы сдали Ост-Индию Японии. Все, кто служил в армии, попали в плен: им пришлось очень нелегко – например, пленных направили на принудительные работы по строительству железной дороги, о котором впоследствии сняли «Мост через реку Квай». Взрослых гражданских рассортировали по полу и процентам кровей. Йоханнес был *тоток* — чистокровный голландец. Грета – *индо*, смешанного европейско-индонезийского происхождения. Японское военное командование «пригласило» их разместиться в так называемых центрах защиты под японской юрисдикцией – в лагерях, отдельных для взрослых мужчин, отдельных для женщин и детей.

В десять лет Рюда, старшего брата Хендрика, сочли взрослым и отправили в лагерь вместе с отцом. На следующий год он умер от дизентерии. Грета, ее дочь Мина и младший сын Хендрик оказались в лагере для женщин с детьми, где условия – по крайней мере, в первый год – были чуть получше. Но война тянулась и тянулась, бои подступали все ближе, их перебрасывали из одного места в другое – каждое следующее хуже предыдущего, и при каждом переезде они теряли что-то из вещей. К 1945 году восьмилетний Хендрик в совершенстве овладел искусством лазать по деревьям, где тряс ветки и колотил по стволу, пока с дерева не начинали падать населяющие его создания – змеи, обезьяны, насекомые, птенцы, не сумевшие улететь. Глядя вниз, он видел, как женщины – обитательницы лагеря бросаются на эту добычу, забивают ее до смерти, раздирают на части и дерутся за клочья мяса. Хендрик смотрел на это довольно спокойно: мать научила его собирать на дереве слизней, жуков, ящериц и оставлять себе. Тем временем Грета и ее сестра Александра, оказавшаяся в том же лагере, пытались сварить что-то вроде каши из вшей, которых собирали в огромном количестве с голов и тел своих лагерных товарок. Вши были стерильны, поскольку хорошо проварены, и определенно содержали в себе питательные вещества. В результате этих мер Хендрик рос крепким и сильным – настолько, что в середине 1945-го, за год до установленного законом срока, его сочли взрослым и переместили в лагерь для мужчин. Маму он никогда больше не видел, а с тетей Александрой и сестрой Миной вновь встретился много лет спустя.

В мужских лагерях, как правило, условия были куда хуже; однако здесь несколько взрослых взяли на себя заботу о мальчике и помогли ему дотянуть до конца войны. Японские охранники установили в лагере свирепый дисциплинарный режим. Узники подчинялись, чтобы выжить, – а чтобы не потерять человеческий облик, использовали кодовые слова. «*Oranje boven!*» («Оранжевый победит!») – в мирные времена этот лозунг выкрикивали болельщики на футбольных матчах; теперь он, произносимый еле слышным шепотом, стал символом верности Оранскому Дому.

Чем ближе к концу войны, тем больше хаоса. В последние несколько недель заключенных беспорядочно таскали с места на место; в одном товарном вагоне Хендрик встретил своего отца – больного, страшно истощенного, но живого. В конце концов они оба сумели вернуться домой, на побережье Восточной Явы. Дом их оказался наполовину сожжен и полностью разграблен. Несколько месяцев отец и сын прожили в развалинах, пытаясь выяснить, что стало с

Гретой, Александрой и Миной. В конце концов оказалось, что женщин переместили в лагерь на Западной Яве, под охрану свирепых индонезийских головорезов – молодых парней, отращивших длинные волосы и бегавших по стране с бамбуковыми копьями, а иногда и с более современным оружием, которое удавалось достать у японцев. Эти времена получили название *берсиап*, что переводится примерно как «готовься» или «будь готов». Готовиться следовало к изгнанию всех европейцев, а также европеизированных «индо» и китайцев и к объявлению Ост-Индии независимым государством. На деревьях висели опутанные проводами громкоговорители, из них раздавались пламенные речи Сукарно. Естественно, борцы за независимость обратили внимание на лагерь, где японцы уже любезно собрали всех, кто им не нравился. Поначалу лагерь охраняли все те же японцы – которые не сумели попасть домой; затем гуркхи и сикхи, сброшенные на парашютах британцами, – они должны были отвечать за эти места вплоть до дальнейших распоряжений. Как ни ужасна лагерная жизнь, в этот период в лагерях было безопаснее, чем где-либо еще.

Йоханнес и Хендрик в своем небольшом анклав на Восточной Яве, через залив от нефтяных доков «Ройял Датч Шелл», тоже чувствовали себя в относительной безопасности. Йоханнес возобновил старую дружбу с Куоками, местной китайской семьей, до войны занимавшейся посредничеством: Куоки закупали товары на внутреннем рынке и продавали их заморским клиентам. Обстановка становилась все напряженнее; государства, способного защитить своих граждан, здесь больше не было; для самозащиты требовалось оружие. Йоханнес знал, где его достать, и продал Куокам несколько стволов и патроны в обмен на еду – благодаря связям с плантациями в глубине страны у них все еще была возможность добывать съестное.

Однажды они получили известие, что гуркхи и сикхи, охранявшие Грету, Александру и Мину, эвакуировали их в более надежно защищенное место, ближе к городу, который в то время назывался Батавией, а вскоре получил название Джакарта. Йоханнес выяснил, что туда можно добраться по железной дороге, и вместе с Хендриком сел на поезд. Двигались они страшно медленно: в каждом провинциальном городке поезд останавливали местные банды мятежников. В одних местах какое-то подобие порядка поддерживали остаточные британские или голландские силы, или та власть, которой впоследствии предстояло стать правительством Индонезии. В других командовала озверевшая толпа. Мятежники поддерживали друг с другом связь по так называемому кокосовому телеграфу – традиционному способу передачи информации от деревни к деревне: гулкий стук палками по полым бревнам мог не расслышать разве что глухой.

В одном из таких городков всех пассажиров, похожих на европейцев, высадили из поезда и, подгоняя копьями и дубинками, погнали на городскую площадь. Здесь Хендрика вместе с другими детьми и женщинами отделили от мужчин и повели в тюрьму. Издалека они слышали крики. В следующий – и последний – раз, когда Хендрик увидел своего отца, Йоханнес стоял на площади на коленях, раздетый, с завязанными глазами. Приглядевшись, можно было заметить, что повязка насквозь пропитана кровью и что глаз под ней уже нет. Их вырвали и бросили в ведро вместе со множеством других, не угодивших цветом. Один молодой мятежник обнажил самурайский меч и двинулся вдоль ряда поставленных на колени пленников, срубая головы одним ударом. Последними словами Йоханнеса были: «*Leve de Koningin!*» – «Да здравствует королева!»

Какую участь готовили мятежники женщинам и детям, так и осталось неизвестным. Услышав о происшедшем, в город явились лучше вооруженные и более дисциплинированные индонезийские силы, освободили пленников и на следующем же поезде отправили назад. Так девятилетний Хендрик стал приемным сыном в семье Куок. Его приняли как родного, даже дали китайское имя Энг, которое было легко и запомнить (по-голландски оно означает «страшный», «пугающий»), и произнести. Правда, с виду он совсем не походил на китайца, но тут уж ничего не поделаешь.

Много позже он узнал, что случилось с мамой. Перелезая через стену, утыканную сверху битым стеклом, она порезала руку. В рану попала инфекция, и Грета умерла. Сестра Мина вместе с теткой Александрой – для простоты они стали называть себя матерью и дочерью – добрались до более безопасной Батавии, а оттуда англичане эвакуировали их в лагерь для переселенцев в Австралии.

Им повезло намного больше, чем клану Куок, во второй половине 1940-х познавшему на себе все прелести индонезийской борьбы за независимость. Портовый город, где жила семья, много раз переходил из рук в руки, его бомбили с воздуха и обстреливали с моря. Дом разбомбили, а то, что от него осталось, экспроприировали. Тогда Куоки переехали в глубь страны, на плантацию в холмах, где у них сохранились деловые связи длиной в несколько поколений. Но война шла за ними по пятам. Однажды несколько голландских командос десантировались туда и несколько дней удерживали деревню, а затем, получив по радио новый приказ, так же внезапно отбыли. Тогда индонезийские борцы за свободу, наблюдавшие за этим с расстояния в несколько сот метров, явились в деревню и устроили там то, что условно называлось «ответными мерами». Из женщин «ответные меры» пережили только те, кому хватило духу при первых же признаках беды бежать в джунгли. Хендрик – он все еще отлично лазил по деревьям – видел кое-какие «ответные меры» с безопасного расстояния, но никогда об этом не рассказывал. Сам он, несколько девочек и «Руди» Куок, парнишка чуть постарше, связав в узелки самое необходимое, бежали из деревни, несколько дней скитались по джунглям и наконец вышли к морю и отыскивали поселение, пока еще контролируемое голландскими военными. Здесь Хендрик перестал называть себя «Энг Куок», признался, что он голландец Хендрик Кастелейн, и рассказал всю свою историю. Всю семью эвакуировали на корабле на Амбон, остров к востоку от Явы, населенный в основном христианами, где имела голландская военная база.

В 1951 году, в четырнадцать лет, Хендрик получил возможность «репатриироваться» в Нидерланды, где никогда еще не был. Отказываться, конечно, не стал: тепло распрощался с Куоками – те собирались в Новую Гвинею – и, проплыв полмира, сошел с корабля в Роттердаме. Здесь его встретили волонтеры и отправили в Зеландию, в южную часть страны. Как круглый сирота, Хендрик стал воспитанником приюта при местной церкви. Поступил в ремесленное училище, обнаружил способности к черчению.

Два года спустя неудачное сочетание высоких приливов, низкого атмосферного давления и серьезного шторма вызвало подъем воды в Северном море. Прорвавшись через дамбы, море затопило берега Нидерландов, Англии и других стран, которым не повезло оказаться у него на пути. Наводнение погубило тысячи людей. В Нидерландах, больше всего пострадавших от потопа, эта катастрофа приобрела такое же историческое значение, как Одиннадцатое сентября для американцев. После нее была разработана обширная программа строительства новой инфраструктуры по борьбе с затоплениями. Однако Хендрик этого уже не видел: сразу после наводнения он переехал в Америку. Переезд согласилась оплатить Голландская реформистская церковь на южной окраине Чикаго. Хендрик нанялся чертежником на сталелитейный завод в соседнем штате, сразу за границей с Индианой. Устроившись в США, отправил в Тайвань телеграмму для Куоков; в должный срок телеграмма добралась до Новой Гвинеи, и год спустя Хендрик женился на Изабелле (Бел) Куок, в которую был влюблен с детских лет и все эти годы поддерживал с ней связь. Первым у них родился Виллем, дальше появились на свет еще трое.

Дом в пригороде, на ничейной земле между чикагским районом Саутсайд и промышленными кварталами вокруг электростанции в северо-западной Индиане, они устроили на американский манер, однако Виллем с детства говорил на двух языках – по-английски и по-голландски. Время от времени семья выбиралась на выходные в чикагский Чайнатаун, однако Бел не чувствовала себя там как дома – она говорила на другом диалекте. Впрочем, Виллем

рано узнал значение многих китайских иероглифов в их традиционной форме, так, как все еще пишут на Тайване.

Гражданство у него было и осталось двойным, американо-нидерландским. В старших классах он отправился в Нидерланды – сам думал, что всего на несколько месяцев. А вышло, что так там и остался. Двоюродная бабушка Александра и тетушка Мина, осевшие в Гааге, встретили его с любовью; а ему понравилось там, где никого не смущало его сложное происхождение. В Гааге он был просто «индо», каких здесь много. Мало того: здесь нашлась диаспора европеизированных китайцев, имевших много общего с Куоками – и общих знакомых, и деловые связи в Юго-Восточной Азии. Наконец, здесь было немало открытых геев, и вообще к геям относились проще, чем в Америке. Так что, приезжая после этого в США, он уже не «ехал домой» – он был нидерландцем, пересекающим океан, чтобы навестить заморских родственников. Окончив школу, поступил в университет, потом в аспирантуру в Оксфорде и получил степень по международным отношениям со специализацией на сложностях того мира, в котором Куоки жили и по сей день.

Так прошла первая половина жизни Виллема (или то, что он считал половиной в те времена, когда полагал, что после шестидесяти люди уже подводят итоги). Вернувшись в Нидерланды после короткой стажировки в Китае, он увлекся политикой и неожиданно для себя оказался избран в парламент. Был членом умеренно-правой партии, присутствующей почти во всех правительственных коалициях и исправно поставляющей Нидерландам министров. Еще через несколько лет был переизбран и занял пост, хоть и довольно скромный, в министерстве обороны. Так началась карьера, занявшая большую часть «второй половины жизни». Шли годы и десятилетия – а Виллем переизбирался и служил стране на различных постах, в основном связанных с обороной, разведкой и международными отношениями. Время от времени его упоминали как возможного будущего министра обороны или даже премьер-министра, но сам он не стремился к такой ответственности.

Должности, на которых служил Виллем, давали возможность много общаться с королевским домом: именно членам королевской семьи Виллем регулярно делал доклады. Так они узнали его и полюбили. Узнали и о том, как погиб Йоханнес Кастелейн, и о его последних словах. Кого считать истинным нидерландцем, если не человека с такой семейной историей? В то же время смешанное происхождение Виллема, детство, проведенное в США, и сексуальная ориентация делали его интересной фигурой – воплощением того духа современности, не отставать от которого стремился Оранский Дом. Так что когда «вторая половина жизни» подошла к концу, а Виллем оставался таким же здоровым, бодрым и энергичным, как в тридцать, и совершенно не чувствовал желания уйти на пенсию – он перешел на службу лично к королеве.

Арендуя пикап в Уэйко, Виллем думал: что за ирония судьбы, ну какой из него водитель пикапа! Даже сделал селфи за рулем и отправил друзьям. Но скоро понял: в этой части света лучше маскировки не сыскать. На белый пикап здесь никто не взглянет дважды.

Пошитые на заказ костюмы и полированные ботинки, которые Виллем взял с собой, погибли при крушении, так что он заглянул в секцию мужской одежды в «Уолмарте» и кое-чем здесь закупился. В такой одежде, за рулем такой машины можно было ехать по Восточному Техасу и Луизиане, не привлекая внимания, когда выходишь поесть, заправиться или заскочить в туалет.

Хендрик и Бел очень скоро открыли для себя Центральную Иллинойскую железную дорогу, позволяющую легко избегать суровых чикагских зим. Купив недорогие билеты, сев в поезд на вокзале Юнион-Стейшен в Чикаго, вздремнув, пока за окном проносятся заснеженные кукурузные поля Иллинойса, – на следующий день они высаживались в Дельте Миссисипи, почти что в тропиках.

Во времена индустриального бума до нефтяного кризиса 1974 года Хендрик взбирался по карьерной лестнице так же ловко и быстро, как когда-то лазил по деревьям в яванских концлагерях. И вкладывать деньги умел намного лучше тех, чье детство прошло беззаботно и счастливо. Супруги купили земельный участок неподалеку от Нового Орлеана, привели его в порядок (проще говоря, осушили болото), половину выгодно продали, а на второй половине вскоре после начала двадцать первого века поселились сами, выйдя на пенсию. Бел заболела деменцией; несколько лет назад она скончалась. Дженни, младшая из сестер Виллема, чей брак оказался неудачным, ушла от мужа, вернулась к родителям и ухаживала за матерью. Приезжали и уезжали заокеанские члены клана Куок, брали на себя разные домашние обязанности, в то же время используя дом в Луизиане как базу для своих американских деловых операций – операций, в которые Виллем не вникал, да и не стремился. Ему было важно одно: рядом с Хендриком всегда кто-то есть, за ним приглядывают и, если что, выручат из беды. Впрочем, его отец был не из тех, кто легко попадает в беду.

Дорога к дому вела теперь через квартал аккуратных коттеджей, выросший на той половине участка, которую Хендрик и Бел продали. Улица, делящая квартал надвое, в конце ряда домов вдруг поворачивала, становилась гравийной, а ветви деревьев смыкались над ней, образуя шатер темной зелени; под этим-то зеленым пологом, по камешкам, хрустящим под колесами, гость подъезжал к воротам, украшенным по обеим сторонам гербовыми львами. Ворота были не заперты. Виллем ощутил, что дорога пошла в гору, – и через пару секунд, когда пикап набрал необходимые несколько дюймов высоты, перед ним открылись клумбы пылающих на солнце оранжевых цинний. Традицию каждый год сажать циннии завела Бел. В Индонезии до войны голландские колонисты и преданные королеве «индо» выращивали эти цветы как символ национальной гордости. В Америке циннии ничего не значат – где только их не встретишь! Что означает оранжевый цвет, большинство здесь не в курсе; но Виллем, как никто, понимал его значение.

Дорога сделала крюк и остановилась перед старым двухэтажным домом: кое-где на нем виднелись следы дряхлости, но первый этаж мог похвастаться новенькими плитами из шлакоблока, защищающими от термитов. К дому пристроены крылья – одноэтажные: в последние годы отец редко поднимался наверх. Виллем остановился у флагштока, на котором развевался звездно-полосатый флаг, а чуть пониже и немного поменьше – голландский триколор. Прежде чем выйти из машины, он включил *PanScan* – одно из нескольких приложений, анонимно отслеживающих эпидемиологическую опасность, – чтобы проверить иммунологический статус, как свой, так и людей в доме. Виллем приехал издалека, и к опасности, что он занесет в дом какую-нибудь новую заразу, следовало отнестись серьезно.

Приложение вывело на экран миниатюрную карту дома и участка, отметив иконками находящихся там людей. Цвет иконки указывал на степень эпидемиологического риска. Выводы гласили, что Виллем может войти в дом без маски при условии, что не станет подходить близко к Хендрику. И если поднимется на второй этаж, маску придется надеть: там, во второй спальне слева, обитает кто-то из Куоков, раскрашенный почти такими же яркими цветами, как сам Виллем.

Согласно требованиям программы, через несколько минут Виллем и его отец сидели на расстоянии двух метров друг от друга в беседке на аккуратно подстриженной лужайке между домом и берегом речной протоки. Беседка была затянута сеткой – в наши дни без этого не обойтись. Сквозь сетку проникал легкий ветерок. Виллем позаботился о том, чтобы сесть от отца с подветренной стороны. На всякий случай Хендрик всегда держал под рукой трость, но несколько шагов легко мог пройти и без трости. Он опустил за каменный стол. Дженни принесла на подносе безалкогольные напитки. Хендрик поднял запотевший стакан зельтерской. Так же поступил и Виллем. Оба сделали вид, что чокаются.

– За королеву! – объявил Хендрик.

– За королеву.

Оба выпили. Разумеется, разговор велся по-голландски.

– Вот что она тебе прислала, – сказал Виллем и послал отцу через стол записку.

Хендрик неторопливо выудил из кармана и надел очки, затем развернул записку и начал читать с таким видом, словно ему в беседку каждый божий день приходят письма от царствующих особ из Европы.

– Она здесь, – заметил он наконец.

Об этом Хендрик догадался либо по дате, либо по каким-то деталям из текста.

– Да, мы прилетели вчера вместе.

– Тайная миссия? – Хендрик читал все нидерландские новости; об официальном визите королевы в Техас он узнал бы заблаговременно – и, разумеется, ждал бы ее в аэропорту, опираясь на верную трость, с букетом оранжевых цинний.

– Верно.

– Необычно.

– Времена нынче необычные, отец.

– А ураган?

– Совпадение. Неудачное – поломало все наши планы! Но зато у меня появился свободный день, чтобы приехать и повидаться с тобой.

Эту робкую попытку сменить тему Хендрик отбил, словно и не заметив.

– Если это никак не связано с ураганом, к чему говорить о «необычных временах», да еще и таким значительным тоном? Что еще у нас сейчас необычного?

Виллем смутился, не очень понимая, что отвечать.

Даже предварительные замечания типа: «Только никому не говори...» или «Имей в виду, это конфиденциальная информация...» вызвали бы у его отца взрыв негодования. И так понятно, что дело секретное! «Ты что, – сказал бы Хендрик, – думаешь, я из ума выжил?»

Отвернувшись от пристального взгляда отца, Виллем кивнул в сторону темных деревьев, затеняющих поток.

– Как ты думаешь, – спросил он негромко, – сколько пройдет времени, прежде чем все это скроется под водой?

Наступила тишина – если можно назвать тишиной пение птиц, жужжание цикад и неумолчное кваканье лягушек.

– Так вот о чем речь! – сказал наконец Хендрик с таким выражением, словно хотел добавить: «Наконец-то кто-то решил этим заняться!» – И что она собирается предпринять?

– Ты же понимаешь, папа, у нас конституционная монархия, так что она сильно ограничена...

– Только меня этой чушью не корми!

Виллем с трудом подавил желание по-подростковому закатить глаза.

– И тем не менее, папа, это так и есть. У нее нет никаких тайных суперсил помимо и сверх тех, что перечислены в Грондвете²³.

– Если так, зачем она нужна?

Разговор зашел в тупик. Уже не в первый раз. Виллем понимал, к чему все клонится. Если начать упираться, Хендрик сокрушит его сопротивление историей о деде и самурайском мече. Йоханнес оставался до конца верен *королеве* – не избранным представителям Генеральных Штатов и не статьям Грондвета.

И ведь не скажешь, что Хендрик – какой-то твердолобый консерватор. Точнее... хорошо, он твердолобый консерватор, но ведь в Нидерландах таких полно. Так что, может быть, этот

²³ Конституция (голл.).

разговор здесь и сейчас и к лучшему. Дома будет знать, что говорить значительной части электората.

Он кивнул в сторону деревьев, оплетенных диким плющом, растущих, казалось, прямо из воды.

– Все это скоро будет затоплено. Ты это знаешь.

– Разумеется. Может, у меня и нет ученой степени, но я в курсе, что такое парниковый эффект. А то, как поднимается вода, вижу своими глазами.

– И ты к этому готов? Если серьезно?

– Я готов пойти отлить, – проворчал Хендрик. – А ты пока поднимись-ка на чердак. Потом спустишься и расскажешь мне, что там увидел.

Виллем знал, что помогать отцу встать или подавать трость не нужно – он только разозлится. Поэтому оставил его на собственное усмотрение и вошел в дом первым. Пройдя через гостиную, с удовлетворением отметил, что она к наводнениям готова: на полу плитка, под ней бетон, здесь и там ковры, которые легко свернуть и убрать подальше от прибывающей воды. В холле и вдоль лестницы, ведущей на второй этаж, стену украшали обрамленные осколки памяти: фотографии, газетные вырезки, медали, засушенные цветы и так далее, все в строго роялистском духе. Важную часть работы королевы Фредерики и ее предшественников составляло чествование жертв войн и трагедий. Все голландцы, страдавшие в лагерях, все, у кого там погибли родственники, получали от королевы письма, медали и тому подобное. Останки погибших, если возможно, извлекали из неглубоких импровизированных могил, перевозили в Нидерланды и хоронили на кладбище, где по торжественным дням короли и королевы приносили над ними речи и возлагали венки. Организовывать такие мероприятия, следить за тем, чтобы все проходило гладко и никто не оказался забыт, входило в обязанности Виллема. Он не занимался всеми деталями лично, но руководил организацией. Эта рутинная работа текла день ото дня, как вода в канале, и немедленно забывалась. Поэтому видеть, что все эти рутинные моменты здесь запечатлены навеки и бережно хранятся в рамках под стеклом, было немного странно. Даже если – особенно если – их бережно хранит не кто иной, как твой отец. На некоторых пожелтевших газетных вырезках встречались неизбежные фотографии самого Виллема: в то время он был помоложе, прическа погуще, и позировал на ступенях того или другого дворца с членами королевской семьи или с кем-нибудь из кабинета министров. К этим фотографиям Виллем предпочел не присматриваться.

Он поднялся по лестнице, на первом этаже такой же бетонной, водо- и термитоустойчивой; выше бетон уступал место дереву. Хендрик, должно быть, поднимался сюда раз в год или еще реже. В спальнях теперь обитали младшие члены клана – кто-нибудь из них постоянно здесь гостил. В одной спальне лежало на столе забытое вышивание. В другой стены оклеены постерами со звездами кей-попа. Проходя мимо, Виллем чувствовал себя так, словно вторгается в жизнь и дела каких-то дальних малознакомых родственников.

PanScan напомнил, что пора надеть стандартную маску N-95. Так Виллем и сделал. Приложение показывало, что эпидемиологический риск исходит от человека во второй спальне слева. Виллема разобрало любопытство. Кто здесь такой же путешественник, как он сам? Он пересек холл и заглянул в открытую дверь.

Его появление не стало сюрпризом для девушки, сидящей за столом – точнее, за дверью, положенной плашмя на верстак. Она тоже видела его прибытие и заранее надела маску. Теперь встала и изобразила что-то вроде легкого поклона.

– Дядя Виллем! – воскликнула она по-голландски. – Как я рада вас видеть! Извините за... – и жестом указала на маску.

Виллем смутился, сообразив, что должен был ее узнать. Кто эта юная леди? Голландский для нее явно не родной, но чувствуется, что она его старательно учила. Акцент – что-то среднее

между английским и китайским. Комната украшена картами Юго-Восточной Азии и факсом – первым работающим факсом, встретившимся Виллему, наверное, за последние двадцать лет.

– Как вы изменились! – проговорил он по-английски, надеясь выиграть время. Кто же она все-таки такая? – Боюсь, из-за этой маски...

– Беатрикс, – представилась она. – Беатрикс Куок. Внучатая племянница вашей матери Бел. Значит, вам я прихожусь...

Она протянула ему руки, улыбаясь глазами. В наши дни молодежь отлично научилась выражать эмоции, не снимая масок.

– Видимо, вы моя троюродная внучка, – предположил Виллем. – Или что-то в этом роде.

– Очень рада! – повторила Беатрикс. – Мы с вами познакомились на встрече семьи после того, как умерла ваша матушка. Но, должно быть, я вам тогда показалась просто одной из сотни шумных детей.

В комнате сразу бросалась в глаза огромная карта на стене, изображающая западную половину Новой Гвинеи. У этой территории спорно все, даже имя. «Новая Гвинея» – можно ли представить более колониальное название? Европейцы называют восточно-азиатскую колонию в честь еще одной колонии, африканской! Индонезия предпочитает название Ирьян Джая. Для людей, которые там живут, их страна – Папуа. И Беатрикс точно из тех, кто говорит «Папуа»! Она даже название страны сверху карты заклеила бумажной полоской, чтобы не привлекать к нему ненужного внимания во время звонков по зуму. Карта подробная и очень красивая; топография и высота над уровнем моря показаны оттенками цветов и густотой теней. Более всего заметен на ней горный хребет острова, тянувшийся с востока на запад. К югу стекают реки, бегут по изумрудным долинам к неглубокому морю, отделяющему этот остров от северного побережья Австралии. Кое-где к карте приклеены желтые листки с нарисованными на них разноцветными стрелками. Указывают в основном на одну речную долину – и больше всего их примерно посередине между морем и вершиной горы.

– Что слышно из Туабы? – спросил Виллем, кивнув в сторону карты.

– Дядюшка Эд сейчас там. Политика – полный кошмар, но бизнес идет неплохо. Знаете, там главное – не высовываться. Ну а люди помоложе в основном... я бы сказала, они как я.

– Ищут новые возможности за пределами Папуа?

– Ну да. По большей части на Тайване или в Озе. Я в июне закончила юридический, теперь у меня свободный год. Займусь... я бы сказала, займусь активизмом.

– Господи, неужели я такой старый?! – рассмеявшись, воскликнул Виллем. – Мои поздравления! А где вы учились?

– В Ю-Ти²⁴. – Беатрикс, кажется, смутилась оттого, что нечаянно напомнила Виллему о его возрасте.

– В Остине?

– Да.

Снова неловкая пауза. Можно было бы завести долгий разговор, но Хендрик ждет. И компьютер Беатрикс тихонько попискивает и позвякивает уведомлениями.

– Хочу дать вам визитку человека из Нидерландов, с которым я работаю, – сказала наконец Беатрикс. Виллему показалось, что она не сразу на это решилась и что это решение важно для нее. – Просто на случай, если захотите... ну, не знаю... выпить с ней кофе или что-нибудь такое. Она в Гааге.

Перебрав бумаги на столе, Беатрикс отыскала там папку с документами, к которой была пришпилена визитка, сняла ее и отдала Виллему.

– А, я о ней слышал! Разумеется. И об ее организации, – заметил Виллем.

²⁴ Техасский университет в Остине.

Идиль Варсаве, нидерландка сомалийского происхождения, дочь беженцев, неустанно боролась за соблюдение прав человека в бывших колониях. Она возглавляла некоммерческую организацию, существующую на щедрые пожертвования крупных компаний.

Виллем взглянул на Беатрикс. Из-за маски трудно было понять выражение ее лица; но смотрела она пристально, даже с тревогой. Не терпится узнать, какотреагирует дядя Виллем на сообщение, что она – соратница Идиль Варсаве. Ведь политика – дело тонкое. В спорах об иммиграции чернокожая Идиль, разумеется, всегда на стороне иммигрантов. А вот Хендрик – который сейчас в беседке ждет возвращения Виллема – считает, что чем меньше этих приезжих оседает в Нидерландах, тем лучше.

Однако этот вопрос глубже привычного противостояния правых и левых. Идиль не поддерживает бывшие колонии во всем – напротив, бесстрашно борется с нарушениями прав человека со стороны их нынешних властей. После выступления против «женского обрезания» в Восточной Африке полиции пришлось обеспечить ей круглосуточную защиту – разъяренные традиционалисты угрожали ей расправой. Она понимает, о чем идет речь, куда лучше западных левых теоретиков, мечтающих деколонизировать все и вся.

– Хорошее дело, – сказал Виллем. – Семья может вами гордиться.

Беатрикс просияла – это было заметно даже под маской.

– Приезжайте в Нидерланды, – пригласил он. – Поужинаем вместе, поговорим о Папуа.

– С удовольствием, дядя Виллем!

Виллем вернулся в холл и отыскал место, где с потолка свисала длинная цепь, другим концом закрепленная на дверце люка. Взялся за нее и дернул, почти ожидая, что сейчас на голову обрушится куча пыли и мышинного дерьма. Но на чердаке было чисто. Классическая голландская чистота. Опустилась складная алюминиевая лестница. Автоматически зажегся свет, явив взору стропила и фанерную обшивку с внутренней стороны крыши. Виллем поднялся наверх. Кондиционеров на чердаке, разумеется, не было; перепад температуры он ощутил, едва просунув голову в люк. Примерно половину чердака занимали прочно запечатанные от воды и от насекомых полиэтиленовые мешки: сквозь молочно-белый полиэтилен смутно виднелась одежда и старые документы. Но справа от люка чердак был почти пуст. Здесь Виллем увидел пятигаллоновую пластмассовую упаковку питьевой воды, ящик армейских галет, небольшой оружейный сейф, в котором, видимо, хранился револьвер, аптечку первой помощи и топор. Не какой-нибудь дедовский топор, покрытый ржавчиной, с вытертым до блеска деревянным топорщиком, – новехонький, словно десять минут назад принесенный из хозяйственного магазина, со всех сторон оклеенный предупреждениями и дисклеймерами, с ярко-оранжевой (разумеется, какой же еще?) рукоятью.

– Ты хотел показать мне топор? – спросил Виллем, вернувшись с этой маленькой экскурсии.

Хендрик уже сделал свои дела в уборной и теперь убивал время, просматривая с телефона футбол где-то в Нидерландах.

Недовольно покачав головой на то, что творилось на экране, он отложил телефон и кивнул.

– Я никогда об этом не рассказывал. Знал, что это расстроит Бел. Но *Watersnoodramp*²⁵ (под этим он подразумевал страшное наводнение 1953 года) пришло ночью, и, когда мы поняли, что происходит, вода была уже на первом этаже. Так что мы, разумеется, остались на втором.

– Разумеется.

²⁵ Буквально «водное бедствие» (голл.).

– В такой ситуации ждешь, что либо вода схлынет, либо появится кто-то и тебя спасет... или просто ни о чем не думаешь. Но вода все прибывала. Скоро нам пришлось забраться на кровати. Потом на шкафы. Наконец, по грудь в воде, мы добрались до лестницы на чердак и залезли туда, думая, что там-то будем в безопасности. Но скоро поняли, как страшно ошиблись. На чердаке было опаснее, чем где-либо еще, – ведь с него не было выхода. Ни окон, ни люка на крышу. Когда начало заливать чердак, мы поняли, что сами себя загнали в ловушку. А вода все прибывала...

– Ты прав, маме этого рассказывать не стоило, – пожившись, заметил Виллем.

– Я прыгнул, – рассказывал Хендрик. – Стащил с себя пижаму, нырнул в эту ледяную воду, наощупь доплыл до окна, разбил его, выбрался из дома и вынырнул уже снаружи. Только тогда наконец-то смог набрать воздуха в грудь.

Он закатал рукав и показал шрам на руке. Разумеется, шрам этот был всегда, Виллем помнил его с раннего детства – но на вопросы о нем отец всегда отвечал уклончивыми отговорками о бурной юности.

– Дальше мне удалось взобраться на крышу, отодрать в одном месте черепицу и проделать дыру. Оказалось, это было уже ни к чему – на этом вода остановилась; но... – он пожал плечами, – Александре и Мине важно было знать, что я здесь. А мне было важно что-то делать.

– Поэтому ты держишь на чердаке топор?

– Да. Кстати, не такая уж оригинальная мысль. Многие в этих краях так делают. Особенно после «Катрины».

Виллем привык, что самые важные уроки отец предпочитает преподавать обиняками – и часто без помощи слов. С родительскими поучениями легко спорить, особенно когда сын лучше отца говорит по-английски и вообще умен не по годам. Но как поспоришь с топором на чердаке?

– Ясно, – покладисто сказал Виллем. – Значит, к угрозе наводнения ты относишься серьезно.

– А как можно относиться несерьезно?! – негодуяще пропыхтел Хендрик. Опасаясь, что отец снова углубится в воспоминания о *Watersnoodramp*, Виллем энергично закивал и протянул руки ладонями вверх, как бы говоря: «Сдаюсь, сдаюсь!» – Вопрос в том, что нам с этим делать.

– С глобальным потеплением? Нам – это человечеству? Цивилизации?

– Ну да, ну да! Понимаю. Это слишком расплывчато. Размывает ответственность. Сразу начинается политика, черт бы ее драл...

– Поставим вопрос так, – прервал его негодование Виллем. – Что могут сделать *нидерландцы с подъемом уровня моря*? Так все становится конкретнее и понятнее, верно? Вместо всего мира, ООН и так далее – речь об одной стране. Вместо парниковых газов, изменений климата и прочих глобальных тем мы говорим об одной проблеме, ясной и конкретной: подъеме уровня моря. – Виллем кивнул в сторону воды. – С этим спорить невозможно. И для нас, очевидно, это вопрос жизни и смерти. Либо мы решим проблему, либо наша страна прекратит свое существование. Все ясно как день.

– Нет такого ясного вопроса, который политики не смогут запутать! – проворчал Хендрик.

– Если уж на то пошло, я не на политика работаю.

– Но ты только что прочел мне лекцию о том, как ограничена ее власть! Грондвет и все такое.

– А ты, отец, в ответ дал мне понять, что у монарха имеются и неполитические способы вдохновить и повести за собой народ.

Оба на секунду замолчали, думая об одном: об ослепленном Йоханнесе, стоящем на коленях, и свисте самурайского меча над его головой.

– Вопрос, который стоит сейчас перед нами, – снова заговорил Виллем, – в том, действительно ли настал момент, когда королева должна возглавить свой народ и спасти его от смертельной опасности – разумеется, не нарушая Конституцию.

– Хороший вопрос, чего уж там, – задумчиво помолчав, сказал Хендрик. – Но почему вы ищите ответ в Техасе?

– Тоже хороший вопрос, – ответил Виллем. – Вот ответ: в Хьюстоне живет человек, которому хватило сообразительности несколько лет назад спрятать на мировом чердаке топор. Мы здесь, чтобы выяснить, не пора этим топором воспользоваться.

Дельта Миссисипи

Предполагалось, что Виллем присоединится к остальным в окрестностях Хьюстона. Для этого можно было свернуть напрямик на Десятую магистраль и проехать триста пятьдесят миль на запад. Но оказавшись так близко от Нового Орлеана, Виллем просто не мог туда не заглянуть. Его первый большой город. Не Чикаго – от Чикаго их семья жила слишком далеко, он был огромным, холодным и неприветливым. Зато на каникулах в Луизиане, где юный Виллем умирал от скуки, он быстро выяснил, какой транспорт ходит в Новый Орлеан, где располагается Французский квартал, и особенно – как найти во Французском квартале старинный и почтенный район ночных заведений. Первые опыты Виллема в этой сфере были довольно скромны – однако позже, знакомясь с ночной жизнью Амстердама, он уже чувствовал себя уверенно и ничего не опасался.

Позднее, уже взрослым, Виллем познакомился со многими здешними уроженцами. Очень разными людьми: теми, кого встречал на конференциях, где жители низин с тревогой обсуждали подъем уровня моря. Они удивятся, если личный помощник королевы Нидерландов явится к ним без предупреждения. Однако сейчас у него было идеальное алиби: навещал отца, решил заглянуть на обратном пути. Так что, выехав за ворота, он притормозил и отправил сообщение Хью Сент-Винсенту, исследователю из Университета Тулейн: мол, он сейчас здесь, просит прощения, что не предупредил заранее, хочет узнать, нет ли у них чего-нибудь новенького, на что стоит взглянуть. Хью, разумеется, поймет, что Виллем спрашивает не о новых кафе и не о том, где послушать джаз.

Затем Виллем направился в сторону Нового Орлеана. На магистраль съезжать не стал, предпочтя старую двухколейку. Вокруг расстилалась плоская равнина – плоская по американским меркам, не по нидерландским. Вдоль дороги – все как обычно в Америке: рестораны, магазины, стоянки, заправки, автомастерские пополам с лесом, подступающим к самому шоссе. На карте местность выглядела как губка – вода подступила к дороге практически вплотную: но, если этого не знать, земля вокруг казалась обычной, сухой, с буйной растительностью и множеством деревьев. Опытный глаз Виллема подметил, что дорожное полотно приподнято на пару футов над землей вокруг.

В нескольких милях от Нового Орлеана он свернул к водосбросу Бонне-Карре: выглядит довольно невзрачно, но для туриста, интересующегося изменениями климата, интереснее зрелища не найти. Все дороги, железные и автомобильные, сходятся здесь на перешейке толщиной в пять миль, отделяющем левый берег Миссисипи от озера Поншартрен. Наискосок через перешеек два водоема соединяет канал шириной в милю. Точнее сказать, может соединять, когда он открыт. Водосброс в этом месте сооружен еще сто лет назад. Это частокол из семи тысяч массивных брусьев, установленных вертикально в раме из стали и бетона, надежно встроенной в речной берег. С одной стороны от частокола течет Миссисипи; с другой находится то, что может сойти за сухую землю, – полоска болотистой почвы отсюда до озера, исполосованная водоотводами, испещренная озерцами и канавами, между которыми проходят приподнятые над уровнем земли дороги для поездов и автомобилей.

Совокупное давление воды Миссисипи на исполинский частокол должно быть огромным, но давление на каждый брус в отдельности – а каждый из них размером с железнодорожную шпалу – довольно скромно. Каждый брус можно поднять: тогда образуется щель, в которую хлынет вода. По верхней кромке бетонной рамы движутся по рельсам краны: поднимая и опускающая брусья, они регулируют объем воды, сливаемой из реки в канал и затем в озеро Поншартрен, у которого имеется собственный выход в Мексиканский залив.

Сооружение построено после страшного наводнения 1927 года, которому посвящен знаменитый блюз «Когда рухнет плотина». Водосброс был задуман как предохранительный кла-

пан: предполагалось, что открываться он будет лишь в редких случаях крайней нужды, когда проливные дожди в верховьях Миссисипи – иначе говоря, на всем ее протяжении от Скалистых гор до Аллегени – создадут угрозу, что река выйдет из берегов, прорвет плотины и затопит Новый Орлеан. Несколько раз за прошедшие девяносто лет водосброс использовался именно так. Но в 2019 году, из-за дождливой зимы, в первый раз пришлось продержаться его открытым четыре месяца. В дальнейшем бывали годы и получше; но 2019-й задал новый тренд, и теперь водосброс чаще стоял частично открытым, чем закрытым.

Несмотря на огромные размеры водосброса Бонне-Карре, можно проехать прямо над ним и не заметить. Нет, разумеется, вы увидите, что едете по плотине и внизу вода. Но вокруг вообще много воды.

По объему воды Миссисипи равняется приблизительно семи Рейнам. А этот водосброс, когда он полностью открыт, отводит в озеро два с половиной Рейна.

Там, откуда прилетел Виллем, Рейн считается великой рекой. На ней одной держится треть экономики Нидерландов. В сущности, вся страна выстроена вокруг Рейна. А здешний народ спокойно гоняет на пикапах по водосбросу, временно отводящему в соседнее озеро *два с половиной Рейна из семи!* Один из тех безумных американских рекордов, что когда-то делали США в глазах мира всемогущей супердержавой, а теперь превращают в кита, выброшенного на песок.

Виллем съехал с шоссе на подъездную дорогу, ведущую к водосбросу, чтобы, остановившись, проверить мессенджер и полюбоваться кранами, что плавно скользят по рельсам, поднимая и опуская огромные брусья. Год выдался дождливый. И сейчас ураган, принесший с собой ливни и грозы, превратил Миссисипи в свирепую бурлящий поток, так что водосброс был полностью открыт. Несколько рабочих бросили на Виллема любопытные взгляды – но и только: в этой части света белый пикап служил отличной маскировкой.

Хью уехал в отпуск куда-то, где было посуше и попрохладнее, поэтому переадресовал Виллема к доктору Маргарет Паркер, коллеге с того же факультета в Тулейне, которая согласилась выпить с ним кофе. Десять лет назад они бы встретились прямо в кампусе; но в пандемию ее рабочее место сократили и потом так и не восстановили, так что работала она из дома. Решили посидеть во Французском квартале: для обоих самый удобный вариант. Маргарет знала одно симпатичное место на втором этаже, с открытой галереей и видом на реку.

Водосброс Бонне-Карре, оставшийся теперь в зеркале заднего вида, представлял собой одно из звеньев Стены, или HSDRSS (*Hurricane and Storm Damage Risk Reduction System* – Системы по снижению риска ущерба от штормов и ураганов): системы защитных укреплений, для глаз неспециалиста почти невидимых, оберегающих Новый Орлеан и его окрестности от наводнений. В его создании участвовали специалисты из разных стран, в том числе из Нидерландов: именно так Виллем познакомился с Хью и его здешними коллегами.

Перебравшись через Стену в районе Бонне-Карре, больше никаких укреплений он не увидел, хотя проехал уже миль двадцать в сторону центра города по дороге, которая ближе к центру получает название Тулейн-стрит. За окнами пикапа вообще ничего интересного не видно: стандартный американский пригородный пейзаж. Постепенно дома становились выше, магазины и заправки встречались все реже. Вот он и в кампусе Университета Тулейн: это уже центр. Проехав через кампус, оказался в той части Нового Орлеана, что вполне отвечает стандартным представлениям о центре большого города: отели-небоскребы, конференц-центр, стадион, казино, на реке – порт с прогулочными судами. Виллем постарался проехать через центр побыстрее, однако успел заметить множество палаток, фургонов и машин, на вид вполне обитаемых, а также обилие секьюрити у дверей и въездов на парковки.

Вот он и в старой части города. «Автопилот» подвез его к кварталу кафе и ресторанов, здесь вежливо предложил выйти и пройти пешком. Виллем открыл дверь и шагнул на трех-

сотлетнюю булыжную мостовую. Пикап отъехал с максимально возможной скоростью, для этих мест составляющей немногим быстрее пешего шага. Дальше он припаркуется, если найдет свободное место, а если не найдет – будет наматывать круги вокруг квартала.

Маргарет прислала ему номер зарезервированного столика, так что едва Виллем поднялся на крыльцо, хостес распахнула перед ним дверь, подхватила со стойки меню и повела его по шаткой старинной лесенке и узкому коридору в открытую галерею наверху. Должно быть, когда это кафе только открыли, галерея выходила на Миссисипи. Виллем догадывался, что заведению больше двухсот лет – быть может, построено еще до Революции. В наше время вид из окна загромождали другие здания, припортовые сооружения и конструктивные элементы Стены. Но и теперь, заняв место на приподнятой платформе под большим зонтом, Виллем видел, как вдали, блестя под ярким солнцем, медленно несет свои коричневые воды река. К добру или к худу, теперь он ощущал, чем пахнет Французский квартал в жаркий летний день после урагана. Ему потребовалась целая минута, чтобы осознать и переварить все это многоцветье запахов. Не что-то увиденное или услышанное, а именно ароматы вернули его в прошлое, когда он, шестнадцатилетний паренек, робко топтался на пороге бара и гадал, что произойдет, если он осмелится войти... Таким – погруженным в прошлое, с затуманенным взглядом и слезами на глазах – застала его Маргарет и не сразу решилась побеспокоить.

С полчаса они сидели на галерее и болтали. Ничего серьезного, просто отдых. Виллем рассказал свою «легенду»: приехал навестить отца, едва разминувшись с ураганом, хочет посмотреть, как отражаются на Дельте изменения климата. Маргарет не стала ходить вокруг да около.

– У нас есть то, чего нет у вас, – заметила она: под «нами» здесь имелась в виду Дельта, под «вами» – Нидерланды. – Река, если ей не мешать, постоянно наносит землю. Выключить течение воды мы не можем, но можем направлять в разные стороны. Когда нужна земля, приходится привозить грунт и выкладывать там, где он нужен. За и против: вам приходится за это платить...

– Но новые земельные участки появляются именно там, где мы планировали, – вставил Виллем.

– А у нас это скорее, как... вам случалось видеть, что происходит, когда пожарный при тушении выпускает из рук работающий шланг?

– Не случалось, – признался Виллем, – но могу себе представить.

– Хаотическое поведение. Шланг швыряет туда-сюда, словно разъяренную змею. Выключить его не удастся. Вот так же и Миссисипи между Новым Орлеаном и Заливом. Долгое время мы просто старались удерживать ее между плотинами. Плотины приходилось строить все выше и выше. Это вы сами увидите. Прорваться сквозь плотины река не могла, в результате несла с собой все больше ила, он скапливался на дне близ устья, и устье уходило все дальше в Залив. А уровень воды в Заливе тем временем поднимался – и море начало атаковать Дельту с флангов. Возникла огромная экосистема болот с соленой водой и целая индустрия вокруг нее: устрицы, креветки, морские рыбы. Но пришло время все это изменить. Так что мы создали два больших водосброса. Думаю, вы захотите на них взглянуть. А вот для вас подарок...

Одарив Виллема загадочной улыбкой, Маргарет залезла в свою сумку и достала оттуда блестящую скатанную ткань. Встряхнула, развернула – и глазам Виллема предстал ярко-зеленый светоотражающий жилет, какие носят дорожные рабочие.

– Не беспокойтесь, он был в химчистке. – Она бросила жилет Виллему через стол, и тот его поймал.

– А кто или что такое ERDD? – поинтересовался он, прочтя буквы поперек спины у этого одеяния.

– *Ecological Restoration of Delta Distributaries* – «Экологическое восстановление притоков дельты», – пояснила она. – Название краудфандингового проекта, в котором я некоторое время работала. Теперь он закрылся. Впрочем, неважно. К югу отсюда все равно никто не умеет

читать. – (Это был сарказм.) – В таком жилете можете ходить куда угодно – все будут думать, что вы официальное лицо.

– И машина у меня подходящая, – заметил Виллем. – Типичный для этих мест белый пикап.

– О, на белом пикапе и в этом жилете вас пустят куда угодно!

– Спасибо вам.

– Всегда пожалуйста. Итак. Вам стоит посмотреть два новых отводных канала. Один начинается от левого берега, в Уиллс-Пойнт, милях в тридцати к югу отсюда, второй – от правого берега еще миль на пять дальше. В каналах течет пресная вода, несет с собой ил, оставляет его у входа в Залив – и так возвращает хотя бы часть земли, которую Залив пытается у нас отъесть. Вода, конечно, нечистая – вы же помните, откуда она. – Здесь Маргарет широким жестом указала на север, словно обводя рукой весь бассейн Миссисипи-Миссури-Огайо, вплоть до Канады. – И поскольку она пресная, она убивает экосистему, характерную для соленых болот. Когда ехали сюда, видели бездомных? Многие из них десять лет назад неплохо зарабатывали на устрицах.

Виллем взглянул на соседний квартал небоскребов, вокруг которого расплзалось по земле бесформенное облако фургонов и палаток.

– Вы правы, – сказал он, – нам такой выбор делать не приходится. Конечно, с рыбными промыслами сейчас проблемы во всех странах. Но мы, строя береговые защитные сооружения, не отнимаем у людей источники дохода – наоборот, создаем новые рабочие места.

– В любом случае долго ли это может продолжаться? – спросила она. – Сколько можно громоздить плотину на плотину, прежде чем все рухнет?

И улыбнулась. Разумеется, Маргарет знала ответ: по этой дисциплине у нее была ученая степень. Улыбнулся и Виллем, показывая, что понял шутку.

– Сколько захотим, – ответил он. – Не само повышение уровня моря не дает нам спать по ночам. Это не так страшно – страшны бури. Какая-нибудь шальная волна ломает защитное сооружение или проделывает в нем дыру... океан рвется в пробоину быстрее, чем мы успеваем откачивать воду...

– Все как в пятьдесят третьем, – кивнула она. А потом спросила: – Что здесь смешного?

– Не далее как два часа назад о пятьдесят третьем рассказывал мне отец. Вы, он и я, возможно, единственные люди в Луизиане, знающие, о чем речь.

– Он был там и выжил?

– И с тех пор держит на чердаке топор.

– Как и все мы, – без улыбки ответила Маргарет.

Из Нового Орлеана Виллем поехал на юг. Срезал путь там, где Миссисипи делает длинную петлю в восточном направлении, и снова встретился с рекой несколько миль спустя. Если верить карте, дальше дорога шла бок о бок с руслом. Река и находилась всего в нескольких метрах, но Виллем ее не видел: вдоль размокшей грунтовой дороги шла земляная насыпь в два-три человеческих роста.

В одном месте ему встретилась башня нефтяного резервуара. Из-за изгиба шоссе казалось, что она выплывает навстречу, словно огромный корабль. С гордостью патриота Виллем вспомнил, что в Нидерландах такое – не всегда иллюзия: там порой каналы текут поверх дорог, по «мостам», представляющим собой бетонные трубы, заполненные водой, – и не редкость увидеть, как у тебя над головой проплывает корабль. И все же Виллем не удержался от стандартной реакции туриста. Съехал на обочину, вышел из машины (и немедленно об этом пожалел, увязнув в раскисшей грязи). Не дождевая вода, а воды Миссисипи сочились сквозь насыщенную влагой землю насыпи, повинаясь тому же гидростатическому давлению, что поднимало нефть на вершину башни высоко у него над головой.

Виллем вскарабкался на насыпь: здесь было посуше, хоть она и возвышалась сейчас над поверхностью реки не более чем на полметра. Отсюда видна была река во всю свою ширь – около километра. Впрочем, большую часть вида загораживал резервуар. В нем громко урчала жидкость, направляясь к невидимому снаружи очистительному комплексу.

И все это находилось в границах прибрежного города, словно прильнувшего к реке. Жилые дома редели, порой исчезали совсем, затем снова появлялись, но нигде местность не становилась совсем пустынной. Повсюду здесь жили люди – люди, которые сотню раз на дню видели башню, закрывающую небо, и ничего особенного в ней не замечали. Зато как, должно быть, изумил бы их иностранец, который остановился на обочине и залез на насыпь полюбоваться видом!

Он снова сел в машину, поехал дальше и через несколько минут добрался до отводного канала. Приречное шоссе перемахивало его по новенькому мосту. Вместо того чтобы ехать через мост, Виллем свернул на проселок, идущий параллельно каналу. Первые миль десять проселок петлял среди густых лесов, обходя встречные деревушки. Судя по ржавым дорожным знакам с пулевыми отверстиями, здесь давно уже никто не жил. Затем дорога изменилась – стала явно ухоженнее, через некоторое время земля сменилась гравием и появились знаки, возвещающие, что дальше проезд запрещен.

Канал – искусственная постройка, насчитывающая всего несколько лет, – представлял собой альтернативный маршрут к Заливу для вод Миссисипи. Направлялся он к тем районам Плакеминс-Пэриш, что на старых картах обозначались как суша, но в действительности давно ушли под воду и исчезли из картографических баз. Инженеры-гидрологи спроектировали канал так, чтобы в своем течении он захватывал как можно больше ила и нес до самого конца, а затем оставлял на отмелях, ранее всецело принадлежавших морю, теперь же омываемых пресной речной водой. В результате штат получал новую землю – ценой гибели всей морской флоры и фауны, обитавшей на этих отмелях. Стоила ли овчинка выделки? Виллем радовался, что не ему пришлось отвечать на этот вопрос.

Он припарковался на открытой гравийной площадке в конце дороги. И здесь его машина совсем не выделялась среди прочих – разве что здешние пикапы были постарше и выглядели более потрепанными, чем его арендованный. На краю парковки выстроился в ряд десятков автобусов. Судя по надписям на бортах, лет десять назад они использовались для туристических экскурсий по штату; теперь же в них перевозили рабочих, и об их состоянии никто особенно не заботился. Напротив – десяток передвижных туалетов. Пластмассовые столики под навесами, на каждом флакон санитайзера и рулон бумажных полотенец. Рабочий день, как видно, был в разгаре, так что Виллем почти никого здесь не встретил. Только за одним столиком собрались четверо водителей автобусов, парили вейпы и играли в домино. Да несколько официантов протирали столы, брызгая на них инсектицидом.

Маргарет все ему объяснила: куда ехать, на что смотреть, кем представляться. Виллем натянул светоотражающий жилет и шлем от геокостюма, опустил солнечный козырек и включил охлаждение на такую мощность, чтобы прохладный ветерок дул в лицо. Перебросил через плечо сумку с водой и зашагал в сторону неразличимого отсюда берега Мексиканского залива.

За парковкой дорога терялась. Ряды пикапов сменились фургонами, фургоны – глиссер-ами, а глиссеры – моторками. Деревья расступились и открыли вид на Залив. К этому времени Виллем был уже по колено в грязи; ботинки, купленные в «Уолмарте», погибли безвозвратно. Здесь и там, вдоль невидимой линии отлива, стояли на якоре баржи, груженные растениями: на одних – крохотные ростки, уместающиеся в руке, на других – целые деревья или как минимум молодые деревца. Рабочие по колено в воде, присев, сажали эти деревья. Виллем знал: экологи выбрали виды, способные отфильтровывать из потока ил и задерживать его своими корнями так, чтобы со временем он сформировал если не твердую землю, то хотя бы плотную грязь,

которую однажды можно будет осушить. Грязь обернется землей, а деревья, пустившие в ней корни, станут стеной, защищающей новый берег от волн и штормов.

Час спустя, вернувшись на парковку, Виллем обнаружил, что его ждет чай, любезно предложенный представителем Китайской Народной Республики.

Пожалуй, он ждал чего-то подобного – только не знал, когда и где это произойдет. Китаец появился сегодня в арендованном трейлере, припаркованном рядом с его пикапом. Навес, прицепленный к фургону сбоку, создавал между двумя машинами тенистый уголок. Складной стол и два стула дополняли скудный интерьер. На одном стуле уже сидел, уткнувшись в планшет, неприметный с виду китайский чиновник средних лет; время от времени он поднимал планшет и что-то фотографировал. По случаю жары китаец решил снять пиджак и ослабить галстук, однако не расстегивал запонки и не закатывал рукава – он ведь все-таки на работе. Когда Виллем подошел ближе, китаец вежливо поднялся, поздоровался с ним на мандаринском диалекте и отвесил что-то вроде поклона – с эпидемиологической точки зрения такое приветствие куда безопаснее рукопожатия. Затем указал на свободный стул и жестом подозвал своих помощников, сидевших в трейлере. Судя по доносящемуся оттуда полифоническому гудению и урчанию, там имелся и переносной генератор, и кондиционер. Разумеется, у такого человека не может не быть помощников: нельзя же, боже упаси, чтобы его увидели за какой-нибудь ручной работой! Помощники приготовили чай и накрыли на стол, все в полном соответствии с этикетом, принятым в Китае с незапамятных времен и известным Виллему назубок.

– Бо, – представился китаец, затем продолжил по-английски: – Верите или нет, но это моя настоящая фамилия. Когда я в первый раз приехал на Запад, мне посоветовали подобрать себе какое-нибудь английское имя и им представляться. Ну, знаете: Том, Дик, Гарри... – Он выразительно пожал плечами, без слов показывая, как относится к затее сойти за европейца. – Я подумал: может, Боб? А потом приехал на Юг – а тут, оказывается, действительно есть имя Бо!

– В-Е-А-U? – произнес по буквам Виллем. – Как пишется у каджунов?

– Думал и об этом. Но за пределами Луизианы это вызывало бы панику. На всем остальном Юге пишут просто «В-О».

– Диддли, – подумав, добавил Виллем.

– Шембехлер. Джексон²⁶. В общем, Бо. А вы, я знаю, Виллем. Ваш отец – Энг Куок. А у вас есть китайское имя?

– Скорее нет. – Бел придумывала ему ласковые прозвища на фучжоу, но в нынешнем контексте они прозвучали бы совсем неуместно.

– Значит, Виллем.

Бо не стал подвергать сомнению интеллект собеседника, объясняя, как китайцы узнали, где его искать. Об этом Виллем и сам может подумать на досуге. Скорее всего, один из следующих вариантов – или какое-то их сочетание:

А) Запустили вирус в его *PanScan*, теоретически защищенный от взлома, но на практике славящийся дырами в системе безопасности.

Б) Следили за Беатрикс, а она кому-то проговорила.

В) У Маргарет нашелся коллега или студент-китаец, узнавший, с кем она встречается...

...А может быть, и что-то куда более сложное, какое-нибудь прозрение искусственного интеллекта, недоступное человеческому разуму. Но суть ясна: китайские власти знают, что он в Луизиане, решили дать ему понять, что знают, а теперь хотят вежливо и аккуратно прощупать почву.

²⁶ Бо Диддли – певец и гитарист, один из отцов рок-н-ролла; Бо Шембехлер – известный игрок в американский футбол; Бо Джексон – знаменитый бейсболист.

Хоть в адрес Виллема порой и высказывались такие подозрения, на самом деле он не был ни в коей мере «прокитайским», даже не испытывал ни малейшего китайского влияния. Однако китайцы решили вступить в контакт именно с ним. Должно быть, хотят напомнить, что готовы сотрудничать. Разумеется, об этом разговоре он составит подробный отчет, письменный и устный. Бо тоже это понимает. Можно было бы попросить у него визитку, выяснить официальную должность и «легенду», но Виллем не чувствовал в себе сил заниматься этой ерундой. Ясно, что парень работает на китайскую разведку, скорее всего, под прикрытием новоорлеанского консульства. Но на визитках о таком не пишут.

Нижнюю часть лица Бо скрывала маска из тончайшей голубой бумаги. Таким же скупым и точным движением, каким наливал себе чай, он снял маску с одного уха, оставив висеть на другом. Иначе было бы сложно пить. *PanScan* распознавал Бо как призрака, неясную тень. Его нейронные сети различали объект, имеющий вид и форму человека, но вся прочая информация оставалась недоступна.

Виллем со вздохом снял шлем. Повел плечами, сбрасывая жилет. Бо едва заметно мигнул кому-то из помощников – и тот поспешил на помощь, словно Виллем был герцогиней в холле оперного театра, с которой требовалось снять норковую шубу. Возникла из воздуха вешалка, и жилет повис на свежем ветерке, где он быстро просохнет. Бо наблюдал за этим с насмешливым любопытством. Когда все было готово, поднял свой планшет и сфотографировал жилет с буквами ERDD.

– Что это за надпись? – спросил он.

– Долго объяснять. Коротко: она ничего не значит.

– Американцы не слишком гостеприимны, но мы подумали, что стоит как минимум встретиться с вами и сказать «привет». – Все это он произнес на мандаринском, но слово «привет» – по-английски.

Виллем не сомневался, что в Техасе их встретят с королевским гостеприимством, но не видел нужды бросаться на защиту американцев.

– Вы очень добры, – заметил он. – Они здесь, на мой вкус, слишком уж увлекаются сладкими прохладительными напитками.

Бо закатил глаза и надул щеки, то ли притворяясь, что его вот-вот вырвет, то ли изображая толстяка, набравшего лишнюю сотню фунтов из-за пристрастия к газировке.

– Но, разумеется, это не помогает *победить жару*, – закончил Виллем, произнеся последние два слова по-английски, и поднес чашку к губам.

Из трейлера, словно кейстоунские копы²⁷, появлялись все новые и новые китайцы. Бо взял с колен старинный веер, раскрыл со щелчком и начал им обмахиваться. Один из его команды присел и направил в сторону Виллема маленький электровентилятор. У всех помощников были в руках предметы, напоминающие дешевые пластмассовые подделки под ракетки для сквоша. Вскоре выяснилось, что это ручные электромухобойки. Вначале помощники окружили чаепитие по периметру; однако насекомые проникали сквозь щели в этой защитной стене, и китайцы, изменив тактику, принялись гоняться за ними, взмахивая своим оружием с грацией, напоминающей инструкторов по тай-чи с «Ютуба», со щелчками поражая мошкарку электрическими зарядами – и притворяясь при этом, что ни слова из разговора не слышат. Все эти вентиляторы, электромухобойки, удлинители, скрывающиеся во чреве трейлера, и прочее, как подозревал Виллем, были закуплены в «Уолмарте» всего лишь пару часов назад. Порой ноздрей Виллема достигал запах какой-нибудь поджаренной мухи – словно от паленых волос; ничего, случалось и не такое нюхать.

²⁷ «Кейстоунские копы» – немой комедийный сериал, шедший в США в 1912–1917 годах и широко известный в англоязычном мире. В центре сериала комические полицейские, которые везде появляются толпой и из-за глупости и недостатка координации мешают друг другу.

Бо явно не спешил переходить к делу. Он задумчиво следил взглядом за троицей рабочих, зашедших на парковку, чтобы посетить переносной туалет и выкурить по сигарете.

– Сто лет назад они были бы чернокожими. Пятьдесят лет назад – вьетнамцами. Двадцать лет назад – мексиканцами, – заметил он.

Нынешние рабочие были белыми.

– Что ж, может, хоть это их научит уважать труд. А то, что они здесь делают, очень напоминает посадку риса, не правда ли?

Он имел в виду древний способ земледелия, распространенный по всей Восточной Азии, когда рис высаживают весной на заболоченных полях. В каждом языке, в каждом диалекте для этого процесса есть свое слово. И сейчас Бо использовал слово не из мандаринского. Судя по его речи и виду, Бо был типичным северным ханьцем и на мандаринском говорил с рождения; но сейчас – едва ли случайно – он перешел на диалект фучжоу, родной для китайской половины семьи Виллема.

– Верно, – согласился Виллем, – очень похоже. С той разницей, конечно, что здесь выращивают не пищу, а новую землю.

– Это должно быть очень любопытно и для вас, и для особы, на которую вы работаете, – сделал подачу Бо. – Кому же знать все о таких вещах, как не нидерландцам!

Фраза, явно направленная на то, чтобы Виллем «раскололся» насчет королевы. Китайцы знают, что она в Техасе? Или только подозревают? Или не знают ничего?

– Мне кажется, вы не отдаете должного собственной стране, – любезно возразил Виллем. – Сегодня чуть раньше я ехал вдоль реки, с обеих сторон огороженной насыпями выше дороги. Это напомнило мне реку Желтую: как вы знаете, именно так она выглядела задолго до того, как нидерландский народ начал возводить свои скромные плотины.

Бо кивнул.

– Это и способ борьбы с наводнениями, и оружие. – Он употребил китайское выражение, буквально означающее «вода вместо солдат».

Виллем принял подачу.

– Быть может, вам интересно будет узнать, что и голландцы использовали воду как оружие. Вильгельм Молчаливый, принц Оранский, – да, предок особы, которой я имею честь служить, – в 1574 году открыл шлюзы, чтобы остановить наступающую испанскую армию. Прием оказался успешным. Теперь ту победу каждый год отмечают в Лейдене.

– На вашей второй, приемной родине, – без особой нужды добавил Бо. – Так вы изучаете историю? Тогда, должно быть, знаете, что прорыв плотин на реке Желтой считался страшной катастрофой. Когда такое случалось, народ верил, что император утратил Мандат неба.

Бо проговорил это с легкой улыбкой, и Виллем усмехнулся в ответ.

– Если вы хотите провести какие-то аналогии с особой, на которую я работаю, то вам стоит помнить, что свой мандат она получила от народа. А в «небо» никто в Нидерландах больше не верит.

– В Амстердаме? В Гааге? Может, и так, – парировал Бо. – Но разве вам не случалось ездить на восток?

– Вы имеете в виду восток Нидерландов?

– Да.

– Это же в двадцати минутах езды от названных вами городов!

– Верно. Но иногда двадцати минут достаточно, чтобы переместиться в иную эпоху. – Бо неторопливо отхлебнул чай. – Сельские жители в... как называется этот район? Брабант?

– Да, Северный Брабант.

– Мне рассказывали, там и по сей день живут очень религиозные люди. Консервативные. Даже реакционно настроенные.

Такой поворот беседы Виллему не нравился, но спорить было невозможно. В конце концов, сам он всего несколько часов назад не где-нибудь, а в доме своего отца любовался «реликвиями», воплощающими в себе именно то, о чем говорит Бо.

– По моему опыту, люди во всем мире рассуждают примерно одинаково, – заметил Виллем. – Когда случается катастрофа, во всем винят власть. «Мандат неба» или нет, но нужно сменить власть, и все наладится!

– Западные историки, – сказал Бо, – об этом китайском феномене пишут в снисходительном тоне, поскольку полагают, что Запад...

– Давно оставил позади всю эту суеверную чепуху. Знаю.

– А вам не кажется, что такая склонность к самообману делает западных лидеров уязвимыми?

Виллем пожал плечами.

– Вы подняли интересный философский вопрос, из тех, над какими любопытно поразмыслить в свободное время. Но мои рабочие задачи очень просты: напоминать конституционному монарху, лишенному всякой реальной власти, вовремя подписывать поздравительные открытки для школьников и следить, чтобы на званом ужине не перепутали таблички с именами гостей.

Бо отвел взгляд и промолчал – быть может, считал, что на такие глупости не стоит и отвечать.

Что ж, ничего другого он не услышит. Китайцы то ли слишком прямолинейны, чтобы понять концепцию конституционной монархии – и видят в ней непрочное прикрытие реального положения дел, – то ли несоизмеримо более проникательны и видят то, чего не замечают склонные к самодовольству и самообману европейцы. Так или иначе, их взгляды на этот вопрос куда тверже, чем у самого Виллема. Он-то предпочитал утешаться гипотезой, что королева Фредерика хотя бы в исключительном случае способна проявить серьезную авторитарную власть... но эта мысль слишком явно расходилась с Конституцией – с Грондветом, которому он присягнул на верность.

– Выходит, вы... как это по-английски... работаете не в полную силу! Человек вашего опыта, вашей эрудиции – и расставляет таблички на званых ужинах? Seriously?

Звучало это как зачин предложения о новой работе, а такое предложение могло повести лишь в самом катастрофическом направлении, так что Виллем поспешил ответить:

– Своей ролью я абсолютно доволен.

– Значит, у вас должны быть и другие обязанности, сложнее и интереснее! – воскликнул Бо с таким выражением, словно эта новая увлекательная мысль только что пришла ему в голову. – Конечно, это все объясняет. Зачем бы еще вам находиться здесь, зачем осматривать окрестности?

– По очевидной причине. Меня интересует глобальное потепление.

– Да-да, – покладисто согласился Бо, – на этой части Америки глобальное потепление сказывается очень серьезно. И на Луизиане, и на Техасе... – Он не сводил с Виллема внимательного взгляда. – Совершенно очевидна, например, связь этой темы с Хьюстоном. Но вот Уэйко... нет, здесь я связи не вижу.

– Слышал об этом месте, – вставил Виллем.

– Да вы арендовали там пикап! – Бо кивнул в сторону этой крупной и неопровержимой улики. – «Додж-рам» с номерным знаком ZGL-4737. – И, подняв планшет, сфотографировал номер.

– Какой прекрасный у вас чай! Завариваете при восьмидесяти градусах по Цельсию, если я не ошибаюсь.

– Это единственный достойный способ, – подтвердил Бо и сделал еще глоток. – А как вы полагаете, почему на это техасское мероприятие не пригласили нас?

- «Нас» – вы имеете в виду Китай?
- Да.
- По-вашему, я читаю мысли Т. Р. Мак-Хулигана?
- Как секретарь королевы, мне казалось, вы должны обладать какими-то сверхспособностями в этой сфере.
- Наверняка вы когда-то были подростком.
- Разумеется.
- Допустим, вы не пригласили девушку на свидание. Что она могла подумать?
- Что она мне не нравится? – пожал плечами Бо.
- Или что вы не знаете, примет ли она приглашение. И если пригласите, а она вас отвергнет – потеряете лицо.
- Выходит, если Китай хочет, чтобы в будущем его приглашали, ему нужно пококетничать с Т. Р. Мак-Хулиганом? Подбодрить его?
- Это просто абстрактные догадки о его возможных мотивах. Я ведь с ним даже никогда не встречался.
- А может быть, он заранее знает, что мы отклоним приглашение?
- Может быть.
- Отклоним, потому что его план навредит Китаю, и он это понимает – поэтому и не видит смысла нас приглашать?
- Понятия не имею, считает ли Т. Р. Мак-Хулиган своим врагом Китай и считаете ли вы его врагом Китая, и меня это не интересует. Даже если бы я имел привычку снабжать ваше правительство разведанными – в этом случае мне просто нечего вам предложить.
- Хорошо сказано. Понимаю, за что вас ценит ваша королева. Возможно, она тоже... *работает не в полную силу.*
- Ей есть чем заняться.
- Что ж, уверен, следующие несколько дней станут для вас чрезвычайно увлекательными. Завидую вам – и постараюсь не дуться, как тот отвергнутый подросток, о котором вы говорили.
- Уверен, Китай переживет этот удар.
- Не сомневаюсь, – ответил Бо.

Чем ближе к концу разговора, тем чаще в кармане у Виллема вздрагивал мобильник. Звук или вибрацией в его телефоне отмечались сообщения особой важности – всего от нескольких человек на всем белом свете.

Избавившись наконец от китайцев, натянув жилет с надписью ERDD, опустошив набрякший от чая мочевой пузырь в душном, воняющем технической отдушкой мобильном туалете, сев за руль и включив кондиционер, он достал телефон и обнаружил целую серию нетерпеливых сообщений от королевы.

- > Что вы делаете в водах Мексиканского залива?
- > У вас карта устарела. Я на суше.
- > Вопрос остается.
- > Очередной пробный шар от китайской разведки. Напишу отчет.
- > Они знают, что я здесь?
- > Возможно. Знают, что в Уэйко что-то произошло.
- > Вернетесь сегодня?
- > Да, уже еду назад.
- > Каджуны просят нас об одной услуге. Можете найти Порт-Сульфур²⁸?

²⁸ Название означает «серный порт».

> LOL, говорящее название! Сейчас...

Порт-Сульфур Виллем обнаружил при помощи навигационного экрана на приборной доске. Город на основном течении Миссисипи, милях в тридцати к югу.

> Нашел. Что мне оттуда привезти, полный кузов серы?

> Серой пусть занимается Т. Р. А вы подберите там ныряльщика.

Полчаса спустя Виллем был на месте. Несколько разочарованный – поскольку не увидел вокруг никаких признаков серы. Строго говоря, здесь не было почти ничего, даже обычных портовых сооружений: только пожарная станция да пара магазинчиков у основания плотины. Лишь ярдах в двухстах от них виднелся небольшой холмик, различимый лишь глазами нидерландца – должно быть, все, что осталось от колпака с сернистым ангидридом из тех времен, когда здесь велась добыча.

Единственным человеком на виду оказался тот самый, кого требовалось отвезти в Техас, – Жюль Фонтейн. Сидел на середине плотины, на куче сумок и брезентовых мешков, составляющих важную часть жизни ныряльщика. Когда белый пикап подъехал ближе, Жюль почтительно поднялся на ноги. Банки из-под пива, обертки из «Сабвея» и пакеты от чипсов свидетельствовали о том, что в силу молодости, хороших генов и активного образа жизни Жюль способен поглощать столько калорий, сколько захочет, без малейшего ущерба для ослепительной мускулистой фигуры, упакованной в яркую «вареную» безрукавку и чертовски сексуальные шорты. Геом парень явно не был и даже не подозревал, как он привлекателен для геев, – для молодых людей это обычное дело. Виллем уже знал, что Жюль прежде служил во флоте. Уволился довольно давно, судя по золотистым кудрям, опущенным до плеч. В кудрях играло солнце, украшая их бликами, за которые в любом амстердамском салоне пришлось бы заплатить не меньше пятисот евро. *PanScan* предсказуемо определил в Жюле самого здорового человека на земле.

Покидав свой багаж в кузов пикапа, Жюль предложил купить Виллему что-нибудь в дорогу. Возьму все, что захотите, сказал он. Виллем не хотел обижать его отказом, так что позволил угостить себя джерки²⁹. Безопасный выбор: джерки нелегко испортить, к тому же именно такие лакомства, на взгляд Жюля, должны предпочитать старые развалины вроде него.

После того как парень сбегал за джерки и уселся рядом с водителем – на сиденье, которое в этих краях именуется «местом смертника», – Виллем сказал:

– Вот что, Жюль: я, как и вы, спешу в Хьюстон – но, если не возражаете, мне хотелось бы несколько минут покататься по городу и осмотреться.

Жюль явно удивился, но вежливо ответил:

– Сэр, да это и минуты не займет!

– Знаю. Просто хочу удовлетворить свое любопытство.

– Да пожалуйста! – с широкой улыбкой ответил Жюль. – Ваша машина – ваши правила!

Виллем немного отъехал от реки и сделал круг по местам, где в прошлом шла добыча серы. Теперь здесь была пустошь, заросшая кустарником, с уже почти неразличимыми следами дорог. На южной стороне пустоши виднелся заброшенный дом, даже скорее хижина, обшитая некрашеной фанерой, почерневшей от времени и плесени. Над входной дверью – вывеска, написанная от руки на металлическом листе, теперь уже совершенно проржавевшем. Виллем едва различил слова: «...АЗОС МАЙН...». Последний след компании «Бразос Майнинг» в Порт-Сульфуре. Вспомнив интерес королевы к этому названию, он подошел ближе и сфотографировал вывеску.

²⁹ Кусочки особым образом высушенного вяленого мяса, традиционная закуска в странах Северной Америки.

– Ладно, Жюль, теперь поехали! – объявил Виллем и, развернув пикап, направился по прибрежной дороге назад в сторону «Большого Кайфа»³⁰.

Жюль открыл банку энергетического напитка, откинулся на сиденье и принялся потчевать Виллема историей о том, как его выбросило на берег в Порт-Сульфуре. Виллем слушал моряка вполуха, одновременно прикидывая, где и как будет встречаться с остальным караваном, так что кое-какие детали упустил. Разумеется, в истории участвовала девушка, которая его бросила. Машина, на которую внезапно предъявил претензии ее хозяин. Работа на нефтяной вышке, из которой ничего не вышло. Но, может, все бы еще наладилось, если бы не последний удар судьбы – ураган.

– Что вам известно о производстве серы? – поинтересовался Виллем, прервав этот поток сознания примерно через полчаса, когда печальная повесть Жюля вышла далеко за границы кантри-баллады и грозила превратиться в целый альбом.

– Да в Порт-Сульфуре давным-давно нет серы!

– Знаю, – терпеливо ответил Виллем. – Потому и спрашиваю.

– Ну, раньше тут был рудник. Серу выкапывали из земли. Замораживали. И продавали в виде таких, ну, знаете, как бы здоровенных кубиков льда.

– Вы сказали, замораживали?

– А она плавится при очень низкой температуре. Ее можно дома в печке расплавить. Почти как воск. Так что ее разливали в такие большие, знаете, вроде формочек для льда, ждали, когда застынет, сгружали у воды, потом грузили на корабли, ну и отправляли... черт его знает куда. Туда, где нужна сера.

– И почему это прекратилось? Истощилось месторождение?

– Просто в наше время дешевле добывать серу из сырой нефти.

– Значит, теперь ее вырабатывают как побочный продукт на всех этих нефтеочистителях?

– Раньше так было, – подтвердил Жюль. – А потом в игру вступила Альберта и здесь вообще все прикрыли.

– Потому что в нефти из Альберты больше серы?

– Полным-полно! – ответил Жюль. – Ну, так говорят. Сам я не видел. В Альберте, сами понимаете, ныряльщику делать нечего.

Виллем кивнул.

– Значит, теперь Порт-Сульфору необходимо заняться диверсификацией своей экономики.

– А вы на «Шелл» работаете? – спросил Жюль. И, чувствуя необходимость объяснить свое любопытство, пояснил: – Ребята сказали, вы из Голландии.

– Из Нидерландов, – поправил его Виллем. – Да, можно сказать, что с «Ройял Датч Шелл» у меня профессиональные связи.

– Эйчар? Или связи с общественностью? – уточнил Жюль.

Виллем понимал, что его смущает. Жюль пытается понять, что за человек его попутчик. Не обязательно из любопытства: просто им предстоит полдня провести вместе в кабине, и он, естественно, ищет общие темы для разговора. Единственная известная Жюлю причина, по которой в этой части света может оказаться нидерландец, – работа на «Шелл». Однако Виллем не знает самых основных фактов о сере – например, о том, что ее добывают в виде побочного продукта из сырой нефти. Должно быть, предположил Жюль, в «Шелл» он занимает должность, очень далекую от «земли».

– На самом деле я не работаю на «Шелл», – объяснил Виллем. – Определенная связь есть, но косвенная. Скажем так: я занимаюсь логистикой. Группа путешественников, за которую я отвечаю, из-за урагана застряла в Уэйко. И ваши друзья любезно согласились нам помочь.

³⁰ Прозвище Нового Орлеана.

- А, так вы туристы! Ну, тогда скучать вам не придется!
- Что вы имеете в виду?
- Хьюстон – чертовски интересный город!
- Это верно. В Хьюстоне не соскучишься.

Амритсар

Начинал он с *кески* — простого домашнего тюрбана, какие носят дети или спортсмены на соревнованиях. В Америке такой сошел бы за бандану.

Теперь, следуя инструкциям на «Ютубе», Лакс начал наматывать поверх кески настоящий тюрбан. Нечто не совсем позорное получилось с третьей попытки. В таком виде он вышел из отеля, чтобы отобедать в большой и удобно расположенной гурдваре.

Само это слово означает «дверь к гуру», а при слове «гуру» многие немедленно воображают седобородого старичка, что сидит, скрестив ноги, и сыплет мудрыми изречениями. Но от таких учителей сикхи отказались много столетий назад, а все, что слышали от них, записали в книгу. Эта книга и стала их гуру. Так что точный перевод названия — «дверь к корпусу письменных материалов, заменяющему духовного лидера-человека»; но, поскольку это сложно выговорить, на английский «гурдвара» чаще всего переводят как «храм». Однако слово «храм» вызывает у людей с Запада совершенно неверные ассоциации: они начинают представлять себе что-то вроде индуистского храма или католического собора. Ничего подобного. У сикхов нет священников, они не поклоняются идолам. Большинство гурдвар, довольно изящных снаружи, внутри суровостью и скудостью обстановки куда больше напоминают методистскую церковь. Обедать в лангаре — значит сесть на пол в длинном ряду других ожидающих обеда, дожидаться, пока над вами прочтут положенные молитвы, а затем съесть что-то вегетарианское, простое, но сытное и богатое углеводами. Тут стоит уточнить: сикхи — не вегетарианцы. Они просто хотят, чтобы и индуисты, и мусульмане пользовались их щедростью, не беспокоясь о том, что за мясо тут едят и как были убиты эти животные. Остро ощущая на себе чужие любопытные взгляды, Лакс сидел, скрестив ноги, смотрел в тарелку, ни на кого не обращал внимания и ни слова не говорил по-английски.

А на следующий день пришел снова.

Весь процесс, занявший не более недели, напомнил ему, как, ночуя в Скалистых горах, он пытался в холодный день разжечь костер, сложенный из сырого дерева: огонь гаснет, гаснет, снова гаснет — а потом вдруг схватывается, костер разгорается, и ты уже не понимаешь, что было в этом сложного. Очень скоро он уже работал в лангаре. Разумеется, к приготовлению еды местные поварахи его не подпускали: они фанатично следовали правилам гигиены, которые Лакс пока не освоил. Зато он выгружал из машин и таскал на кухню огромные мешки муки, риса и чечевицы — достаточно, чтобы услышать искреннюю благодарность.

Заработав таким образом толику социального капитала, Лакс начал расспросы — и выяснил, где находится ближайшая *акхара*³¹. Без подробных указаний он ни за что бы ее не нашел. Она находилась в конце лабиринта древних улочек, и более новые, более высокие здания сгрудились вокруг нее, словно пряча от чужих глаз.

Он слышал, что многие сооружения сохранились здесь с незапамятных времен; но эта акхара казалась просто доисторической. Нет, в дальних ее углах встречались новейшие изобретения — скамьи для жима, штанги и гантели. Но в центре — как и в глубокой древности — находилась площадка разрыхленного грунта, защищенная от дождя крышей на сваях. Тысячи лет в этом краю борцы тренировались на голой земле, как западные борцы — на пенопластовых матах, а японцы — на татами. Разумеется, земля требовала специальной подготовки. Упираясь пятками, падая мускулистыми телами, спортсмены утапывали ее, так что каждый день грунт приходилось рыхлить заново.

³¹ Индийское слово «акхара» многозначно: это может быть религиозная секта, воинский отряд, школа боевых искусств или, как здесь, место для тренировок.

Лакс сразу понял, что приходить сюда надо до зари. В первый день поставил будильник на пять утра, зашнуровал кроссовки, прибежал в акхару – и обнаружил, что опоздал. На следующий день завел будильник на четыре – и снова слишком поздно. Правильным временем оказались три часа утра. Он пришел в акхару, когда там слонялось несколько молодых ребят, но серьезных борцов еще не было. Взяв инструмент для рыхления – нечто среднее между мотыгой и стругом, – Лакс поднял его над головой и с размаху вонзил лезвие в землю между ног, с которых позаботился снять обувь. Дернул вверх, взрыхляя грунт, плотно утоптаный вчерашними посетителями. И еще раз. И еще. Вокруг него тем же занимались мальчишки, вдвое его моложе и вдвое легче. Впервые по приезду в Индию Лакс забыл о времени – и просто работал, не дожидаясь с нетерпением, когда работа закончится.

Чтобы разрыхлить весь грунт на площадке, потребовался час тяжелого труда. Теперь земля была мягкой, но неровной. Следующий шаг – разровнять ее и утрамбовать, но не слишком сильно, при помощи бревен с отягощением. Бревна, призванные исполнить эту задачу, словно выбросило на берег после крушения Ноева ковчега. «Отягощением» служили мальчишки помоложе: они залезали втроем-вчетвером на одно бревно, хватались друг за друга и хихикали – а Лакс, в роли тяглового животного, таскал бревно туда-сюда по полу акхары, пока земля не стала ровной и достаточно плотной, чтобы не скользить и не проминаться под босыми ногами борцов, но и достаточно мягкой, чтобы приглушать броски и падения.

К этому времени уже запылал рассвет, становилось жарко. В дверях появились несколько старших членов акхары: зашли размяться перед работой. На Лакса они смотрели с удивлением. Некоторые были дружелюбны и лаконично благодарили его за труд. Другие держались отчужденно. Один или двое, пожалуй, даже враждебно. Но к этому он был готов. Они видят в нем возможного соперника. Обычное дело для любого спортзала. Лучшее, что тут можно сделать, – держаться смиренно и не выпендриваться.

В этот день Лакс не разминался. Все равно слишком устал. От работы «мотыгой» у него болели все мышцы выше пояса, от таскания бревна дрожали колени. На подгибающихся ногах он вернулся к себе в гостиницу, пока не стало слишком жарко – стояла весна, сезон дождей был еще впереди, и после полудня жара поднималась выше 45 градусов по Цельсию. Он принял ванну и снова лег спать.

Каждый день в течение недели Лакс приходил в акхару с утра, готовил площадку – и никто его не прогонял. Через неделю он осмелился взяться за снаряды: *джори* — то, что на Западе называют «индийскими дубинками», и *гада* – такие же дубинки, только огромные, палка длиною в метр, и на конце ее камень размером с шар для кегельбана. С такими дубинками – точнее, с их современными эквивалентами из литой стали – Лакс занимался с детства и умел с ними обращаться. Но люди в акхаре этого не знали. Так что все до одного наблюдали, хотя бы краем глаза, а некоторые и откровенно глазели, когда он поднял гада с земли и начал крутить над головой, ограничившись пока самыми простыми и безопасными движениями, а потом почтительно положил их на место, надел кроссовки и трусцой побегал домой. На следующий день сделал то же самое, но подольше. Постепенно переходил к более тяжелым снарядам и движениям посложнее.

Такова была первая и единственная сверхспособность Лакса. Беглый пенджабский ему не давался, сколько он ни смотрел по телевизору пенджабские мыльные оперы. Улыбаться всем и каждому он не умел. Однако обнаружил: если просто приходить и заниматься каждый день, не случится ничего дурного, и в конце концов на него перестанут обращать внимание. А он только этого и хотел – чтобы его не замечали.

И все же спустя шесть месяцев его выставили. Нет, очень вежливо. К этому времени Лакс настолько усовершенствовался в пенджабском, что смог понять их объяснение – хоть и не поверил. В этом даже был смысл. Он приходил изо дня в день (теперь попозже – став здесь своим, он мог себе это позволить), занимался все дольше и брался за все более сложные упраж-

нения со все более тяжелыми и опасными снарядами. В его руках побывали джори, утыканные гвоздями, сурово карающие всякого, кто, сделав неверное движение, позволит им коснуться собственного тела. По приглашению одного из молодых членов акхары он начал участвовать в борцовских поединках. Боролся Лакс так себе, но недостаток умения компенсировал размерами и силой, так что в целом справлялся.

Однако он чувствовал, что на тренировках служит образчиком «тупого верзилы». В любом боевом искусстве есть техники, заточенные против тупых верзил. Их сложно практиковать всерьез против умелого борца одних с тобой габаритов. А в Лаксе местные нашли идеального «мальчика для битья», на котором можно оттачивать антиверзильные приемы. Так что не раз он валился на разрыхленную собственными руками землю и испытывал на себе разные захваты, при неаккуратном применении довольно болезненные.

А Лакс был не из тех, кто такое терпит с улыбкой. Он ведь не случайно выбрал для себя боевые искусства. И пересек полмира, приехал в святой город своих предков и присоединился к этой древней акхаре не для того, чтобы его тут изо дня в день валяли по земле. Много раз, вернувшись домой весь в синяках, он находил в Интернете какое-нибудь старое кино о боевых искусствах и искал в нем утешение своим оскорбленным чувствам. Исконный сюжет всех этих фильмов такой: простой парень с улицы должен терпеливо пережить период смиренного ученичества, порой даже перетерпеть откровенные унижения и страдания – зато в финальной схватке выходит победителем! Разумеется, в кино монтаж спрессовывал годы в несколько минут, а Лаксу приходилось все это проживать в реальном времени, без кнопки перемотки. Некоторое время он просто терпел. Потом начал сопротивляться, старался хоть немного осложнить жизнь своим партнерам по спаррингу. Если они жаловались – говорил (уже на довольно неплохом пенджабском), что просто старается быть с ними честным, не поддаваться. Так для них полезнее. Они ворчали, но не спорили.

Некоторое время он страдал от жары, но в конце июня наконец пришли муссоны. Теперь легко было охладиться, просто выйдя из-под навеса под дождь.

До определенного момента никому и в голову не приходило гнать его из акхары. Он был опрятным, тихим и скромным, держался вежливо и дружелюбно, к тому же приносил пользу. Бревно с мальчишками таскал по площадке, словно какой-нибудь чертов буйвол! Неловкость и застенчивость тоже скорее располагали к нему. Словом, старшие члены акхары не видели в Лаксе никакой проблемы, пока он не взял в руки палку.

Точнее, не совсем так. Гада, которые он крутил над головой почти с первого дня, и есть не что иное, как длинные палки. По-английски слово «гада» обычно переводится как «булава»: это оружие представляет собой камень весом до сотни фунтов (хотя обычно все-таки меньше), закрепленный на длинной, довольно хлипкой на вид рукояти. Одни гада выглядят как артефакты из зала палеолита в историческом музее, другие изготовлены из бетона и арматуры минут десять назад. В том, что Лакс тренировался с гада, пока соблюдал технику безопасности, ничего дурного не было: это то же, что упражняться с гантелями в уголке какого-нибудь лос-анджелесского фитнес-центра.

Слово «гада» можно перевести и как «дубинка» или «большая палка». Уменьшительная форма *гатка* означает палку поменьше и без отягощения, обычно просто бамбуковый или ротанговый шест около метра длиной. Бывает и длиннее, и короче: в боевых искусствах, основанных на использовании шеста, не так уж важна точная длина. Некоторые видят в шесте просто замену меча. В самом деле, опытных мастеров гатки – так называется это боевое искусство – можно увидеть на тренировках и с настоящими мечами. Но в конечном счете это название означает просто «палка», так что борцы на тренировках по большей части работают тупым бамбуком, а не острой сталью. Лакс признавал за мечами романтику и обаяние, но сам был вполне доволен работой с шестом, считая его куда более полезным для практических целей – например, если на улице в Ванкувере к тебе полезет какая-нибудь гопота. Гатке он учился

в Ричмонде у очень хорошего мастера: хотя с расстояния семи тысяч миль заметил, что его наставник был по местным меркам несколько эксцентричен, пожалуй, здесь считался бы чудачком – одна из причин, по которой люди покидают родину. Но, так или иначе, для Лакса он стал отличным учителем. В детстве, где-нибудь у верхних притоков Фрейзера в Колумбии, ожидая, пока за ним приедет отец, юный Лакс не раз тренировался с сосновой веткой вместо песта. Тренировался и сейчас, в Амритсаре, в номере очередного «Мариотта», «Уиндема» или «Рэдиссона», предварительно плотно задернув шторы.

Так и вышло, что в гатке Лакс оказался более подкован – *намного* более подкован, – чем даже самые старшие и опытные члены акхары. Эти почтенные старцы сказали Лаксу напрямик: вряд ли они смогут его чему-то научить. Он стучится не в ту дверь. Лакс понял правильно: ему вежливо сообщают, что он мешает. Смущает умы. На его фоне меркнут местные звезды. Для тех ребятишек, которых катает по утрам на бревне, он стал героем. С этим нужно что-то делать. Руководители акхары – люди разумные, ничего дурного ему не желают; и в любом случае им нужно будет как-то объяснить молодежи, почему Лакс вдруг исчез.

Короче, они навели справки и связались с неким Ранджитом, инструктором из Шандигара: с шестом он творит чудеса и готов взять себе нового ученика. Лакса, можно сказать, выпихивают наверх. Его мальчишеский фан-клуб воспримет это с восторгом, как своего рода повышение. Их герой отправится покорять вершины – а они смогут с восторгом о нем вспоминать, любуясь на расстоянии.

Хьюстон

Ближе к Новому Орлеану Виллем и Жюль свернули на запад, на Десятую магистраль. Теперь они ехали параллельно пути, по которому прошел ураган. Несколько часов дорога вполне соответствовала предсказаниям навигационной системы. А потом Виллем едва не угробил и себя, и пассажира: не заметил, что шоссе впереди перекрыто, и лишь в последний миг ударил по тормозам.

После этого за руль сел Жюль. Формально водить арендованный автомобиль имел право лишь тот, кто взял его в аренду, однако Виллем полагал, что с этим разобраться будет проще, чем с последствиями крушения самолета. И свежий человек за рулем определенно безопаснее. Виллем пересел на пассажирское сиденье и уснул под тихий аккомпанемент кантри по радио.

Когда он проснулся, уже светало. Жюль ехал всю ночь – в основном тащился по пробкам. С наглухо забитой магистральной он давно уже съехал и теперь пробирался через юго-восточную часть Техаса по двухколейкам, следуя указаниям, которые слал ему из своих легковушек, пикапов, фургонов и с лодок многочисленный клан Боски.

Большую часть дня они пытались обогнуть Большой Хьюстон и с караваном состыковались лишь под вечер, остановившись рядом с государственным парком на реке Бразос милях в семидесяти от города. Здесь вся группа должна была собраться и с первыми лучами солнца отправиться в затопленный город. Ураган перешел в тропическую депрессию, которая на пару дней зависла к югу от Хьюстона и все там обильно залила дождем. Бразос, в основном текущая к северу от Хьюстона, избежала разлива, но вода в реке стояла высоко.

Первым делом они связались с Руфусом: тот, как обычно, на своем пикапе с прицепленным трейлером, ехал впереди остальных. С ним Виллем и Жюль встретились в маленьком городке с аккуратными белыми домиками, а затем проехали следом несколько миль по проселочной дороге. Приблизившись к конечной точке маршрута, он свернул на обочину и запустил дрон, чтобы разведать, что творится в парке. Согласно интернет-картам, на этой поросшей редким лесом территории находилось несколько кемпингов, соединенных извилистыми дорогами. В обычное время можно было бы расположиться здесь. Но в этом году «муравьиные беженцы» заполнили парк еще задолго до того, как по Десятой магистрали хлынули на запад сотни тысяч беглецов, сорванных с места ураганом. Парк превратился во временный город. В каждом официальном кемпинге, обозначенном на карте, расположилось не меньше сотни фургонов, машин, палаток. Кочевники выплеснулись далеко за пределы простенькой сетки парковых дорог, колонизировали зеленую территорию между ними и правый, южный берег Бразос. Тоненькая полоска общественных земель на северном берегу на расстоянии выглядела словно линия, проведенная мелом – белая от яхт и катеров, должно быть прибывших сюда из Хьюстона. Дальше на север, на частной земле, тоже нашли себе приют группки фургонов и палаток.

На колесах все это было легко объехать. Но водному транспорту приходилось пробираться по запруженной реке. Вопрос был в том, где тем, кто плывет по воде, удастся сойти на берег и встретиться с теми, кто катит по суше. Руфус разрешил эту проблему, связавшись с одним из владельцев земельных участков на северном берегу. Собственники земли в эти дни ставили у въездов на свою территорию шлагбаумы и брали с беженцев плату за возможность проехать и разбить на их участке лагерь. Плата была порядочная, однако Руфус и другие члены каравана в деньгах не нуждались: Виллем привез с собой большой запас наличных. Уезжая повидать отца, он отдал большую часть денег Амелии, однако и у себя оставил достаточно, чтобы теперь хватило заплатить хозяину ранчо и еще осталось. Так что деньги перешли из рук в руки, и, когда сгустились сумерки, флотилия лодок и караван автомобилей наконец встретились на северном берегу реки. Они оказались ниже по течению, чем большинство лагереи, – о чем свидетельствовал запах, исходящий от воды. Прошло то время, когда легко было осве-

житься, побрызгав на себя речной водой или просто прыгнув в реку: здесь сама мысль вызывала тошноту.

Лагерь на берегу Бразос

Саския, чье положение в глазах публики оправдывала прежде всего возможность заниматься филантропией, повидала в жизни немало трущоб третьего мира. Чаще всего они выглядели древними. Редко-редко в трущобе можно встретить новый дом. Но здесь все фургоны были чистенькие, с отлично надутыми шинами, готовые при первой же возможности разъехаться по домам. Палатки тоже новые, ярких веселых цветов. И настроение в лагере скорее праздничное: такое возникает, когда пережитые вместе трудности помогают людям ощутить свое единство. Но что случится, если все эти люди так и не смогут вернуться домой? Палатки потускнеют, покроются пятнами, на них появятся прорехи, залатанные клейкой лентой или брезентом. Сдуются шины у фургонов – придется снять колеса и поставить их на бетонные блоки. Наладить здесь канализацию так и не удастся. Вонь никуда не уйдет – люди просто научатся ее не замечать. Ни у кого из беженцев нет законных прав на землю, где они расположились, – значит, в любой момент их могут изгнать отсюда законные хозяева или вытеснить более крепкие соперники. Без корней, без уверенности в завтрашнем дне невозможно строить быт, – значит, временные дома будут ветшать и разрушаться, не зная ни улучшений, ни ремонта – кроме самого необходимого и неряшливого латания дыр. Эти люди не будут платить налоги, – значит, у них не будет школ, поликлиник, прививок, соцработников. Только кажется, что это долгий процесс: нет ничего более постоянного, чем временное, и глазом не успеешь моргнуть, как временный город на колесах превратится в вековую трущобу. Ее происхождение канет во мрак времен и останется загадкой даже для историков. Откуда взялась трущоба? Да всегда здесь была.

Верно, Саския не думала всерьез, что здесь произойдет нечто подобное. Наводнение схлынет, и люди разъедутся по домам. Если придется, землевладельцы на северном берегу выставят беженцев силой. За тем, чтобы кемпинги на южном берегу вернулись в нормальное состояние, присмотрит полиция. Мочу, фекалии, отбросы и мусор, которые беженцы сливают и выкидывают в реку, волны Бразос отнесут в Мексиканский залив, и сама Бразос вновь станет такой же чистой (или почти такой же), какой была прежде. Но Саския могла побиться об заклад, что в других местах в часе езды от Хьюстона лагеря беженцев за эти несколько дней – разумеется, неведомо для своих обитателей – пустили корни и продержатся годы, если только их существование не прервет какой-нибудь безжалостный погром. Именно так обычно происходит по всему миру, и Техас – не исключение. Впрочем, не только Техас. Чем Нидерланды лучше?

Лотта, ее дочь, начинала писать матери сообщения, когда в Нидерландах была уже ночь, а здесь ранний вечер. В это время каджуны особенно часто готовят еду. Саския, обожающая готовить, за последнюю пару дней легко приняла этот ритм: писала сообщения, отправляла селфи, говорила с Лоттой по телефону (в наушниках), одновременно нарезаая лук или выполняя еще какие-нибудь кулинарные задачи.

В первый день своего приключения Саския говорила с дочерью сухо и резковато. Дело в том, что та страшно переживала из-за какой-то подростковой ерунды, на взгляд Саскии, совершенно несопоставимой с крушением самолета, бегством от полиции и расстрелом в упор стада кабанов-людоедов.

Лотта написала в ответ:

> Надеюсь, в Техасе запасешься витамином D. Авось улучшит тебе настроение!

Саския ответила, что погода здесь солнечная и витамина D более чем достаточно, даже солнцезащитные кремы вряд ли от него спасут. На это Лотта ответила смайликом с закатанными глазами и кратким «LOL».

Саския ничего не поняла. На всякий случай отправила ей фото солнцезащитного крема: на тубике сообщалось, что продукция «натуральная», «экологичная» и для морских форм жизни не ядовита. Дочь была помешана на экологии, и Саския решила, что это ее смягчит.

Но чуть позже она сообразила, что D – не что иное, как сокращение от «*dick*», то есть «пениса»! Лотта попросту намекнула, что маме стоит воспользоваться обстоятельствами и в далеком Техасе, вдали от папарацци и среди новых друзей, поискать себе пару! Что от этого она станет счастливее – и, возможно, перестанет кидаться на дочь.

Это что-то новенькое! Разумеется, еще несколько лет назад Саския провела с дочерью все необходимые *разговоры об этом*. Но ее не покидало ощущение, что Лотту это страшно смущает, что та едва удерживается, чтобы не броситься вон из комнаты. Так что больше Саския эту тему не поднимала – до сегодняшнего дня, когда услышала от дочери шуточку о «вита-мине D». Никогда прежде Лотта не решалась заговорить о сексуальной жизни матери (которой, впрочем, и не было), не говоря уж о том, чтобы давать ей советы.

Так что во время путешествия вниз по Бразос Саскии не давали покоя мысли о том, как понимать такой заход со стороны дочери.

Она овдовела, когда муж, работавший волонтером в больнице, подхватил ковид. С тех пор у нее ни с кем не было секса. Таблоиды вечно сватали ее то каким-то техномагнатам, то отпрыскам европейских королевских домов из тех, что попроще, – но все это была чистая кликбейтная чушь. И сейчас ее глубоко поразило, что Лотта, услышав, что мама едва не разбилась на самолете и бежала с места происшествия на лодке каджунских охотников за крокодилами, первым делом подумала: о, хороший случай потрахаться! Сидя у борта и глядя, как мимо несет свои волны Бразос, Саския размышляла о том, что это значит для нее и для Лотты.

Довольно часто – не в первые пару лет вдовства, но позже – она задавалась теоретическим вопросом, будет ли у нее еще какая-то личная жизнь. Собственно говоря, почему бы и нет? Даже если это всплывет, в Нидерландах к таким вещам относятся очень либерально. И самые рьяные фундаменталисты из числа ее подданных просто подожмут губы и отведут взгляд. А многие, возможно, даже испытают облегчение, увидев, что и у королевы все как у людей. Просто Саския решила не заморачиваться с сексом, от которого слишком много сложностей. Ей и без того забот хватает. Личную жизнь она для себя полностью отнесла на какое-то неопределенное будущее. В последние месяцы она замечала в себе изменения, похожие на приближение менопаузы, и задавалась вопросом, как будет чувствовать себя после – сохранится ли у нее желание и интерес к какой-нибудь романтике.

А теперь ей вдруг пришло в голову, что долгое воздержание может вызывать *большие* вни-мания и сплетен, чем нормальная сексуальная жизнь. Люди вокруг – Виллем, Фенна, Амелия – представились ей в новом свете. Не как потенциальные партнеры, разумеется. Но Саския вдруг спросила себя: сидя рядом в салоне самолета или выпивая вместе после работы, не обсуждают ли они ее одиночество? Не гадают ли, когда же она наконец кого-нибудь найдет? А прояви она к кому-то интерес, они придут в ужас (именно так ей всегда казалось) – или (а вот это совершенно новая мысль!) вздохнут с облегчением?

Что же касается Лотты, с памятного *разговора об этом* прошло несколько лет. Для Саскии – одно мгновение, для девочки-подростка – вечность. Лотта, будущая королева, должно быть, задумывалась, не предстоит ли и ей провести жизнь, дав обет целомудрия во славу Нидерландов. Дочь совсем не интересуется ни самолетами, ни более классическими увлечениями королей и королев – такими как верховая езда. Зато, несомненно, интересуется мальчишками. И, как любой нормальный человек, не очень-то жаждет принимать на себя бремя власти. Саския знала, что Лотта с интересом посматривает на пример принца Гарри и его американской

жены Меган, которые просто отказались от титулов, переехали на Западное побережье и живут там как обычные люди. Видя, что после смерти папы мама погрузилась в вечный траур, Лотта наверняка спрашивает себя, не ждут ли «подданные» такого же поведения и от нее?

В любой миг династия может прерваться и монархия – отойти в историю. Такое решение вполне может принять и Лотта. Так может, Саскии пора с кем-то переспать – так сказать, принести себя в жертву Оранскому Дому? Не для того, чтобы произвести на свет наследника – это она уже исполнила, – а чтобы наследница не сорвалась с крючка?

Да. Вот это правильно. Если Саския даст Лотте понять, что с кем-то переспала и этим довольна – сделает это не потому, что истосковалась без секса (хотя она, по правде сказать, истосковалась), а из чувства долга перед своей династией и служением, которому посвятила жизнь.

А важнее всего то, что это, возможно, начнет окупаться задолго до того, как в самом деле что-то произойдет. Шуточка Лотты прозвучала как попытка установить с матерью новую связь – связь женщины с женщиной. Не так уж много у них точек пересечения. Разумеется, они – мать и дочь, этого ничто не изменит. Но если спросить, что у них общего, о чем они могут поговорить так, что обоим будет интересно, – найдется не так уж много тем. Например, Саския не знает, есть ли какая-то сексуальная жизнь у Лотты. Надеется, что нет. Очень постаралась убедить себя, что нет. Но вообще-то девушки ее возраста во все времена уже заводили романы. Если прямо об этом спросить – что, если у Саскии и Лотты найдется здесь кое-что общее, хотя бы тема для разговора? О политике в этом смысле и думать нечего: услышав, зачем мать летит в Техас, Лотта пришла в ужас и ярость. Но там, где захлопнулась одна дверь, быть может, откроется другая?

> Отдыхаю и радуюсь жизни,

– написала она на второй вечер плавания по Бразос. И, подумав, добавила:

> Подходящего D пока не нашла.

Пауза длиною в несколько минут: Лотта набирала какой-то текст, стирала и набирала снова. Наконец на экране появился вопрос:

> А что там вокруг?

Саския едва не рассмеялась вслух.

> Ну, если оглядеться...

Так она и сделала – претендентов на лодке действительно не оказалось. Разве что Аластер – одинокий и явно гетеросексуальный. Но это создаст массу сложностей; к тому же, откровенно говоря, он ей совсем не нравится.

> Природа здесь теплая и щедрая, но не совсем в моем вкусе...

– начала она печатать, но затем покраснела и все стерла. В любом случае Лотта решила сменить тему:

> Скажи техасцам: если перестанут беспрерывно жечь нефть, может, ураганы оставят их в покое!

Саския вздохнула: эта тема показалась ей куда скучнее.

На следующий день к вечеру они в последний раз встали лагерем на берегу Бразос и здесь встретились с Виллемом. Он познакомил Саскию с Жюлем. Молодой человек оказался красавчиком, словно с картинки – таким ходячим идеалом мужской красоты, что при взгляде на него Саския едва не рассмеялась. Она, в свою очередь, представила Жюля другим членам команды, в том числе и Фенне – и та немедленно заулыбалась ему, словно старому другу. На миг Саскии показалось даже, что эти двое уже где-то встречались.

Но нет – сегодня они встретились впервые. Их просто потянуло друг к другу, как магнитом, и уже через пять минут они забыли о существовании всего остального человечества.

Когда наступила ночь и температура упала на несколько градусов, все расселись под тентами, за длинным рядом составленных вместе складных столов. Какая-то дальняя родня Боски наловила к столу раков: они дергались и извивались в сетчатых мешках. Раков сварили, с пылу с жару выложили на стол: их хватило на ужин и двум десяткам людей в караване, и нескольким гостям из соседних лагерей, заглянувшим на огонек. Теперь столы со всех сторон окружали мусорные пакеты, полные пустых банок из-под пива и раковых панцирей.

Вокруг шел разговор о том, куда направятся и чем займутся каджуны завтра. Из того, что слышала, Саския понимала меньше половины – очень мешал каджунский выговор, – но основной смысл до нее дошел. Они намерены обойти город по реке с юга и направиться в округ Галвестон, особенно пострадавший от наводнения, чтобы помогать там пострадавшим.

Ей нравилось думать, что вплоть до сего дня она со своей командой не была обузой для каджунов. Напротив: они – прежде всего Виллем со своей кассой – даже немного помогали. Но ясно, что совместное путешествие подошло к концу. Им предстоит разделить и двинуться дальше своим путем, создав как можно меньше неудобств для гостеприимных хозяев. Пока за столом обсуждали, как это лучше сделать, Саския достала телефон и связалась по секретному защищенному каналу с Т. Р.

– Мой друг в Хьюстоне, – объявила она, подняв глаза от экрана, – предлагает встретиться завтра в месте под названием Шугарленд, если это не слишком неудобно для всех вас.

Аластер искося ей улыбнулся, и Саския подмигнула ему. Улыбка относилась к выражению «все вы» вместо «вы»: за время пребывания в Техасе Саския начала употреблять его с поистине автохтонной легкостью, однако пока не овладела истинно техасским произношением, в котором два слова – «все» и «вы» – сливаются в одно.

За столом закивали. Саския продолжала:

– Не знаю, что такое Шугарленд, но...

– Пригород к юго-западу от Хьюстона, – объяснил Руфус. И, криво усмехнувшись, добавил: – У нас его чаще зовут Чертовой Дырой, но название Шугарленд³² звучит привлекательнее для инвесторов.

– А почему это Чертова Дыра?

– Пригород строили заключенные. После Гражданской они заменили рабов. Сахарные плантации – такой ад, что по своей воле там никто работать не станет.

– А что там сейчас?

– Жилые кварталы. И Бразос ровно посередине. Можем добраться туда на лодке, можем на машине.

Тут взял слово мужчина с густым каджунским выговором, и добрую минуту Саския ничего не понимала. Виллем тем временем включил ноутбук и открыл на нем карту. Вместе с Саскией они пытались сопоставить населенные пункты на карте с теми названиями, что удавалось выудить из этого словесного гумбо³³. Севернее Шугарленда, в западных предместьях Хьюстона, карта показывала крупные водоемы, судя по их правильной многоугольной форме, искусственные. Они были обозначены как «резервуары». Но на фото со спутника они выглядели как леса, испещренные кемпингами и турбазами. Какие-то места-оборотни: днем – точь-в-точь лес, а ночью уходят под воду. Руфус и каджуны тем временем говорили об Энергетическом коридоре и Буффало-Байю. Виллем нашел на карте и их: оба шли с востока к центру города. Энергетический коридор представлял собой улицу с рядом офисных комплексов, и в

³² «Сахарная страна» (англ.).

³³ Каджунское национальное блюдо, густой суп, в котором сочетаются самые разные ингредиенты.

их числе как минимум одно здание «Шелл». Буффало-Байю – «бычья протока» – естественный ручей, по-видимому регулярно осушающий территории «резервуаров» и превращающий их в лесопарковую зону.

Обсуждение клонилось к тому, чтобы Руфус – первый техасец, встретивший нидерландцев на техасской земле и принявший их под крылышко после драматического прибытия в Новый Свет, – взял на себя ответственность за их доставку на randevу с Т. Р., а каджуны спокойно поплыли бы по своим делам дальше на юг. После этого, покончив не только с охотой на Пятачка, но и с обязанностями гостеприимного хозяина, Руфус совершенно свободен: сможет, если захочет, присоединиться к каджунам или заняться чем угодно.

Самый простой способ попасть в Шугарленд – завтра с утра отплыть вниз по реке на подходящем судне (не на медленном понтоне) и поискать место, где можно высадиться и, поднявшись вверх по берегу, выбраться на то, что в данный момент сходит за сухую землю. Альтернативное предложение, поддержанное и Руфусом: ехать на колесах. Но тут завязался горячий спор. Можно ли сейчас попасть в Шугарленд посуху? Мнения на этот счет разошлись. Саския понимала каджунскую речь с пятого на десятое; все, что ей оставалось, – следить за ходом спора с интересом антрополога или даже исследователя приматов. Все в точности как на любом другом собрании, будь то брюссельская конференция бюрократов из ЕС или встреча членов нидерландской королевской семьи: иначе говоря, речь не столько о пикапах и лодках, сколько о том, кто здесь главный и кого слушаться. Те, кто не любит играть в такие игры, извиняются, отодвигают стулья и растворяются в сумеречном мире соцсетей. Другие втягиваются в спор, безукоризненно вежливый и доброжелательный, – но все же именно спор, даже схватку, в которой кто-то должен победить, а кто-то обречен проиграть. Руфус спокойно, но твердо и не без иронии доказывал, что водный транспорт – не начало и конец всему. Каджуны – по крайней мере, некоторые – занимали позицию упертых лодочных фундаменталистов. Саския, королева одной из самых «водоплавающих» стран, невольно видела в этом метафору глобального потепления. Каджуны, переселившись из французской Канады, четверть тысячелетия обживали здешние болота и плавали по протокам – укромным местам, на которые обитатели суши, любители небоскребов из стали и бетона, смотрели свысока или вовсе их не замечали. Так было раньше; но теперь все изменилось. На сушу стремительно наступает вода. Настало время обитателей болот. Их даже почти не раздражает упорство, с каким Руфус доказывает, что автомобили вовсе не отошли в прошлое из-за пары дождей, его терпеливые напоминания, что Хьюстон пересекает во всех направлениях множество автострад, поднятых над землей на сваях, и заявление, что он так смонтировал шноркель на своем пикапе, что теперь может ехать по груди в воде, не боясь, что заглохнет мотор.

В конечном итоге все разрешилось так, как только и можно разрешить подобный спор без потери лица для всех участников: своего рода состязанием. Завтра четверо нидерландцев и один гость из Шотландии поплывут в Хьюстон по реке, а Руфус поедет в ту же сторону на пикапе, держась параллельно Бразос и Десятой магистрали, и повезет на себе их багаж. Трейлер Руфуса Боски попозже возьмут на буксир и перевезут в безопасное место – их следующий лагерь. Когда иностранцы будут доставлены в Шугарленд, Руфус заберет свой трейлер, а затем спокойно поразмыслит, на что потратить остаток жизни. Последний вопрос, как видно, составлял предмет неотступной тревоги для Мэри Боски. Они с Саскией без особых обсуждений пришли к пониманию, что за Руфусом кому-то стоит приглядывать: покончив с Пятачком и оставшись без цели в жизни, он запросто может пуститься во все тяжкие.

➤ А ЧТО ТАМ ЗА КРАСАВЧИК?!!

Такой вопрос прислала Лотта после того, как Саския отправила ей селфи на фоне груды раков. Саския прокрутила сообщения назад, еще раз взглянула на селфи – и обнаружила на заднем плане Жюля, строящего глазки Фенне.

- > Он занят.
- > Ну воооот!
- > Он с Фенной.
- > КРУТО!

И еще через несколько селфи:

- > OMG, тот суринамец слева! Кажется, твой ровесник.

Саския недоуменно взглянула на фото, но тут же поняла, о ком речь.

- > Не суринамец. Они здесь не живут.
- > Для своего возраста выглядит очень неплохо!
- > Хочешь сказать, для старой развалины вроде меня?

За этим последовал поток смайликов, выражающих смущение и желание извиниться.

– Моя дочь приняла вас за суринамца, – сказала Саския Руфусу чуть позже.

Ему, несомненному интроверту, в компании шумных и говорливых Боски было явно не по себе. Саския обменялась взглядом с Мэри – и та улыбнулась, довольная тем, что Руфус нашел себе компанию.

Кто такие суринамцы, он не знал.

– Амелия из Суринама, – пояснила Саския, кивнув в сторону своей нынешней охранницы.

Бедная Амелия, как обычно, висела на телефоне и напряженно что-то выясняла, бросая частые беспокойные взгляды в сторону Саскии. Потом поманила к себе Виллема, и они принялись что-то выяснять вдвоем.

Руфус кивнул.

– Что-то не так? Или у нее просто такая работа?

– Да нет, ничего особенного. Просто на том конце провода много нервных людей. Она старается их всех успокоить.

– Им не понравилось, что вы вот так сплавились по реке?

– Им вообще вся эта история не нравится.

Руфус кивнул.

– Значит, дочка ваша считает, что я на нее похож? Вот это комплимент!

– Рада, что вы так думаете, – улыбнулась Саския. – По-моему, Амелия просто красавица, хоть по нидерландским стандартам у нее и необычная внешность.

Руфус перевел взгляд на Саскию:

– А большинство нидерландцев выглядит как вы?

– Да.

– Что ж, тоже неплохо.

Саския сглотнула.

– А во мне каких только кровей не намешано, – снова заговорил Руфус. – Черный я такой из-за прапрадедушки Хопвелла, африканца. Он был рабом у индейцев чикасо.

– У индейцев тоже были рабы?

Руфус кивнул.

– Еще как, мэм. Полно. Чикасо – одно из пяти так называемых цивилизованных племен, живших на юго-востоке. Они старались жить как белые. А у белых бывают рабы. Вот и они завели у себя рабство. Позднее эти Пять племен оттеснили на запад, через Миссисипи в Оклахому, – в те времена эти места называли Индейской территорией. Рабов взяли с собой. Хопвелл родился в рабстве году этак в 1860-м. Когда началась Гражданская, многие в Пяти цивилизованных племенах поддержали Конфедерацию – они хотели, чтобы все осталось как было. Когда наступил День освобождения, семья Хопвелла взяла фамилию Грант.

– В честь генерала?³⁴

Руфус улыбнулся и кивнул.

– Так что это и моя фамилия. Руфус Грант. Я ведь так толком и не представился.

– Ясно. Что ж, рада наконец толком познакомиться.

– И я. Так вот: моя семья осталась жить с чикасо. И это оказалось ошибкой. Дело в том, что из всех Пяти цивилизованных племен чикасо жили западнее всех, на самом краю нынешней Оклахомы. Их территория граничила с Команчерией – землями команчей, самого мощного и воинственного индейского племени. Их боялись больше всех остальных. В то время команчи жили как всегда: нападали и грабили фермы и ранчо белых или Пяти племен. Однажды, в 1868 году, они напали на чикасо, все сожгли, угнали лошадей. Насчет пленных у них была, можно сказать, своя политика. Маленьких детей, с которыми возни больше, чем прибыли, просто убивали. Взрослых убивали *медленно*. Но детей в определенном возрасте, примерно от семи до двенадцати, уводили с собой и принимали в племя.

– А Хопвеллу Гранту было восемь лет.

Руфус кивнул.

– Восемь. И он умел обращаться с лошадьми, а для команчей это был ценный навык. Так что они взяли его в плен, а позже продали квахадим.

– Квахади?

– Еще одно племя команчей. Самое свирепое, дикое, свободолюбивое. Они сдались последними. Хотя в конце концов тоже сдались. Так что в 1875 году Хопвелл оказался в Форт-Силле. Это Оклахома. Не так уж далеко от территории чикасо, где родился. Разумеется, всю его семью вырезали при том налете, а сам он к тому времени сделался настоящим команчем.

– Только... только чернокожим, – заметила Саския.

Руфус покачал головой.

– А это им было неважно. Команчи – не раса, а образ жизни. Бывали и белые команчи, и команчи-мексиканцы, и черные, и команчи, прежде бывшие каддо или шейеннами. Какие угодно.

– Так вы говорите, он оказался в Форт-Силле...

– Там их держали некоторое время, вроде как в плену. Это так и называется: период пленения. А когда все успокоилось, то кончилось тем, что кое-какую землю команчам оставили. Выделили им наделы площадью по сто шестьдесят акров. Многие сдавали свои наделы в аренду белым ранчерам, другие разводили скот и всякое такое. Хопвелл пошел в ковбои. Около 1900 года женился на женщине моложе себя: точно не знаем, но думаем, она была наполовину из команчей, наполовину белой. У них родился сын. Мой прадед. Он вырос на ранчо, а когда началась Первая мировая, завербовался в армию. Там тоже нужны были люди, знающие, как обращаться с лошадьми. Вернувшись, женился на женщине, с виду на него похожей, – мы думаем, она была мексиканка... ну и так далее. Дед воевал во Второй мировой. Вернулся целехоньким, в эпоху бумеров обзавелся семьей. У него родился мой отец. Как-то так. Вплоть до Второй мировой мы занимались лошадьми, но дальше времена изменились – кавалерия сменилась танками. Я в армии стал механиком. Чинил танки, БТРы и всякое такое. – Он усмехнулся. – Там мясо и шкура, тут железо – а суть одна.

³⁴ Генерал Улисс Грант – герой Гражданской войны в США, возглавлявший армию северян, впоследствии президент США.

Хьюстон

Гонки до Шугарленда, открытые на следующее утро, обернулись самым дружественным чемпионатом: таким, в котором всем весело и никто не чувствует себя побежденным. Поначалу казалось, что «лодочники» разобьют Руфуса наголову. До самого Шугарленда русло Бразос было свободно – даже свободнее, чем обычно. Шкипер по имени Митч гордился своей быстроходной моторкой, и расход бензина его совершенно не тревожил. Даже при нынешней жаркой и влажной погоде для охлаждения хватало свежего ветра, дующего в лицо; на большой скорости пассажирам приходилось даже прятаться от ветра – всем, кроме Аластера, который впервые после крушения самолета выглядел совершенно живым. С его прической – рыжеватой щетиной с проблесками седины, сквозь которую кое-где просвечивал голый череп, – ветра можно было не бояться, да и кровососущие насекомые не застревали у него в волосах. Бразос здесь текла напрямик, почти без излучин, – и, за исключением редких мест, где ее пересекали мосты, напоминала какую-нибудь субтропическую реку, привольно текущую по краю, где не ступала нога человека.

Пожалуй, это больше всего удивляло Саскию в Техасе. Она прекрасно знала, что за густой завесой зелени, окружающей реку с обоих берегов, скрывается вполне современный ландшафт: фермы, дороги, электростанции, нефтеперерабатывающие заводы. Это мог подтвердить и Виллем со своей картой: открываешь – и видишь со всех сторон фермы и небольшие городки, постепенно переходящие в пригороды Хьюстона. Однако глазам их представала та же экосистема, что окружала их с самого приземления в Уэйко: деревья, оплетенные лозами и диким плющом, таким густым, что на расстоянии он смотрелся как изумрудный войлочный чехол на мебели. Именно так выглядели берега везде, кроме самых крутых и открытых участков, где зелень уступала место голой красной глине. Минув поворот за поворотом, следя, как стрелочка на карте Виллема приближается к Шугарленду, королева все ждала, когда же зелень отступит и они окажутся среди городского ландшафта. Но этого так и не произошло.

Митч, следуя собственной электронной карте, приглушил мотор и направил лодку к правому берегу. Там все было залито стоячей водой. Митч нажал какую-то кнопку, и винт моторки поднялся из воды под углом, вперед и вверх; затем шкипер подался назад и включил боковой двигатель, предназначенный для маневров на мелководье и среди множества препятствий.

Несколько минут лодка тыкалась туда-сюда на затопленном берегу – и вдруг они увидели Руфуса: он стоял по колено в воде, закатав штанины (и все равно весь мокрый), выразительно поглядывая на воображаемые часы. Амалия бросила ему фалинь; Руфус его поймал, перекинул через плечо и отбуксировал лодку на несколько метров, к месту, где земля наконец-то взялась за ум и решила показаться из воды. Саския и прочие давно уже выработали привычку не снимать обувь, пригодную для хождения по дну; теперь все они попрыгали за борт и, прошлепав несколько шагов по воде, выбрались, образно выражаясь, «на сушу».

Они забыли как следует поблагодарить Митча и с ним попрощаться, пока сидели в лодке, и теперь пытались исправить свою ошибку, дружно махая ему руками и посылая воздушные поцелуи. Он взобрался на переднюю палубу, снял бейсболку и отвесил глубокий поклон, напугав Саскию: на миг она заподозрила, что он знает, кто она. Но, скорее всего, Митч просто так проявлял вежливость. Руфус едва не превратил эту галантную сцену в фарс, оттолкнув лодку от берега. Но для носителя огромного пивного пуза Митч на удивление ловко удержал равновесие. С Руфусом он попрощался, подняв руку (хлопнуть ладонью о ладонь им бы не удалось – для Руфуса было слишком высоко, для Митча слишком низко) и как-то сложно подвигав и пощелкав пальцами. Затем повернулся к ним спиной и включил свой боковой двигатель.

Время уже близилось к полудню, небеса очистились, ярко светило солнце – и за те несколько минут, что потребовались, чтобы сойти на берег и попрощаться, все успели вспотеть

и изнемогать от жары. Руфус, возглавив команду, повел ее в чашу. Саския уже приготовилась к долгому тяжелому переходу – особенно тяжелому, поскольку, рассчитывая сразу оказаться в Хьюстоне, в каком-нибудь помещении с кондиционером, они упаковали геокостюмы и были сейчас в самой обычной одежде, без охлаждения.

Однако пройти пришлось буквально шагов десять. Ровно настолько протянулся густой лес, оплетенный лозами и диким плющом; через десяток шагов он уступил место пригороду. Точнее, пригородному парку – но уже совсем не походившему на чашу, в нескольких сотнях метров от которого виднелось шоссе, и вдоль него аккуратные одинаковые домики. В паре шагов на гравийной подъездной дороге скучал припаркованный пикап. Аластер и Амелия заняли места в кузове, на сумках, а Виллем и Фенна сели на задние сиденья. Саския устроилась на «месте смертника».

– Вас ждут, – сказал Руфус, садясь за руль и включая мотор.

По гравийной дороге он ехал не больше тридцати секунд; затем дорога пошла под уклон к затопленной парковке. Прямо перед парковкой, на сухом клочке земли, стоял блестящий, как черное зеркало, внедорожник размером с четыре типичные нидерландские машины, составленные вместе. Капли конденсата, стекающие вниз по стеклам, свидетельствовали, что в салоне у него работает мощный кондиционер.

Разница в высоте между затопленной парковкой и дорогой, куда Руфус выехал, обогнув парковку по дуге, составляла, должно быть, побольше метра, но поменьше двух. Где-то в человеческий рост. Но эта разница меняла все. Размещение дороги – точнее сказать, высота насыпи, на которой располагалась дорога, – несомненно, было рассчитано сознательно. Выше этой линии люди жили спокойно, разъезжали на автомобилях, не боясь заглохнуть посреди лужи, и могли всю жизнь прожить, так и не узнав, что по их душу (в глобальном смысле) явилось море. Тех же, кто находился лишь на один человеческий рост ближе к центру Земли, затапливало при любом капризе погоды, так что им оставалось либо бежать во временные лагеря, что постепенно превращаются в постоянные, либо, подобно каджунам, переходить на образ жизни амфибий.

Обитатели внедорожника – чернокожий шофер и латиноамериканец на соседнем сиденье – не спешили открывать двери, пока Руфус не припарковался рядом и не поставил пикап на стояночный тормоз. Оба были крепкими, словно футболисты, оба в свободных брюках цвета хаки и рубашках навыпуск. Саския, навидавшаяся в жизни охранников, в том числе носящих оружие скрытно, сразу поняла, что за люди перед ней. Переговоры с ними она предоставила Амелии, их коллеге. Стороны обменялись верительными грамотами, после чего охранники принялись перетаскивать багаж в кузов джипа. Водитель обошел пикап, открыл дверь и, протянув руку Саскии, помог ей спуститься на мокрую подножку.

– Ваше величество, доктор Шмидт приветствует вас в своем родном городе.

Саския на мгновение растерялась. С того момента, как села за штурвал самолета – еще в Нидерландах, – она перестала быть королевой. Сама почти забыла о том, кто она такая! Но, как видно, мир о ней не забыл.

– Очень рада, – вот все, что ей удалось выдавить.

– Доктор Шмидт приносит свои извинения за то, что не смог прибыть лично, однако полагает, что вы и сопровождающие вас лица сперва захотите освежиться после долгих приключений.

Саския взглянула вниз, на свои грязные ноги в шлепанцах, купленных Виллемом в «Уолмарте».

– Очень любезно со стороны Т. Р., – искренне ответила она.

Доктор Теодор Рузвельт Шмидт-младший: таково было настоящее имя человека, в телевизионных роликах и на рекламных щитах по всему Югу прославленного как Т. Р. Мак-

Хулиган, полувымышленный основатель и владелец невероятно успешной региональной сети заправок – магазинов – семейных ресторанов.

– Мне поручено проводить ваше величество и сопровождающих вас лиц в его особняк, если только вы не выразите каких-либо иных пожеланий.

– Отлично, благодарю вас. Особняк вполне подойдет.

– И позвольте узнать, чтобы мы могли заранее все подготовить: с вами еще пять человек?

Саския задумалась на несколько секунд, а затем ответила:

– Шесть.

Слегка удивившись, водитель проверил список на экране планшета.

– Ваше величество, Виллем Кастелейн, Фенна Энхёйс, капитан Амелия Леефланг, доктор Аластер Томпсон – и?.. – Взгляд его метнулся к единственному кандидату на право быть шестым в этой компании.

– Руфус, – подсказала Саския, кивнув ему. – Мистер Руфус Грант, эсквайр. Возможно, есть воинское звание. Я забыла передать эту информацию.

Водитель кивнул и вбил в список имя Руфуса.

– Думаю, он поедет на собственной машине. Он наш специалист по... по логистике.

– Хорошо, мэм.

Первая часть пути проходила по районам классической американской городской застройки. Огромное шоссе (дороги шире Саския видела только в Китае) вело их на восток, а за окном сменяли друг друга офисные здания, высотные и средней этажности, многие из которых украшали названия нефтяных компаний. Это был еще далеко не центр города; вдалеке виднелись настоящие небоскребы. Внутренний GPS Саскии, настроенный на Бенилюкс, твердил, что они едут то ли из Амстердама в Роттердам, то ли из Роттердама в Антверпен; разумеется, они просто перемещались между разными районами Хьюстона – мегаполиса, со всеми своими пригородами по размерам не уступающего Бельгии.

Не доехав нескольких миль до центра с небоскребами, караван свернул с шоссе и нырнул в долину реки, пересекающей центр города и излучинами уходящей вправо. Реку защищал от солнца шатер раскидистых старых деревьев; под ними виднелись дорогие и хорошо защищенные дома. Буффало-Байю – так именовалась река – сейчас, разумеется, тоже разлилась. Многие улицы были перекрыты, так что каравану пришлось двигаться в объезд. Саския не возражала: ей нравились элегантные особняки, выстроенные богатыми техасскими семействами.

Пунктом назначения оказался отель со спа-комплексом, занимающий несколько прилегающих друг к другу участков. Когда-то, должно быть, это был фамильный дом какой-нибудь знаменитой техасской династии. Пара крыльев, доходящих до опушки леса, явно была пристроена к нему позже, но очень аккуратно – крылья совсем не выбивались из общего стиля.

Резиденция Т. Р. находилась так близко, что казалась продолжением этого комплекса; и в самом деле, кто-то из охранников упомянул, что в сухой сезон от дома до отеля можно дойти пешком по лесной тропе. Сейчас, разумеется, для этого требовалось каноэ.

Из четырех «почетных гостей», приглашенных Т. Р., если расположить их в соответствии со схемами в старинных учебниках этикета, Фредерика Матильда Луиза Саския обладала высочайшим рангом. Ей, как личной гостье, была предоставлена комната у него в доме, остальные отправлены в отель. Аластер и Руфус, чье присутствие не было необходимо Саскии, уехали, а Виллем, Фенна и Амелия остались в машине и вместе с Саскией через минуту вышли у крыльца особняка. По дороге джипу пришлось форсировать гигантские лужи стоячей воды, и в первый раз Саския поняла на деле, что нелепая привязанность американцев к гигантским джипам на высоченных колесах, в сущности, вполне обоснована и практична.

Резиденция Т. Р. высилась над водами Буффало-Байю, словно своего рода рукотворный холм: он убрал из-под старинных зданий их «родные» фундаменты, поставил на новые осно-

вания и заполнил все кругом особой водонепроницаемой породой, так называемой плотинной глиной. Дом представлял собой особняк в стиле Тюдоровского возрождения, и позади него гостевой домик с семью спальнями и таким же количеством ванн. Здесь Саския и прочие могли наконец сделать то, что им не удавалось уже почти неделю, с самого отъезда из Хейстен-Бос: хорошенько отдохнуть.

Учитывая все, что произошло с ними в пути, быть может, разумнее всего было бы запечататься на замок и отдыхать всю следующую неделю! По счастью, хозяевам хватило такта их не беспокоить: Т. Р. Шмидт и его жена Вероника Шмидт прислали написанные от руки записки, в которых сожалели, что не могут поздороваться с гостями лично, и оставили их на попечение слуг, явно сознающих, что в описание их рабочих обязанностей входит «ненавязчивость». Быть может, из-за этой политики невмешательства Саския восстановилась с поразительной быстротой: двадцать минут отмокнув в ванной, смыв с себя бразосскую грязь и смазав кремом укусы насекомых, она поняла, что готова переодеться и пойти в отель чего-нибудь выпить. Тем более что в расписании мероприятий сейчас значилось опциональное «время для общения».

После крушения уцелело около половины ее багажа. Виллем и Фенна уже договорились о том, чтобы из дома отправили сюда экспрессом дополнительную одежду. Саския позвала Фенну, кажется вырвав ее из глубокого сна – неудивительно, если вспомнить, что прошлую ночь они с Жюлем явно глаз не сомкнули. Фенна, завернутая в пушистый терракотовый халат с вышитым на груди семейным гербом Т. Р., всплыла в комнату Саскии, словно сомнамбула на коньках, абсолютно расслабленная и довольная жизнью. Если после крушения у нее и оставалась какая-то нервозность, Жюль ее полностью излечил.

– Думаю, Номер Один, – предложила Саския.

Фенна открыла косметичку и принялась накладывать Лицо Номер Один: схему, более всего подходящую к выбранному Саскией наряду – синим джинсам, симпатичной блузке и безрукавке сверху: куда проще, чем люди обычно ждут от королевы, но и достаточно нарядно, чтобы они не чувствовали себя разочарованными. По правде сказать, Лицо Номер Один Саския могла бы нарисовать и сама; однако ее волосы пострадали от солнца и воды, и теперь им требовалась химическая и механическая забота. Довольно скоро Фенна смогла вернуться к себе, рухнуть на кровать и снова погрузиться в сладкие сны о Жюле – а Саския, всем своим видом воплощая *нормальную*, современную, без претензий царственную особу, встретила в фойе с Амелией и Виллемом и вместе с ними поехала обратно в отель.

Там, во вместительном баре, уже царил оживление. Т. Р. выкупил весь отель и расставил по периметру охрану, так что посторонних здесь не было и быть не могло. Все, кто собрался в баре, имели какое-то отношение к мероприятию. Напитки предлагались бесплатно. Для Саскии и ее спутников был уже зарезервирован столик. Они опустились в глубокие мягкие кресла и на диваны, ради кожаной обивки которых пожертвовало жизнью немало техасского скота. Череп одного длиннорогого смотрел на них со своего места над камином, таким огромным, что в нем мог бы припарковаться джип. Амелия заказала содовую, Виллем – «манхэттен», Саския – бокал красного вина. С наслаждением сделав первый глоток, огляделась вокруг.

Всего сутки назад, на берегу Бразос, она обитала в мире, где микрочипы и продукты нефтехимии не стоят практически ничего, где за несколько часов из груды мусорных мешков, брезента и пластиковых стяжек можно возвести город. Не город мечты, конечно, – но и не ад на земле. И даже если в обеденном меню этого отеля значится суп гумбо – Саския сильно сомневалась, что он окажется вкуснее того, сваренного на плитке и разлитого в одноразовые тарелки, что ела она вчера под открытым небом.

Однако в этом месте ощущалась долговечность. Долговечность и уникальность. Каждое украшение интерьера – будь оно из полированного дерева, из кованого железа или из мрамора – изготовлено вручную, в единственном экземпляре. Там, где требуются картины, висят подлинники, там, где требуются букеты, стоят живые, совсем недавно срезанные цветы. В каждой

детали чувствуется людская изобретательность и труд. Даже салфетки сложены вручную и как-то по-особенному, даже апельсиновые и лимонные дольки, что подаются с коктейлями, вырезаны хитрым оригами.

Человеческий труд дорог: лучший способ продемонстрировать богатство – или наслаждаться богатством – это создать обстановку, которую можно поддерживать лишь неустанными усилиями людей. И Саския, со всеми своими помощниками и слугами, повинна в этом грехе не менее прочих – лишь склонна об этом забывать, пока какой-нибудь случай, вроде путешествия вниз по реке, не напоминает о том, чем ее жизнь отличается от настоящей.

В подготовку мероприятия были вплетены тесты на заразные заболевания для всех приглашенных гостей. Каждый, кто сидел сейчас в холле отеля, успешно прошел проверку; так что все они находились в одном эпидемическом «пузыре», не требующем ни масок, ни соблюдения социальной дистанции. В гуле голосов, помимо очевидного тexasского акцента, Саския различала британский, итальянский и китайский. Хотя, по правде сказать, многих гостей азиатского вида по разговору было не отличить от образованных англичан. Саския предположила, что они из Гонконга, но Виллем, приглядевшись к именованным табличкам на лацканах, поправил: из Сингапура. Что касается итальянцев – они, скорее всего, прибыли из северной части страны: визуально ничем не отличались от прочих европейцев, разве что уделяли чуть больше внимания своей внешности. Как обычно, на Саскию посматривали украдкой, а кое-кто и откровенно пялился: так бывало везде, где ее узнавали. О составе списка гостей персонал Т. Р. упорно молчал, так что Саския не знала, кто другие почетные гости, – и имела основания полагать, что и о ее присутствии никто не был предупрежден заранее.

Вошли Руфус и Аластер – можно ли представить более непохожую пару? – и нерешительно покосились в ее сторону. Саския отправила к ним Виллема, чтобы он пригласил их за ее стол. Тот так и сделал, и оба подошли к ней с явным облегчением. Ни тот ни другой определенно не были любителями светской болтовни за коктейлями.

– Единственное чистое, что нашлось, – признался Руфус, показывая на свою футболку и оглядываясь на других гостей в строгих костюмах.

– Я королева, – твердо ответила Саския. – Обычно я стараюсь не делать из этого шума. Не помню об этом каждый день и каждую минуту. Стараюсь быть *нормальной*. Не включаю босса, как у вас говорят. Но в таких случаях, как сейчас, я настоящий тиран. *Вы со мной*, Рэд. И футболка на вас отличная. Потому что я так сказала.

Руфуса эта речь явно обрадовала – впервые Саския увидела на его лице нечто, отдаленно напоминающее улыбку. Виллем куда-то пропал. Оглянувшись, королева обнаружила, что его остановил сингапурец и тепло приветствует на каком-то из китайских диалектов. Виллем бросил взгляд в ее сторону, она кивнула, и он ответил на приветствие и начал оживленно говорить с сингапурцем.

Амелия встала, уступая место Руфусу и Аластеру. Заметив это, оба смутились и подвинулись, чтобы могла сесть и она; но Амелия покачала головой и принялась бродить по холлу. Не сказать, что ей здесь было чем заняться. Охрану здания обеспечивал Т. Р., а ее основная задача состояла в том, чтобы опознавать секьюрити – и Т. Р., и других гостей – и им не мешать. Охранники, расположившиеся по периферии холла, отличались в основном тем, что ни с кем не разговаривали. Впрочем, от группы британцев отделился один, подошел к Амелии и представился. Их разговора Саския не слышала, но мужчина очень походил на бывшего военного, из тех, что после отставки пополняют ряды британских охранных агентств.

Вдруг оба повернули головы к мужчине и женщине, вошедшим из соседнего холла. Не сразу Саския сообразила, что перед ней сам Т. Р., а женщина, должно быть, его жена Вероника. В сравнении с Т. Р. Мак-Хулиганом, персонажем из рекламных роликов, Т. Р. Шмидт был (разумеется!) постарше, поменьше ростом и держался с куда большим достоинством. Но

и в жизни в нем ощущалась та же неистощимая энергия и задор. Вероника, верная помощница своего мужа, выглядела безупречной светской дамой. Едва пара вошла в бар, перед ними возник официант, что-то сказал вполголоса – и Вероника тут же отделилась от мужа и двинулась к Фредерике Матильде Луизе Саскии с целеустремленностью, с какой бордер-колли бросается за фрисби. Саския поднялась ей навстречу; они обменялись приветствиями и светскими любезностями – искусство, предназначенное Саскии самой судьбой, которым она овладела в совершенстве и смысл которого состоит в первую очередь в том, чтобы помочь собеседнику расслабиться и почувствовать себя уверенно, при этом не сближаясь чересчур торопливо и не скатываясь в фамильярность.

Вероника тоже свое дело знала, так что все шло без сучка, без задоринки. Она, например, прекрасно поняла, что хотела сказать миру Саския своими джинсами. Сама она тоже сделала нечто подобное – только ее послание: «Я обычный человек» передавалось через пару стильных ковбойских сапог. Вполне может быть, что благодаря камерам – ведь здесь, должно быть, повсюду камеры – она заранее узнала, как оденется Саския, и подобрала для себя аналогичный наряд.

Процедура длилась минуту или две, затем подошел Т. Р. и остановился рядом с женой – а та, словно вдруг сообразив свое упущение, представила их друг другу. Итак, с этим покончено. Протокол требовал от хозяина и хозяйки без особых промедлений обойти всех гостей и поздороваться с каждым, и Саския дала им возможность уйти, но сначала представила свою команду. К чести Вероники, она и глазом не моргнула при виде Руфуса Рэда Гранта в футболке и со стаканом пива; стакан он переложил в другую руку, вытер ладонь о штаны и поздоровался с ней за руку. Т. Р. сумел даже вставить что-то вроде «спасибо вам за службу». Это означало, что за примерно шесть часов, протекавшие с той минуты, когда Саския импульсивно включила Руфуса в свою команду, люди Т. Р. проверили его бэкграунд, раскопали армейское прошлое и доложили об этом хозяину.

– Мы с вами еще потолкуем о свиньях! – сказал напоследок Т. Р., обернувшись к Руфусу. – У меня на ранчо Коталла от них спасу нет!

– Это ненадолго, – пообещал Руфус.

Т. Р. качнулся на высоких каблуках своих ковбойских сапог из страусиной кожи, тут же наставил на Руфуса палец, словно шестизарядный револьвер, и воскликнул:

– Отлично! Вас понял!

– Заметано, сэр!

– Мы им покажем!

– С меня оружие!

– А с меня вертолет! – закончил Т. Р., но тут жена поволокла его дальше, и он едва успел бросить на ходу указания, к кому из его людей Руфус должен обратиться, чтобы все организовать.

Как ни застенчив был Руфус, сейчас у него на лице читалась откровенная гордость от того, что сам Т. Р. Мак-Хулиган знает, кто он и чем занимается. А Т. Р., прежде чем уйти, бросил на Саскию быстрый взгляд, проверяя, слышала ли она этот диалог, поняла ли? «Мы с моей командой знаем все: в штате Одинокрой Звезды³⁵ и муха не пролетит, и воробей с дерева не упадет, и стервятник задавленного машины броненосца не сожрет без моего ведома!» Саския, со своей стороны, не стала заострять на этом внимание и просто порадовалась, что есть на свете страна, где двое мужчин, у которых так мало общего, могут так искренне радоваться мысли о том, чтобы отправиться на вертолете в какую-то глухомань и пострелять там с воздуха диких свиней.

³⁵ Прозвище штата Техас.

Смысл всей этой тусовки в баре был в том, чтобы представить всех заранее, чтобы в ходе официальной программы, которая начнется завтра утром, все присутствующие знали, кто есть кто, и не заморачивались протоколом. Саския решила стиснуть зубы и просто перетерпеть. Чтобы хоть чем-то рассеять скуку – с такой проблемой королевы сталкиваются часто и достигают в борьбе со скукой большой изобретательности, – она решила посмотреть на это собрание с точки зрения Лотты, любящей дочки, лелеющей в сердце надежду, что мама наконец кого-нибудь здесь найдет. Первый шаг – бесстрастно оценить всех гетеросексуальных мужчин в этом зале по двум независимым критериям: первый – доступность, второй – то, что Лотта, пожалуй, с истинно голландской прямоотой назвала бы «факабилностью», но для чего Саския предпочитала более изысканное выражение. Критерии оценки парней, верой и правдой служившие ей в подростковом возрасте, здесь явно не работали. Она решила подойти к вопросу так же, как оценивала бы аэродинамические качества самолетного крыла: соотношение подъемной силы и лобового сопротивления.

У Т. Р. подъемная сила впечатляет: как ни странно, в жизни он куда привлекательнее, чем в рекламе. Но чересчур высоко сопротивление – он женат. И Вероника, при всей своей аристократичности, очень похожа на женщину, способную пристрелить из двустволки неверного мужа вместе с любовницей.

Аластер: низкое сопротивление (доступен), но недостаточная подъемная сила (совсем ей не нравится).

Руфус: сопротивление низкое, а вот подъемная сила... странно сказать, но чем больше на него смотришь, тем лучше замечаешь, что с подъемной силой у него ОЧЕНЬ хорошо! Вот только ему, бедняге, такое в жизни в голову не придет. Разве что подсыпать в пиво транквилизатор, а потом уж бросаться в объятия.

Приняв такой подход за основу для сегодняшнего общения, Саския перешла к остальным гостям. Из высокопоставленных особ ее ранга присутствовали только двое: итальянец и сингапурец. Третий, британец, оказался старым знакомым: это был лорд-мэр лондонского Сити. Однако он почти сразу отклонялся – то ли из-за неотложных дел, то ли просто чтобы отоспаться после перелета.

Доктору Сильвестру Лину, с которым Виллем зацепился языком, было за пятьдесят. Если не считать странноватого выбора западного имени, он точь-в-точь соответствовал тому, чего можно ожидать от официального представителя правительства Сингапура на секретной международной конференции. На нем был черный костюм, синий галстук, очки без оправы, из аксессуаров – только простые наручные часы. Этикетом он владел в совершенстве. Представляясь королеве, произнес наверняка тщательно отрепетированную фразу о «долгих добрососедских отношениях между нашими странами по обе стороны Пролива». Его сопровождали трое пожилых советников, представляющих национальные меньшинства страны – малайзийцев, тамилы и белых, и при каждом молодой помощник, иногда и не один. Сильвестр засвидетельствовал королеве свое почтение, выдержал ровно шестьдесят секунд вежливой беседы ни о чем, затем извинился и отошел – но прежде сказал Виллему какую-то любезность на фучжоу, а затем перевел ее на тяжеловесный английский для Саскии. Та мысленно сделала себе заметку: поинтересоваться историей Сингапура, уточнить, как он связан с голландской Ост-Индией.

Вердикт: Сильвестр Лин – высокое сопротивление, низкая подъемная сила.

После ныряльщика Жюля глава итальянской делегации был, пожалуй, самым красивым мужчиной из тех, кого здесь встретила Саския. Лет сорока, самоуверенный и элегантный, со светлыми волнистыми волосами до плеч, вроде бы растрепанными, но каким-то загадочным образом никогда не падающими на лицо. Он здесь представлял Венецию. Венецианца звали Микель (именно так, с мягким «кь»), и к его имени не прибавлялись титулы, способные указать на профессию или положение в обществе: «доктор», «профессор», «граф», «преподобный» или еще что-нибудь такое. Было смутное ощущение, что Саския должна знать, кто он

такой, – но она не знала. В доковидные времена он поцеловал бы ей руку. Теперь – изобразил поцелуй руки на расстоянии двух метров. В ответ Саския с теплой улыбкой накрыла руку ладонью.

– Мне следовало догадаться, что здесь непременно будет кто-то из вашего города, – сказала она.

Миккель кивнул.

– Как известно вашему величеству, Венеция возведена на болоте, ибо у гуннов не было кораблей. Со времен готского вождя Алариха мы строили дома на сваях. – Он обвел взглядом зал. – А здесь ту же технологию приняли после урагана «Харви»³⁶.

История Венецианской республики, долгая и славная, сверкающая золотом и пахнущая кровью, была Саскии хорошо известна. Долгая история – и бесславный конец в Наполеоновскую эпоху, когда республика, насчитывавшая одиннадцать столетий, попросту растворилась, сперва подпав под австрийское господство, а через несколько десятков лет сделавшись одной из областей объединенной Италии. В последние десятилетия о Венеции снова заговорили – из-за изменений климата и подъема уровня моря, для нее особенно грозного. Вроде бы венецианцы пытались выстроить защитный барьер, но из этого ничего не вышло...

– Если наведете справки – а вам, правительнице страны, расположенной ниже уровня моря, следует знать о таких вещах, – немедленно услышите печальную историю проекта MOSE³⁷, – подсказал ей Миккель.

А итальянец не промах – умело преподнес ей недостающие сведения и тут же поднял деликатную тему.

– Ситуация у вас и в самом деле непростая, – ответила она. – Все эти каналы, болота... От Адриатики просто невозможно отгородиться так же, как мы отгородились от Северного моря.

Миккель кивнул.

– Строить стены бессмысленно – в лучшем случае лишь поможет выиграть время. Необходимо остановить подъем уровня моря. Иначе наш город погибнет.

Саския подняла брови и улыбнулась, показывая, что готова счесть это за шутку и пропустить мимо ушей. Для вечеринки с коктейлями разговор пошел слишком уж прямой и откровенный. Невозможно «остановить подъем уровня моря» в одном-единственном месте – он везде одинаков. Либо уровень моря поднимается, либо нет. Чтобы его остановить, нужно изменить климат во всем мире. Мышление такого типа – давайте, мол, изменим климат на всей планете, чтобы нашему городу стало хорошо, – было вполне естественно для Венеции века этак двенадцатого, но в наше время несколько режет слух.

Он с обезоруживающей улыбкой пожал плечами.

– Прошу прощения, – сказал он, – разве нас не для этого здесь собрали?

– А вам известно, кто приглашен? – спросила Саския.

– Узнал только четверть часа назад. Лондон, Сингапур, Венеция, Нидерланды – и, разумеется, Хьюстон. Что у них общего?

– Кроме очевидного? Того, что всем им подъем уровня моря грозит гибелью?

– То же верно и для Бангладеша. И для Маршалловых Островов. Но их здесь нет.

– Деньги, – ответила Саския, не сводя глаз с ряда сверкающих запонок на рукаве одного представителя лондонской делегации. Разумеется, сделаны на заказ: одна, чуть больше остальных.

³⁶ Тропический циклон, вызвавший катастрофические наводнения в юго-восточной части Техаса в августе 2017 года.

³⁷ Проект MOSE (акроним от итал. Modulo Sperimentale Elettromeccanico, Экспериментальный электромеханический модуль) – технический проект, начатый в 2003 году и предназначенный для защиты от наводнений Венеции и других населенных пунктов на побережье Венецианской лагуны в Италии. Его завершение многократно откладывалось из-за сопротивления «зеленых» и других политических сил, которые сопоставили стоимость постройки, управления и поддержания защиты с гораздо меньшими затратами на альтернативные системы, которые для решения похожих проблем задействовали другие страны (Нидерланды и Англия). С 2020 года система MOSE успешно применялась более 30 раз.

ных, переключается с массивными наручными часами. Вот почему еще выгодно быть королевой: можно даже не притворяться, что подобные вещи производят на тебя впечатление.

– Чтобы вступить в клуб, – подхватил Микель, обводя комнату сдержанным жестом, – по-видимому, необходимо испытывать серьезную угрозу со стороны моря, а кроме того, иметь достаточно денег и, я бы сказал, достаточно технократический менталитет, чтобы быть готовыми с ней бороться.

Саския сделала мысленную заметку: поручить Амелии выяснить, не связан ли итальянец с фашистами.

– А Венеция отвечает этим требованиям? – спросила Саския. Пусть видит, что она тоже умеет говорить напрямик.

– Формально? Нет. Безусловно, она под угрозой. Но это просто еще один современный город, весьма стесненный в средствах. Часть страны, в которой климатическая ортодоксия считается пустой болтовней. Как и в Нидерландах.

Не было нужды спрашивать, что понимает Микель под «климатической ортодоксией». Даже не будь она главой страны с традиционно сильной партией «зеленых», ей по уши хватило бы почти ежедневных экологических лекций от Лотты.

– И все же... будь вы здесь в каком-то *официальном* качестве, думаю, вы бы чуть больше рассказали о себе, – заметила она.

– В Венеции нет монархии. Приходится что-то изобретать на ходу, – с усмешкой пожал плечами Микель. – К тому же ни денег, ни воли технократов к власти... как вы понимаете, от правительства Италии не дождешься.

Саския молчала и смотрела на него выжидательно. Инстинкт подсказывал ей, что, пока Амелия не выяснит всю подноготную этого венецианца, лучше помалкивать.

– Понимаю, – продолжал Микель, – такому человеку, как вы, разумеется, нужны объяснения. Вы хотите знать, кто я и что я. Разумное, справедливое желание. Этот вопрос необходимо разрешить, и поскорее, чтобы он не превратился в источник недоразумений. Но, возможно, вы согласитесь, если я скажу: на вечеринке с коктейлями – не время и не место.

– Согласна с вами. И слышу в этом предложение найти время и место получше.

– Договорились. Команды помощников у меня нет, но меня сопровождают сестра и тетушка. Детали проработаем с доктором Кастелейном.

– Рада была с вами познакомиться, Микель.

– И я очень рад, ваше величество, – ответил он и на том откланялся.

Вердикт: очень невысокое сопротивление (хотя немного смущает присутствие сестры), отличная подъемная сила, но при одном условии: если он не фашист. В Нидерландах тоже хватает крайне правых персонажей, и Саскии следует быть очень осторожной: нельзя, чтобы ее застали даже за разговором с подобным человеком. Так что вердикт откладывается, пока Амелия (и служба безопасности дома, в Нидерландах) не выяснит, что он за птица.

– Бывший футболист Миланского клуба, – сообщил вполголоса Виллем, едва Микель отошел подальше.

– А-а! То-то он показался мне знакомым!

– Играл за них несколько сезонов. Не звезда, но хорош на поле. И сумел удачно использовать свою известность. Его лицо вы, должно быть, видели на рекламных брошюрках в магазинах дьюти-фри. Оказывается, он из старой венецианской семьи.

Осталось только завязать контакт с британцами. К ним Саския отрядила Аластера, знакомого кое с кем из свиты лорд-мэра через связи в Сити. Несколько минут спустя он вернулся в сопровождении двоих: коротко стриженного блондина (средняя подъемная сила, среднее сопротивление, слишком молод), на вид словно только что окончившего Оксфорд или Кембридж, и толстячка лет пятидесяти в шикарном костюме (сопротивление, возможно, низкое, но подъемной силы ноль). Того самого, чьи запонки – сделанные, как он немедленно сообщил,

из переплавленных римских монет – привлекли ее внимание чуть раньше. Табличка на лацкане гласила, что толстяка зовут Марк Ферлонг.

– Боба мы сегодня не увидим, – объявил он. – Вырубился. Перебрал божоле во время полета на «Гольфстриме»³⁸.

Саския на секунду зависла, перезагружая мозг и переключаясь в новый режим – ироничного обмена репликами со множеством подтекстов. В каком-то смысле это даже сложнее, чем выучить иностранный язык. А ведь это и есть своего рода «иностраный язык»: нельзя стать членом этого социального слоя, пока им не овладеешь. «Боб» – Роберт Уоттс, почтенный лорд-мэр лондонского Сити, – был строгим трезвенником. Из-за выпивки он лишился работы и жены, но сумел бросить, восстановил свою жизнь и женился во второй раз на британской журналистке Дейе Чанд. Утверждение Марка Ферлонга – доверенного друга и помощника Боба, – что тот якобы перебрал божоле на «Гольфстриме», ни в коем случае нельзя принимать за чистую монету. Прежде всего, это шутка, смешная именно тем, насколько явно она противоречит действительности. Но чтобы понять шутку, необходимо достаточно близко знать Боба – как минимум знать, что он в рот не берет спиртного, что вовсе не характерно для мужчин его возраста и положения. Человек неинформированный или чересчур доверчивый поверит этой нелепице – и в дальнейшем его не будут допускать до обсуждения серьезных вопросов или станут кормить ложной информацией. Со временем он поймет, какую допустил чудовищную ошибку, – и тогда ему только и останется, что броситься под поезд в лондонском метро. Есть в этой шутке и еще один слой: Марк упомянул божоле – а этот напиток у определенного слоя знатоков считается дешевым и безвкусным. «Гольфстрим» тоже упомянут не случайно. В сущности, Марк намекает на нелепость перелетов таким способом. В сухом остатке: Марк – достойный человек, знает и любит Боба, но сообщает об этом так, что понять его смогут лишь избранные.

Что ж, пусть так. Однако Саскии потребовалось несколько секунд, чтобы настроиться на волну, столь отличную от той, на которой общаются Сильвестры Лины мира сего. Пока ее мозг переключался, Марк (он-то трезвенником явно не был) начал слегка морщиться: ему пришло в голову, что Саския могла и не понять шутку. В конце концов, она всего лишь наследственный монарх. Чтобы унаследовать трон, не требуется сдавать тест на IQ.

– Он сказал, что знаком с вами, – заметил наконец Марк почти извиняющимся тоном.

– А доктор Чанд, должно быть, придерживает ему голову над унитазом?

– Возможно. Я думал, она к нам присоединится... – Марк обвел взглядом зал и пожал плечами, как бы говоря: «Что ж, не повезло». – Боюсь, придется мне их заменить. Что ж, от имени почтенного лорд-мэра, добро пожаловать, рад видеть вас в Техасе! Позвольте угостить вас пивом?

– Мне хватит и этого бокала божоле, – парировала она.

Ровно на одну волшебную секунду ей удалось его переиграть! Марк, смертельно пристыженный, метнулся взглядом к бокалу в руке у Саскии – и с облегчением перевел дух, увидев, что его содержимое больше похоже на бордо.

– Говорят, хорошее вино, – одобрил он.

Молодого человека, судя по бейджику, Саймона Тауна, фамильярность и шутливость Ферлонга явно напрягала. Он оказался виконтом – и, видимо, был приучен к иному поведению в присутствии королев. Так что с ним Саския прошла через все необходимые формальности. Марк Ферлонг тем временем обшаривал глазами зал: для него тут, похоже, было на что посмотреть. Марк воплощал собой типичного дельца из Сити, а его протеже Саймон – другой типаж: оксфордского или кембриджского выпускника, отправленного в Сити набраться опыта,

³⁸ «Гольфстрим Аэроспейс» (англ. Gulfstream Aerospace Corporation) – американская авиастроительная корпорация, специализирующаяся исключительно на сегменте административных реактивных самолетов (бизнес-джетов).

заработать несколько миллионов и найти себе жену, которая будет счастлива подбирать шторы под цвет стен в родовом имении в Сассексе.

– Марк, вы упомянули, что Аластер на вас работал. Могу я предположить, что вы тоже занимаетесь анализом рисков?

– Да все мы этим занимаемся, – ответил Марк.

– А «мы» – это...

– Все, кто здесь находится. Даже официанты и посудомойки. Пожалуй, они особенно. Просто не у всех хватает наглости писать это на визитках. – Он пристально взглянул на Саскию. – Вот ваша страна. От моря она отгорожена дамбами. Но, как говорится, выше головы не прыгнешь. Всегда существует риск, что волны перехлестнут через стену, и море ворвется внутрь. А специалисты вроде Аластера умеют математически просчитывать волны.

– Ну вот, еще один говорит, что вы должны это уметь! – заметила Саския, бросив взгляд на Аластера.

Тот покраснел и приоткрыл рот.

– Да мы шутим! – успокоила она.

Однако шутка попала в больное место, и Аластер поспешил оправдаться – если не перед Марком и Саскией, которые все понимали, то перед теми, кто их слушал.

– Всякого, кто скажет, что может математически рассчитать движение волн, нужно немедленно уволить, – сообщил он.

Диссертация Аластера была посвящена «блуждающим волнам-убийцам»: гигантским одиночным волнам, возникающим случайно, чья мощь неимоверна, а поведение непредсказуемо. Считается, что волны-убийцы ответственны за многие исчезновения кораблей: эта тема представляет немалый интерес для страховых компаний в Сити, вот почему они пригласили Аластера на работу, не успели высохнуть чернила на его диссертации.

– Знаю, Аластер, – успокаивающе ответил Марк. – Мне вы это говорили десять лет назад. А вот Саймону полезно послушать.

На том основная задача вечеринки с коктейлями была выполнена, и Саския имела полное право удалиться. Она со всеми распрощалась и отправилась вместе с Амелией в дом для гостей, оставив Аластера болтать с джентльменами из Сити, Руфуса – обсуждать свиней с Т. Р., а Виллема – практиковаться в фучжоу с сингапурской делегацией. На вопрос Лотты об успехах Саския отчиталась, что пока нашла двух потенциальных кандидатов (Руфуса и Микьеля). Однако на требование прислать фотки ответила, что надо же и меру знать.

Экскурсию по воздуху легко было провести, и не покидая уютный особняк на берегу Буффало-Байю, расслабляясь в кожаном кресле с бокалом в руке и погрузившись в виртуальную реальность; но не так делаются дела в Техасе – и, определенно, не так действует Т. Р. Вместо этого сам Т. Р., королева Фредерика, лорд-мэр, Сильвестр Лин и Микьель дрейфовали над мегаполисом, каждый в личном мультикоптере – пластиковом «пузыре» с кондиционером и парой распростертых «рук»: обе оканчивались ветвящимися «пальцами», и каждый «палец» нес на себе электромотор и углеволоконный пропеллер. Два десятка автономных моторов и два десятка пропеллеров поддерживали каждый дрон в воздухе. Перед Саскией располагалась панель управления с сенсорным экраном, совершенно непохожая на самолетную. Если бы она попыталась вести эту штуку – точно бы не смогла. По счастью, этого и не требовалось. Все дроны контролировала единая программа, основанная на математическом описании мурмурации скворцов. Т. Р. – скорее всего, с немалой помощью искусственного интеллекта – пилотировал свой дрон сам. Остальные – Саския, еще трое почетных гостей и полдюжины дронов, в которых летели вспомогательный персонал и охрана, – следовали за ним, повторяли его движения, однако не приближались ни друг к другу, ни к каким-либо твердым объектам ближе чем

на несколько метров. При появлении препятствия умная программа командовала стае дронов разбиться надвое и облететь его с разных сторон, а затем воссоединиться.

– Математика никогда мне не давалась, – сообщил Т. Р., ведя свою стаю через полосу препятствий между небоскребами в центре Хьюстона.

Район зелени и шикарных особняков, из которого они стартовали, от центра отделяло всего несколько минут – и несколько километров к западу. Саския подозревала, что это не самая важная часть экскурсии. Пока что Т. Р. проверяет работу дронов – и заодно вычеркивает из списка стандартные туристические достопримечательности.

– По крайней мере, та математика, какой учат в школах, куда посылали меня мои старики. «Итак, чему же равен $\sin x$?» – И он рассмеялся. – Задачи, упражнения – и больше ничего. Мне было двадцать семь, и из колледжа меня уже вышибли, когда я наконец встретил настоящих математиков и понял, что им вся эта хрень тоже даром не нужна. Что математика – совсем о другом. Защищался я по теорверу и статистике. Десять лет на это ушло – я ведь одновременно строил бизнес и растил детей. Можно сказать, успел в магистратуру на последнем автобусе!

Аластер предупреждал, что этого следует ожидать. Даже показал несколько видео из Интернета, на которых запечатлен *настоящий* Т. Р. Шмидт. Девяносто девять процентов общедоступных роликов знакомят публику с Т. Р. двадцатилетней давности, когда он строил бизнес и лично, в стилистике любительских семейных видео, рекламировал свою сеть семейных ресторанов в торговых центрах, где так классно праздновать детские дни рождения. Со временем на роль Т. Р. Мак-Хулигана – веселого, дурашливого клоуна-ковбоя, всеобщего папаши, обожающего детей, – ему пришлось нанять актера помоложе. Достаточно мужественного на вид, чтобы с ним захотелось выпить пивка, но не настолько, чтобы его было боязно знакомить с женой. Актер со временем впал в немилость и был заменен анимацией; замена совпала по времени с ребрендингом и превращением «семейных ресторанов Мак-Хулигана» в нечто иное, получившее название «сеть Т. Р. Микс». Небольшие (по техасским стандартам, по европейским – просто огромные) ресторанчики были вынесены из торговых центров в отдельные здания на городских окраинах, а там их окружили заправки и автостоянки для грузовиков, организованные в соответствии с девизом: «Не меньше сотни!» – означавшим, как известно теперь каждому автомобилисту в Техасе, что в Мобильном центре «Т. Р. Микс» найдется не менее ста бензонасосов. Не считая электрических станций подзарядки, которых там тоже хватало. Все укрыты от солнца и дождя навесами, работающими как коллекторы солнечной энергии, – и все соединены траволаторами, как в аэропорту, с центральным зданием, в котором находится ресторан и сопутствующие развлечения. Все знали и понимали, что именно эта бизнес-стратегия помогла Т. Р. превратить десятки миллионов, унаследованные от «папаши» Шмидта, в миллиарды.

Правда, вчера за коктейлями Т. Р. постарался ясно дать понять: миллиардов не слишком много. Быть может, в удачный день на рынке он стоит миллиардов десять – и то не факт. Несколько раз повторил: он не из тех «юных гениев», что после первого же публичного предложения акций за ночь зарабатывают больше, чем сколотил доктор Т. Р. Шмидт за всю жизнь, медленно и кропотливо выстраивая реальный бизнес. Говорил об этом как о чем-то само собой разумеющемся, тем же тоном, каким рассказывал о системе подземных труб, по которым бензин подается из центральных баков в сотню насосов. Иначе говоря, он не завидовал. Ни в коей мере Т. Р. не стремился очернить или обесценить «юных гениев», заработавших в десять раз больше него. Просто ему было важно подчеркнуть, что его состояние сделано не из воздуха, что у него стальные корни, вкопанные в землю. Быть может, это имело прямое отношение к тому предложению, что он собирался сегодня озвучить.

Они летели на север вдоль магистрали, в дополненной реальности на прозрачных стенках дрона обозначенной как «Мейн-стрит». Несколько секунд – и магистраль вывела на открытую

площадку на краю взбухшего коричневого потока, в который впадал еще один такой же. Через них были перекинuty несколько мостов.

– Обещаю, со всей этой туристической ерундой покончим в два счета! – послышался в наушниках голос Т. Р. – И так, здесь, при слиянии Буффало-Байю и Уайт-Оук-Байю, вы видите Алленс-Лэндинг – «Надел Аллена», место, где два века назад был основан Хьюстон. О том, как это произошло, вам расскажет старый 3D-фильм. Потерпите, он короткий.

Прозрачные стены потемнели, приглушив солнечное сияние, пейзаж вокруг посмурнел и ушел в зеленоватые тона. Мосты и улицы были видны по-прежнему, но теперь на них наложилась картинка – представления художника о том, как выглядели эти места два столетия назад. По большей части земля здесь скрывалась под той же буйной зеленью, какую видели Саския и ее спутники во время путешествия из Уэйко в Шугарленд. Но в анимационном прошлом у южного берега Буффало-Байю, прямо возле нынешнего исторического пятачка, сгрудились деревянные суда, парусные и весельные, в том числе и индейские каноэ. Мужчина в широкополой шляпе, стоя на пристани, зачитывал старозаветного вида документ. Все напоминало вступительный ролик к какой-нибудь видеоигре с неплохим бюджетом: пока не увеличиваешь изображение, выглядит совсем как в жизни. Актер озвучки старался как мог, но текст не давал особо развернуться. Что поделать: декламировал он не Шекспира, а всего лишь объявление о продаже земельных участков, пусть и составленное в 1836 году.

В наушниках Саскии большую часть этого монолога заглушали вопросы и комментарии других гостей. Все общались с Т. Р. и между собой по одному открытому каналу. Однако она слышала, как актер с непреходящими интонациями зазывалы-риэлтора расхваливает чистую воду, плодородную землю, благоприятный климат и прочие прелести, ждущие покупателей в здешних краях. Перечислив все это, он заявил, что «основанное здесь поселение обеспечит занятость рабочих рук на общую сумму не менее миллиона долларов», – и сделал паузу, чтобы переждать возгласы восхищения, а затем восторга, издаваемые нарисованной толпой на редкость расово разнообразных техасцев, собравшихся у причала его послушать.

– ...и, когда будут освоены богатейшие земли этого края, товары потекут сюда рекой, и новый город, без всяких сомнений, превратится в крупнейший торговый центр Техаса!

– Бла-бла-бла, – подытожил Т. Р., когда искусственная толпа внизу разразилась новым шквалом аплодисментов.

Симуляция померкла, прозрачные стенки посветлели, и дроны начали набирать высоту. Рой мультикоптеров взлетал вертикально с такой скоростью, что у Саскии заложило уши.

– Суть в цифрах, – продолжал в наушниках Т. Р. – Цифры – единственное, ради чего стоило послушать. Двести лет назад. Миллион долларов. На современные деньги – больше тридцати миллионов.

Чем выше взлетали дроны, тем более широкая панорама Хьюстона открывалась пассажирам. В нескольких милях к востоку от Алленс-Лэндинга река впадала в огромную гавань, вытянутую далеко к югу и отгороженную от Мексиканского залива островом. Большая часть побережья застроена индустриальными комплексами, складами и доками: выглядит впечатляюще для тех, кто не бывал в Роттердаме. Прямо на юг – район небоскребов, оплетенный паутиной расползающихся во все стороны дорог. Вдоль тех, что ведут прочь от города, – собственная цепочка субмегаполисов.

– Не стану оскорблять ваш интеллект, объясняя вам, как работают сложные проценты, – снова заговорил Т. Р. – Коротко говоря, общая стоимость недвижимости в Большом Хьюстоне на сегодняшний день – 1,75 триллиона долларов. Цифра серьезная. Но это лишь шесть процентов от годовых, полученных за двести лет, начиная вот с этой исходной точки. Постарайтесь удержать в памяти эту цифру, пока я покажу вам еще несколько уникальных видов.

Рой начал снижаться, в то же время постепенно разворачиваясь на северо-запад. Дроны летели на высоте, может быть, сотни метров над невероятно широким шоссе, которое Саския

вчера видела с земли. В сущности, целая многоуровневая система переплетенных магистралей, мостов, эстакад и вспомогательных дорог, каждая из них в Нидерландах сошла бы за крупную автостраду. По краям по земле стелились дублеры, также многополосные и способные нести огромный поток трафика, – сейчас, впрочем, они почти полностью ушли под воду.

– Здесь сливаются Десятая и Сорок пятая магистрали, – объявил Т. Р. – М-10 соединяет Лос-Анджелес и Флориду; Сорок пятая идет в Даллас и дальше на север. После слияния магистраль идет на юг и соединяет нас с Заливом.

В месте, где магистрали разделялись, дроны выбрали левый поворот и полетели дальше над Десятой, или Магистралью Кэти, как называют ее местные.

– Просто разглядывая эти конструкции на карте, невозможно отдать им должное, – сказал Т. Р., а затем всех удивил – направил дрон вниз, поднырнул под эстакаду и принялся петлять между мощными бетонными колоннами, вздымающимися из влажной земли. Весь рой последовал за ним, словно на американских горках.

– Т. Р., что значит «невозможно отдать должное»? – спросила Саския.

– Размеры, ваше величество. Мощь. Физическая масса всей этой стали в земле. Это величие, это *присутствие*... Каждая балка, каждый брус, который вы здесь видите, выплавлены на сталелитейном заводе. Как мы достигаем нужных температур? Что-то сжигаем. Цемент выплавляется в огромных печах – таких вы никогда не видели. Как мы поддерживаем в них горение? Что-то сжигаем. Из стали и бетона создаем эти исполинские дороги – для чего? Только с одной целью: чтобы по ним ездили машины. А как мы приводим машины в движение? Что-то сжигаем.

– И выбрасываем в атмосферу углекислый газ, – закончила Саския.

– Именно!

– Прожигаем жизнь на планете? О стабильности тут говорить не приходится.

– При всем уважении, ваше величество, ваша страна – тоже не образец стабильности. Впрочем, о том, как стабилизировать самое важное, поговорим позже. А пока задержимся на секунду: вот к этому стоит приглядеться!

И он бросил дроны в слалом между исполинскими колоннами, о которых только что говорил, проносясь под эстакадами, петляя вокруг развязок. Наконец вылетел на открытое пространство и вновь поднял весь рой на высоту, откуда можно было взглянуть на простершуюся под ними Магистраль Кэти. Она стала еще шире, если такое возможно.

– Двадцать шесть полос! – словно прочтя мысли Саскии, гордо объявил Т. Р.

Сейчас транспортный поток на этих двадцати шести полосах был довольно скудным: практически все предприятия, учреждения, школы закрылись из-за урагана.

– Народу сегодня немного, – объявил Т. Р., – так что устроим небольшое путешествие по волнам памяти. Сегодняшнее число, этот же участок шоссе, но год две тысячи девятнадцатый!

Едва он произнес эти слова, двадцать шесть полос Магистрали Кэти внезапно наполнились легковушками и грузовиками: бесконечный поток автомобилей двигался вперед с умеренной скоростью – еще не совсем пробка, но то здесь, то там уже загораются, притормаживая трафик, тормозные огни. Между машинами петляет мотоцикл: он здесь едет вдвое быстрее всех прочих. Иллюзия была очень реалистичная, хотя изображение упрощенное: все легковушки, пикапы, грузовики и прицепы одинаковые, каждый – безликая копия всех остальных. Впрочем, такое упрощение даже помогало «считывать» данные. Т. Р. показывал, просто и наглядно, каков был трафик на этом шоссе в этот же день и час 2019 года.

– Две тысячи двадцатый! – объявил Т. Р.

Экран дернулся, и изображение изменилось: машин стало меньше, двигались они быстрее.

– Первая пандемия. А вот две тысячи двадцать первый.

Экран снова дернулся, и машин стало еще больше прежнего: теперь на дороге образовалась пробка.

– Двадцать второй. – Движение ускорилось. – Двадцать третий. Двадцать четвертый. – Полосы снова опустели. – Год урагана, такого же, как сейчас. Двадцать пятый. Обратите внимание, – продолжил Т. Р., пока на экране мелькали годы, – как изменилась картина с появлением автомобильного автопилота. В густом потоке автомобили сближаются и едут вплотную друг к другу, образуя своего рода поезд, – это позволяет втиснуть больше автомобилей на одну полосу и серьезно увеличить скорость. Давайте переключимся с девятнадцатого сразу на двадцать девятый, тогда будет хорошо видно.

Так он и сделал. В самом деле: в 2019 году автомобили двигались хаотично, между ними оставались большие прогалы. А десять лет спустя машины уже ехали так, как привычно в наше время: цепью, прижимаясь друг к другу вплотную, элегантно, как в балете, перестраиваясь из одного ряда в другой. Превращение произошло при жизни Саскии, она хорошо его помнила, но никогда еще так наглядно не видела разницу.

– Итак, именно в тот момент, когда «зеленые» готовились сплясать на могиле автомобиля, современные компьютерные технологии впихнули на дорогу трафика вдвое больше прежнего и сделали автомобильные перевозки легче и безопаснее для всех. Угадайте, что дальше? Люди покупают еще больше машин! Жгут еще больше бензина! Для новых машин прокладывают новые шоссе, а «Т. Р. Микс» строит по обочинам этих новых дорог все больше своих Мобильных центров и зарабатывает все больше денег.

Виртуальный дисплей померк, на его место вновь вернулись яркие краски реальности. Все это время рой с негромким гудением летел на восток, вдоль центральной разделительной линии Магистральной Кэти, обгоняя даже самые быстрые автомобили. Однако внизу пока ничего не изменилось. Словно какой-то бесконечный конвейер: чем больше Хьюстона оставалось позади, тем больше выныривало из-за горизонта ему на смену.

– «О каких деньгах мы говорим?» – продолжал Т. Р. – Об этом всегда спрашивал мой старик, а до него – его старик, когда смотрел на нефтяное месторождение и прикидывал, сколько готов в него вложить. О каких деньгах мы говорим?

Внизу пронесся перекресток размером с центр Амстердама: Магистраль Кэти пересекалась здесь со старой кольцевой дорогой, давным-давно вошедшей в черту города. Еще через несколько миль ждал другой перекресток, новее и намного больше. Саския начала различать внизу то, что уже видела в виртуале: многоэтажные корпоративные здания Энергетического коридора, а также два больших района, на картах обозначенные как «водные резервуары». На фото со спутника они выглядели как лесопарковые зоны. Невооруженным глазом – снова водоемы, хоть и очень неопрятные. Вместо ровной водной глади – торчащие из воды деревья, вместо аккуратных берегов – прорванные плотины и полузатопленные дома, неосмотрительно выстроенные в этом районе.

– Карты врут, – заметил Т. Р., когда дроны замедлили ход и, повернув направо от шоссе, приблизились к одному из водоемов. – Сейчас покажу вам, что говорят карты о месте, на которое мы сейчас смотрим.

Снова включилась система дополненной реальности и на этот раз наложила на пейзаж за окном старую двухмерную Гугл-карту. Очень простая версия, что-то из двухтысячных. Ни спутниковых фото, ни данных о трафике, вообще никакой дополнительной информации. Просто дороги – белым цветом, суша – коричневым, вода – голубым.

– Как аккуратно смотрится, правда? – проворчал Т. Р. – Кто только все это рисует? Любой, кто здесь живет, скажет вам, что это не реальная картинка. Вот – реальность!

Карта начала подергиваться и меняться – поначалу как-то хаотично, так что трудно было понять, что происходит. Но через несколько секунд Саския поняла: это коллаж, собранный из снимков с воздуха. Комбинация фотографий со спутников и с дронов, показывающих «резер-

вуар» и его окружение таким, каким они выглядели в последние десятилетия. Поначалу коллаж накладывался на реальность пятнами: снимков было немного, интервал между ними составлял недели и месяцы, от одного снимка к другому изображение переходило скачками, но довольно скоро (по мере того, как шли годы и спутниковые фото становились постоянными и вездесущими) переходы сгладились настолько, что стали напоминать фильм. Водоем в этом фильме раздувался, вздымался и опадал, словно живой, как капля протоплазмы под микроскопом биолога. Порой исчезал совсем, и на его месте проступали деревья. Но затем, после сильного дождя, в низинах образовывались лужи стоячей воды; в течение нескольких часов или дней они стремительно росли и полностью заполняли аккуратные границы, очерченные плотинами. Время от времени вода прорывала и плотины, разливалась шире; изображения домов проецировались теперь на ее поверхность. Шли годы, и некоторые из этих домов исчезли. Т. Р. обратил на это внимание. Он подвел рой дронов к одному такому прибрежному району и показал, как целый квартал смыло потоком, разразившимся после урагана «Харви».

– Сто двадцать пять миллиардов, – сказал Т. Р. – Вот столько стоил нам «Харви». Второй по дороговизне после «Катрины» – та обошлась в сто шестьдесят один миллиард. Вот *о каких деньгах* мы говорим. Ущерб порядка одного-двух миллиардов долларов. Обрушивается на город внезапно и непредсказуемо.

Он прокрутил симуляцию на пару десятилетий вперед, потом назад и снова вперед. Саскии показалось, что Т. Р. держит палец на каком-то ползунке и двигает его туда-сюда сквозь годы. При быстрой перемотке стало очевидно то, что ускользало при медленном просмотре: прибрежные кварталы начали расти ввысь, как-то скачками набирая высоту. Точнее сказать, высота почвы оставалась той же, но дома поднимались над ней все выше, на все более массивных фундаментах.

– На наших глазах рождается индустрия подъема домов над уровнем воды, – объявил Т. Р. – А вот ее плоды.

С этими словами он отключил экран дополненной реальности и, медленно снижаясь, повел стаю дронов вдоль улицы, проходящей по переднему краю борьбы с наводнением. Многие участки здесь пустовали: на местах бывших домов, словно обозначая их контуры, стояли лужи грязной воды. Те дома, что стихия не тронула, гордо выступали из волн. У одних первый этаж представлял собой глухие бетонные стены, между которых располагался гараж или хозяйственный чулан: сейчас эти полуподвальные этажи заполнены водой, – но ясно было, что, как только вода отступит, их легко будет осушить и привести в порядок. Другие, поновее и пошикарнее на вид, высились над водой на сваях из армированного бетона.

– Только вообразите себе, сколько все это стоит! – заметил Т. Р., ненадолго притормозив стаю перед домом, который наводнение застало в процессе перестройки.

Вместо свай здание стояло на подпорках, сложенных из железнодорожных шпал: предположив такое временное решение, подрядчики эвакуировались вместе со своим оборудованием. У дверей покачивалась привязанная к крыльцу гребная лодочка. Привлеченный гудением дронов, к окну спальни на втором этаже подошел хозяин дома и с недоумением на них уставился. Обычный мужичок лет пятидесяти, в одних трусах из-за жары; за спиной, на ремне, перерезавшем наискось расплывшийся торс, болтается ружье.

– Не повезло чуваку, – вынес вердикт Т. Р. – Лет тридцать назад, еще до «Харви», купил симпатичный дом в симпатичном районе... тогда казалось, что это отличная идея. – Он взмыл вверх и одновременно резко уменьшил масштаб изображения, напоминая зрителям, сколько домов и кварталов вокруг претерпели такую же трансформацию. – Разумеется, он не понимал – да и никто тогда не понимал, – что это *стохастический* участок на берегу *стохастического* резервуара. Не понимали, потому что это статистическое понятие. А люди не умеют мыслить статистически. Так уж устроены наши мозги, что мы мыслим нарративами. У этого чувака нарратив был такой: мы с женой хотим осесть и завести семью, а вот и домик в новом

квартале, где все соседи такие же, как мы. Не могут же они все ошибаться! Вот и хорошо, берем ипотеку на тридцать лет. А теперь, должно быть, взял обратную ипотеку³⁹ или HELOC⁴⁰, чтобы поставить дом на сваи, – и разве что чудом сможет его продать. Умножьте эту историю на количество домов, которые мы видим вокруг, и вы поймете, о каких деньгах идет речь. А теперь нам пора подзарядиться.

Во время этой речи он повернул стаю на северо-запад и прибавил скорость. Саския опустила глаза на панель управления, нашла значок зарядки батареи: он светился желтым – осталась одна треть. По закрытому голосовому каналу она вызвала Аластера.

– Что значит «стохастический»? – спросила она. – Я, кажется, слышала это слово раз или два – а для Т. Р. в нем, похоже, заключена какая-то важная мысль.

– Это от греческого корня, означающего «догадываться», – пояснил Аластер. – В математике означает попросту нечто такое, что невозможно вычислить, нельзя узнать точно и к чему приходится применять статистические, вероятностные методы.

– Понятно. Ваша сфера.

– Вот-вот. Кажется, мы скоро увидимся?

– Похоже на то.

– А серьезные здесь расстояния! Как говорят американцы, большой размах.

Пунктом назначения, к которому они подлетели четверть часа спустя, оказался Мобильный центр «Т. Р. Микс», расположенный в пригороде, которому повезло больше – вода до него почти не дошла. Правда, на необъятной парковке здесь и там виднелись лужи, но мелкие. Большая часть парковочной территории была под крышей или под навесами – без чего, как поняла Саския, в Техасе не обойтись: надо быть человеком отчаянным, чтобы оставлять свою машину под прямыми лучами солнца. На крышах виднелись солнечные батареи: видимо, они обеспечивали питание для станций подзарядки электротранспорта, разбросанных здесь и там среди бензоколонок и дизельных насосов, расположенных вдоль распростертых «крыльев» огромного комплекса.

Одно из таких «крыльев» сейчас было закрыто для посетителей и целиком отдано обслуживанию Т. Р. и его стаи дронов. По обе стороны крыла стояли цепочками, выстроившись друг за другом, новехонькие, сияющие двухэтажные автобусы из тех, в каких проводятся экскурсии по городу; очевидно, единственная их задача состояла в том, чтобы отгородить площадку от посторонних глаз. В кабинах с кондиционерами сидели водители, а по крышам автобусов прогуливалась туда-сюда охрана в геокостюмах.

Внутри этого кордона Саския увидела с десятков черных внедорожников: на них добирались сюда помощники и охрана, пока почетные гости наслаждались полетом на дронах. Дрон Саскии коснулся земли: тут она обнаружила, что «руки» у него втягиваются, так что он становится компактным и без труда вкатывается на парковочное место, по техасским масштабам довольно скромных размеров. Сложенный дрон легко нашел себе дорогу к станции подзарядки, остановился на площадке под крышей. Из станции подзарядки вынырнула механическая кобра и вонзила ему в бок свои медные зубы. Панель управления возвестила, что батарея заряжается. К дрону подошли три человека, почти полностью прикрытые огромными, чуть не до пола, зонтиками. Такие зонтики Саския уже видела: их использует охрана, чтобы защитить ВИП-персон от острого взгляда дронов с камерами и длиннофокусных объективов папарацци. Под краем одного зонтика Саския разглядела пару женских ног в дорожных ботинках, по которым опознала Амелию. Несколько секунд спустя королева Нидерландов скрылась в заведении «Т. Р. Микс», ни на секунду не подставив лицо всевидящим небесам.

³⁹ Механизм монетизации имеющегося жилья, при котором владелец отдает свое жилье под залог на условии, что после его смерти оно отойдет банку. Обратная ипотека в США изначально была введена как целевая программа поддержки малоимущих пенсионеров.

⁴⁰ Home Equity Line of Credit – программа кредитования под залог дома, чаще всего с целью его ремонта.

Плаза – центральный хаб Мобильного центра – размерами напоминала обычный торговый центр, однако с меньшим количеством перегородок и отдельных зон. Быть может, больше подошло бы здесь сравнение с самолетным ангаром. В одной зоне находился магазин, где путешественники могли купить чипсы и джерки. Были туалеты, прославленные невероятными размерами и хирургической чистотой. Аркада развлечений, предназначенных в основном для детей, игровая зона для малышей, площадка для выгула собак под крышей, проветриваемый «аквариум» для курильщиков, комната для пеленания младенцев, пункт медицинской помощи – и наверняка еще много полезных мест, которые Саския не успела рассмотреть, поскольку многочисленный и деловитый персонал не давал ей глазеть по сторонам, а решительно вел в один из периферийных сегментов центра, где располагались рестораны. Ресторанов здесь было несколько: в их числе и самый настоящий тако-фургон⁴¹, припаркованный посреди здания между представителями известных сетей фастфуда. Большинство из них, как и следовало ожидать, предназначалось для торопливых перекусов. Но в одном углу находился ресторан классом повыше, в котором можно было с удовольствием посидеть. Само собой, барбекю, в техасском стиле. Длинные ряды деревянных столов и стойка, за которой посетители заказывают еду и забирают ее на больших металлических подносах. Сегодня, разумеется, обычных посетителей здесь не было. Ресторан украсили к приезду высоких гостей. Один стол в середине накрыли белой скатертью и настоящей, не пластмассовой посудой. Были здесь и бокалы, и даже букетики полевых цветов.

⁴¹ Закусочная на колесах, предлагающая мексиканскую еду, популярный символ юго-запада США.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.